

**ЮЖНОРОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

На правах рукописи

Нефедовский Геннадий Викторович

**ВИЗАНТИЙСКАЯ ИДЕЯ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ
В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ**

12.00.01 – Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

д.ю.н., профессор Овчинников А.И.

Ростов-на-Дону – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИДЕЯ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	16
§ 1. Идея симфонии властей в Византийской империи: основные концептуальные направления ее интерпретации	16
§ 2. Императорская власть в контексте идеи симфонии властей	28
§ 3. Отражение идеи симфонии властей в византийском правопонимании, законодательстве и правосудии	48
ГЛАВА 2. ИДЕЯ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ X–XX СТОЛЕТИЙ.....	66
§ 1. Идея симфонии властей в процессе становления государственности России в первые века после крещения Руси	66
§ 2. Симфония духовной и светской власти в государственно-правовых учениях Московского государства.....	79
§ 3. Идея симфонии властей в период Российской империи.....	108
ГЛАВА 3. ИДЕЯ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ.....	121
§ 1. Политико-правовой идеал симфонии властей в доктрине и практике постсоветского государственно-правового развития.....	121
§ 2. Идея симфонии властей в современном отечественном консерватизме: проблемы и противоречия государственно-правового развития	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	184

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Для правовой системы современного Российского государства нет более важного вопроса, чем ее духовно-нравственные идейные и концептуальные основания, так как именно они формируют ценности и архетипы традиционной отечественной правовой культуры. Как известно, именно от Византии Древняя Русь приняла ряд этих ценностей и под их влиянием рецептировала целый комплекс идей и концепций, прежде всего, в сфере государственно-конфессиональных отношений. Поэтому вопрос о концептуальных основаниях взаимодействия духовной и светской власти в Византийской империи, а впоследствии и в России в условиях современного духовного ее возрождения, имеет большое значение для науки о праве и государстве, практики государственно-правового строительства, исследования методологических, аксиологических и идеологических оснований государственно-правовой мысли России.

Многие исследователи согласны с тезисом о том, что в Византии достигла абсолютного воплощения идея симфонии властей, но далеко не все едины в мнениях относительно того, в каких сферах общественной жизни, в каком объеме и значении. Более того, многие авторы дают спорные оценки роли данной идеи в становлении права и государства Византии, настаивая на собственном понимании цезарепапизма, который якобы был источником больших нравственных и религиозных конфликтов. В этом плане особый интерес представляет проникновение духовной власти, христианских представлений о благочестии и справедливости в государственный строй, правопорядок и юриспруденцию. С легализацией христианства, а затем и с признанием его официальной религией Византийского государства произошло постепенное проникновение духовно-нравственных христианских идеалов в государственно-правовое мышление, правопонимание, преобразующих языческое государство в христианскую империю. Сходный

процесс наблюдался и в России, государственность которой складывалась под воздействием византийского государственно-правового опыта.

Одним из самых устойчивых архетипов отечественной правовой культуры является симфония властей, идейные основания которой рецептированы в период крещения Руси из Византии. Эта идея достигла наиболее полной реализации в период Московского государства. Понятие и идея симфонии духовной и светской власти имеют устойчивую и несколько упрощенную интерпретацию в юридической литературе, согласно которой симфония властей означает всего лишь сотрудничество церкви и государства в ряде областей. Основанием такого понимания является секуляризованное мышление, неизвестное Византии и дореволюционной России. Между тем именно в этой идее коренятся самобытные государственно-правовые начала – самодержавие, монархизм и соборность.

Степень научной разработанности проблемы. Идея симфонии властей получила свое осмысление, в первую очередь, в трудах византинистов, среди которых следует выделить отечественного исследователя – историка церкви В.В. Болотова. В его работах анализируются взгляды отцов церкви, мыслителей и богословов Византийской империи на природу государственно-церковных отношений с позиции симфонии властей. Значительное место в изучении симфонии властей занимают исследования историка византийской государственно-правовой мысли В.Е. Вальденберга. В его трудах рассматриваются и древнерусские учения о царской власти, ее границах, отношениях с духовной властью. Византологические исследования А.А. Васильева и Ф.И. Успенского раскрывают различные этапы реализации идеи симфонии властей в истории Византийской империи, в политическом и правовом сознании византийцев. Сочинения А.П. Лебедева позволяют осознать различное понимание симфонии властей в государственно-правовой мысли на православном Востоке и католическом Западе. Отношения Византийского государства и церкви рассматриваются в трудах Н.А. Скабаллановича. Протоиерей Иоанн Мейендорф раскрывает богословские

аспекты византийского государственного идеала общественного устройства. В целом труды отечественных, как дореволюционных: П.В. Безобразова, В.В. Болотова, В.Г. Васильевского, Е.Е. Голубинского, Ю.А. Кулаковского, В.Э. Регеля, И.И. Соколова, так и современных исследователей: М.В. Левченко, Е.Э. Липшица, Г.Л. Курбатова, А.П. Каждан, С.П. Карпова, Г.Г. Литаврина, И.П. Медведева, М.Я. Сюзюмова, З.В. Удальцовой, посвящены историко-юридическим аспектам церковно-государственных отношений. Эволюция идеи императорской власти прослеживается в работах византиниста И.С. Чичурова. Без использования научных трудов этих исследователей является затруднительным анализ таких памятников византийского права, как Дигесты Юстиниана, Эклога, Исагога и др., становится невозможным создание целостного облика взаимоотношений Византийского государства и церкви в контексте идеи симфонии властей. Среди зарубежных авторов важное значение для понимания византийской идеи симфонии властей в истории государственно-правовой мысли имеют разработки Х.Г. Бека, научная школа которого позволяет глубже понять правовой и политический менталитет византийцев, а также исследования П. Лемерля, А. Грегуара, Х. Хунгера, Д. Закитиноса, И. Караяннопулоса, С. Ламброса, Р. Браунинга, Д. Моравчика.

Особую роль в постижении проблемы византийской идеи симфонии властей, политико-правовых взглядов византийских императоров, а также российских монархов играют труды отечественного правоведа-византиниста А.М. Величко. В исследованиях И.А. Исаева раскрываются многие вопросы цезарепапизма, симфонии властей в византийской и русской истории. Сочинения Н.М. Золотухиной позволяют проследить влияние византийской идеи симфонии властей на историю русской политико-правовой мысли. Труды В.В. Момотова дают возможность определить влияние церковно-государственных отношений на историю русского средневекового правопонимания. В работах М.М. Кожяева осуществляется анализ отражения идеи симфонии властей в религиозной мысли Древней Руси. Н.Б. Комова в своих исследованиях раскрывает влияние этой идеи на образ монархической

власти в консервативных учениях о праве и государстве России. Византийская концепция взаимоотношений церкви и государства получает осмысление в трудах О.А. Новикова. Вопрос о соотношении церкви и государства в политико-правовых доктринах отечественных мыслителей рассматривается в работах И.Л. Дмитриева. Взгляды консерваторов и либералов на природу взаимоотношений государства и церкви освещаются в исследованиях А.В. Корнева. Б.И. Кецба выявляет особенности политико-правовых идей в осуществленном им историко-теоретическом анализе политико-правовой мысли отцов церкви Византийской империи. Л.Ю. Костогрызова уделяет внимание отражению идеи симфонии властей в законах Византийской империи и представлениях императоров IV – начала X века. Особое значение имеют труды В.А. Томсинова, посвященные анализу церковно-государственных отношений, идеи симфонии властей, религиозных оснований государства и права России в политико-правовых взглядах русских мыслителей разных эпох. Большую роль также играют работы исследователей русской консервативной государственно-правовой мысли А.А. Васильева и А.В. Корнева.

Важное место в осмыслении идеи симфонии властей в национальной государственно-правовой мысли занимают работы русских мыслителей Ю.Ф. Самарина, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, Д.А. Хомякова и др. В диссертационном исследовании получили освещение произведения русских мыслителей XIX века, относящихся к консервативному и либеральному направлениям. Практически все они затрагивают тему преемственности государственно-правовых традиций России и сравнивали их с традициями Византии. Среди работ этих философов, правоведов, государствоведов, историков сочинения Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, К.Н. Леонтьева, К.П. Победоносцева, Л.А. Тихомирова, В.С. Соловьева, С.Л. Франка, посвященные анализу преемственности идеи симфонии властей в истории отечественного государства и права, учениях о государстве и праве русских богословов, философов. Важнейшую проблематику, поднимаемую данными

исследователями, составляют взаимоотношения церкви и государства, роль христианства в становлении Русского государства, права, культуры. В их трудах определяются роль и значение церковно-государственных отношений в свете идеи симфонии властей в истории русской государственно-правовой мысли, государственности, общественно-политической и правовой культуры.

Источниковая база диссертационного исследования включает в себя литературные и юридические тексты – памятники Византии; сочинения отцов и мыслителей православной церкви – Амвросия Медиоланского, Тертуллиана, Блаженного Августина, Афанасия Александрийского, Евсевия Кесарийского, Иоанна Златоуста, Патриарха Фотия, Прокопия Кесарийского, М.Пселла, Г. Акрополита и Н. Хониата, Иоанна Схоластика, Марка Эфесского и др.; «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Киево-Печерский патерик», «Повесть временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха, «Сказание о Великих князьях Владимирских Великой Руси», «Слово о вере христианской и латинской» Феодосия Печерского, Устав князя Ярослава Мудрого, «Стязание с латиною митрополита Георгия», «Послание Московскому великому князю Василию Ивановичу» Филофея, переписка царя Ивана IV с князем Андреем Курбским, сочинения Иосифа Волоцкого, Ивана Пересветова, Ивана IV, Ермолая-Еразма, Максима Грека, протопопа Аввакума, философов, правоведов и мыслителей России; современные богословские труды – «Основы социальной концепции РПЦ», «Русская симфония» митрополита Иоанна (Снычева), научные труды патриарха Кирилла и др.

Идея симфонии церкви и государства анализируется в трудах немногочисленных современных исследователей. В их числе работы таких историков политических и правовых учений, византологов, раскрывающих особенности развития отечественной и зарубежной политико-правовой мысли в данном контексте, как Е.В. Белякова, А.А. Васильев, А.М. Величко, С.Я. Гаген, Ж.Б. Иванова, И.А. Исаев, Б.И. Кецба, М.М. Кожаев, Б.А. Молчанов, О.А. Новиков, А.В. Полянцева, Е.В. Сафронова, Г.С.

Стародубцев,

В.А. Томсинов, Л.В. Харьянова, Г.П. Шайрян. Следует особо отметить труды современных сторонников различных вариаций государственно-правовой институционализации идеи симфонии властей, среди которых А.Г. Дугин, А.С. Панарин, Н.А. Михалков.

Несмотря на большой объем научной литературы по проблемам византийской идеи симфонии властей, истории отечественной государственно-правовой мысли в вопросе концептуализации церковно-государственных отношений, малоизученным остается русское понимание симфонии властей, различные направления и интерпретации этой идеи в трудах мыслителей разных эпох в истории России, влияние архетипа симфонии на современное государственно-правовое мышление, правовую культуру и идеологию.

Объектом диссертационного исследования выступает идея симфонии властей в историко-теоретическом и доктринальном измерении, а его **предметом** являются различные интерпретации, историко-правовые и концептуальные аспекты, воплощение в политико-правовых учениях Византии и России, влияние на отечественную правовую культуру, правопонимание, государственно-правовую доктрину.

Цель и задачи диссертационного исследования. Цель работы состоит в выявлении логико-теоретических, концептуальных оснований идеи симфонии властей, обобщении и глубоком анализе теоретико-методологической, сравнительно-правовой, исторической и эволюционной специфики этой идеи, ее правокультурного контекста, отражения и обоснования в трудах мыслителей, определении религиозно-нравственных ориентиров развития российской правовой системы и национальной доктрины государственно-конфессиональных отношений в государственно-правовой мысли прошлого и настоящего.

В соответствии со сформулированной целью исследования в диссертационной работе ставятся и решаются следующие конкретные **задачи**:

- рассмотреть основные подходы к пониманию идеи симфонии властей на разных этапах развития Византийского государства и права в контексте ее роли и значения как основы византийской государственно-правовой мысли;

- оценить влияние идеи симфонии властей и ее различных концепций на идею императорской власти, понимание полномочий, статуса, прав и обязанностей византийских императоров;

- определить и показать роль идеи симфонии властей в развитии византийского правопонимания, правосудия, законодательства, а также концептуализации церковно-государственных отношений в Византии;

- установить и охарактеризовать правовые и нравственные аргументы данной идеи, оказавшие существенное и определяющее влияние на концептуализацию и осмысление верховной власти в период Киевской Руси;

- выделить ведущие направления и парадигмы в исследовании симфонии властей в отечественной государственно-правовой мысли, выявить основные интерпретации идейно-теоретического обоснования идеи симфонии властей в русской государственно-правовой мысли Московского государства;

- раскрыть влияние идеи симфонии властей на процесс становления различных государственно-правовых концепций России в XVII–XX веках;

- изучить влияние византийской идеи симфонии властей на развитие консервативной государственно-правовой мысли России;

- обозначить и охарактеризовать воздействие идеи симфонии властей на отечественное правопонимание, концепции государственно-конфессиональных отношений, а также на осмысление развития правовой культуры и государственности в государственно-правовой мысли современной России.

Методологическая и теоретическая основа диссертационного исследования. В работе учтены методологические традиции исследований в области истории политических и правовых учений, философии права, теории и истории государства и права, среди которых особое место занимают логико-структурный, историко-философский, социокультурный, аксиологический, герменевтический, текстологический анализ. Важную роль в исследовании данной темы играют цивилизационный подход к государству и праву, философско-правовые категории и методы истории учений о праве и государстве, позволяющие рассмотреть правовые явления и процессы как социокультурные феномены.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- определены основные подходы к пониманию идеи симфонии властей и обоснована некорректность применения понятия «цезарепапизм» к анализу византийского государственно-правового наследия;

- установлены смысловые границы и показана концептуальная линия понимания идеи императорской царской власти как власти, служащей Богу в деле христианского спасения народов империи, а не как особой привилегии, в качестве доминирующей в государственно-правовой мысли Византии;

- определены основные параметры влияния идеи симфонии властей на правопонимание византийцев, сформировавшего теократическую концепцию естественного права;

- обоснована и охарактеризована контекстуальная и смыслоформирующая роль идеи симфонии властей в становлении отечественной государственности, национального правопонимания, русской философии права;

- выделены и установлены основные формы концептуального оформления идеи симфонии властей в категориях русской государственно-правовой мысли, в теоретико-правовом и государствоведческом дискурсе;

- установлены теоретические основания и раскрыта сущность ряда подходов к пониманию самодержавия в контексте идеи симфонии властей;
- выделены особенности интерпретации данной идеи в трудах различных представителей отечественной консервативной государственно-правовой и общественно-политической мысли в Российской империи, показаны ее основные направления;
- определены теоретические и концептуальные формы отношений между светской и духовной властью в контексте современных консервативных государственно-правовых учений, ценности и доктрины на уровне архетипов политического и правового сознания и мышления.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Влияние византийского государственно-правового наследия на учения и концепции отечественных мыслителей и русскую правовую культуру оценивается в зависимости от приверженности авторов консервативным или либеральным ценностям, от отношения к православному христианству, духовным ценностям и Церкви, что выразилось в дискуссии относительно понятия «цезарепапизма», отражающего доминанту светской власти над духовной, упрощающего их взаимоотношения в категориях господства и подчинения. Цезарепапизм предполагает осознание раздельности светской и духовной власти, которой не могло быть в не секуляризованном правосознании императора, мыслящем политическое и духовное в «неслиянном единстве», в то время как цезарепапизм есть примат власти в Церкви со стороны государя. Церковный, священнический статус императора нашел особенно яркое свое воплощение в его клерикальных полномочиях и богослужебной традиции православной церкви.

2. Смысловой контур идеи симфонии властей не следует редуцировать к вопросам сотрудничества и соработничества светской и духовной властей, так как идея симфонии в Византии воспринималась в

качестве необходимой меры как для обеспечения единого нравственно-идеологического основания империи и легитимности имперской власти, сосредоточившей в своих границах различные народы, для которых христианство выступало основой построения нового государства, где сакральный и правовой статус империи был единым, нераздельным, симфоническим, так и для Церкви, нуждающейся в государственной поддержке своей миссии в мире. Большинство императоров придавали собственному служению абсолютное значение в деле христианского спасения народов империи, что придает более глубокий смысл понятию «симфония властей».

3. Формирование теологической (теократической) доктрины естественного права осуществлялось под влиянием идеи симфонии властей: во-первых, идея симфонии властей повлияла на правовые идеалы и ценности римского законодательства в пользу их духовно-нравственного христианского обоснования; во-вторых, целью права, как и целью государства стало не столько обеспечения безопасности и интересов, сколько спасение душ подданных; в-третьих, законодательство Римской империи, согласно идее симфонии властей, в качестве главной задачи включало в себя защиту и главенство христианства на территории империи, что обусловило законодательную фиксацию важнейших христианских истин и право, основанное на нравственных ценностях, обрело важную для государства духовно-нравственную легитимность, в то время, как церковные догмы получили юридическую защиту; в-четвертых, право стало восприниматься как органическая часть Божественного мироустройства и высшее, главное (естественно-правовое) предназначение права виделось в исполнении Божественного промысла о человеке и человечестве в домостроительстве Вселенской церкви Христа.

4. Идею симфонии властей необходимо рассматривать в качестве контекста интерпретации государственно-правового наследия отечественных мыслителей и русского национального правопонимания вплоть до начала XX

столетия. Рецепция идеи симфонии властей и элементов византийской модели организации государственно-церковных отношений сформировала самобытность отечественной государственности и национальной философии права, путь построения которой пролегал вне жесткой борьбы и вражды духовной и светской власти, вне концептуальной дискуссии между сторонниками папоцезаризма и цезарепапизма. Этот вектор направлял развитие отечественной государственно-правовой мысли в различные периоды эволюции русского государства и права на поиск политико-правовых механизмов гармонизации властных отношений между духовной и светской властью, а не на выработку механизмов и режимов их жесткого и четкого разведения, определения функциональных и институциональных границ автономной и самостоятельной деятельности последних.

5. Симфония царства и священства в трактатах и сочинениях русских мыслителей периода Киевской Руси, Московского государства, Российской империи преломляется в попытках обоснования единства между Церковью Христа и Землей Русской, князем и советом думцев, Правдой и Законом, правом и нравственностью, властью князя и народом, служения Богу и людям, властью и верой, правом и обязанностью, церковным и государственным правом, самодержавием и Церковью (митрополит Иларион, Владимир Мономах, преп. Нил Сорский, преп. Максим Грек, преп. Иосиф Волоцкий, Даниил Заточник, Федор Карпов, Иван Пересветов, Филофей, Алексей Хомяков, Николай Тальберг, Александр Кошелев, Сергей Уваров, Мстислав Шахматов, Петр Казанский, митрополит Иоанн Снычев и др.), хотя дискуссия относительно отдельных аспектов симфонии проявляла себя в спорах нестяжателей и иосифлян, Ивана Грозного и Андрея Курбского, Д.Хомякова и К.Победоносцева с М.Катковым. Идея симфонии властей выступила базовым «юридическим архетипом» в организации и эволюции отечественных государственно-правовых учений, основополагающей идейно-концептуальной матрицей в формировании доктринальных и

программных положений, связанных с организацией и совершенствованием государственной власти.

6. Идея симфонии в отечественном правовом мышлении, в современных государственно-правовых и религиозно-нравственных учениях воспринимается в качестве широкого концепта, не сводящегося исключительно к византийской модели государственно-церковных отношений. Именно это обстоятельство и позволяет рассматривать симфонию в качестве идейно-концептуальной и доктринальной основы развития консервативных государственно-правовых учений. Впоследствии идея симфонии властей проявляла себя в качестве идеократического архетипа национального правосознания и правового мышления, в котором понятие права и государства было неразрывно связано с морально-нравственными идеалами и ценностями.

7. Идея симфонии властей в русском национальном правосознании значительно глубже и шире конкретно-исторической византийской модели и связана с идеями соборности, нравственного служения, публично-властного взаимодействия. Если в Византии данная идея являлась лишь одним из элементов исторически сложившегося ансамбля политических, правовых и религиозных ценностей, то для России она стала государствообразующей. Современное развитие концепции, принципа, идеи симфонии властей предполагает не реставрацию византийской или русской средневековой ее модели, а применение секулярной модели симфоничности в качестве метаюридического и духовно-нравственного основания для формирования доктринально-правовой базы развития государственно-церковных отношений в XXI веке, так как взаимодействие церкви и государства направлено на решение острых социальных проблем, стоящих перед российским обществом и государством.

Научно-теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Систематизация и комплексный анализ идеи симфонии властей, ее зарождения и развития в истории учений о праве

и государстве, истории права и государства имеют не только теоретико-правовое значение для понимания эволюции и специфики отечественного юридического мышления, но и практическую значимость, поскольку они позволяют установить оптимальные модели преемственности в практике современного государственно-правового развития, государственно-конфессиональных отношений.

Материалы диссертационного исследования, его теоретические положения и выводы могут быть использованы как в научно-исследовательской, так и в учебно-педагогической деятельности. Данная работа внесет вклад в юридическую науку, общую теорию государства и права, историю политических и правовых учений.

Результаты исследования могут учитываться и при совершенствовании действующих нормативно-правовых актов, правовых доктрин и стратегий развития Российского государства. Основные выводы и положения диссертации могут быть полезными при формировании законодательства в сфере свободы совести и правовой политики государства.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации выносились на обсуждение кафедры теории и истории права и государства Южнороссийского института управления Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте РФ, а также обсуждались на Международной научно-практической конференции «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики» (Ростов-на-Дону, 2016 г.), на Всероссийской научно-теоретической конференции «Актуальные вопросы конституционного и административного права» (Ростов-на-Дону, 2017 г.), на Всероссийской научно-теоретической конференции «Актуальные проблемы частноправового регулирования общественных отношений» (Ростов-на-Дону, 2016 г.), Всероссийской научно-теоретической конференции «Регулирование миграционных процессов на Юге России: политические, юридические и правоохранительные аспекты» (Ростов-на-Дону, 2016 г.), круглых столах и научно-теоретических семинарах. Результаты диссертационного исследования нашли отражения в семи статьях,

размещенных в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертационных исследований, шести публикациях в иных изданиях.

Структура диссертационного исследования определена объектом, предметом, целью работы и решаемыми в соответствии с ними задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя 8 параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ИДЕЯ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

§ 1. Идея симфонии властей в Византийской империи: основные концептуальные направления ее интерпретации

Влияние Византии на судьбы российской государственности, преемственность русской истории и роль в ее характере Византии до сих пор волнуют умы исследователей¹. Еще в XIX веке этот вопрос разделил западников и консерваторов. Так, например, П.Я. Чаадаев (1794–1856) писал: «По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения»². Данной позиции также придерживался К.Н. Леонтьев (1831–1891), считавший, что основы российского «государственного и домашнего быта остаются тесно связанными с византизмом» и что «византийский дух,

¹ См.: Леонов С. В. К вопросу о влиянии Византии на русскую историю // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 6. С. 67–76; Иванов С. Второй Рим глазами Третьего: Эволюция образа Византии в российском общественном сознании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/04/14/vizant>; Бачинин В. Общественные грехи византизма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1934>; Каграманов Ю. Безответная Византия // Континент. 2008. № 136; Кадырбаев А. Византийское и золотоордынское наследие в судьбе Российской и Османской империй: сходство и различия // Татарский мир. № 19. 2004. С. 8–12.

² Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml

византийские начала и влияния» еще пронизывают «великорусский общественный организм»³.

Это влияние признают и современные политологи, правоведы, публицисты. Так, Г. Старовойтова, характеризуя российскую политическую элиту, констатирует: «Главная беда нынешнего времени – византийский деспотизм, помноженный на партийные рефлексy с добавлением коррупции как формы управления страной»⁴. Говоря об интригах внутри отечественной элиты, близкую к этой точку зрения высказывает А. Соловьев: «Укрепляет подобную тенденцию и характерный для российских политиков так называемый “византийский стиль” управления, ориентированный на преимущественно теневые и полутеневые способы принятия решений, закулисные методы кадрового подбора и пр.»⁵.

Следует отметить, что в юридической литературе также содержится достаточно много выводов и утверждений о связи Византии и русской истории государства и права, политической и правовой мысли. Например, В.А. Томсинов, давая общую характеристику правовой мысли Киевской Руси, указывает на то, что православное христианство служило тем руслом, благодаря которому на Русь проливался поток религиозно-нравственных ценностей, которые были характерны «Империи Ромеев», то есть Византийской империи: «обогащая духовную культуру Киевской Руси, византийское идейное наследие обогащало и ее политическую и правовую мысль»⁶. Данная позиция полностью перекликается с выводами большинства исследователей в сфере политических и правовых традиций России⁷.

³ Леонтьев К. Избранное. М., 1993. С. 19, 22, 27, 28, 33–36, 40.

⁴ Старовойтова Г. Россия, которую мы обретаем // Деловые люди. 1997. 1 января.

⁵ Соловьев А. Византийский стиль. Культура власти российской элиты // Дружба народов. 2000. № 7. С. 3.

⁶ Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли X–XVIII веков. М., 2003. С. 14.

⁷ См., например: Салтыкова С. А. Реализация православного идеала «симфонии» церкви и царства: византийская и русская исторические формы церковно-государственных отношений // История государства и права. 2009. № 20. С.13–16; Фадеев В. И. О духовно-нравственных основах народного представительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 11–16; Ефимовских В. Л.

В этом смысле особенно важным и интересным представляется вопрос об отношениях церкви и государства, поскольку главным «грехом» Византии по-прежнему считается цезарепапизм. Так, В. Бачинин пишет: «К числу приобретений, унаследованных Россией от Византии, принадлежит известный принцип симфонии, означающий особую близость отношений между Церковью и государством, священством и царством. Восходящий к политической доктрине и социальной стратегии императора Юстиниана I (482–565) он возник в форме цезаропапизма, то есть как фактического сращения двух ветвей власти, светской и духовной, при различных, от мягких до жестких, степенях доминирования первой над второй... После того как Церковь была унижена и деморализована, государство устремило весь свой brutальный напор в область частной жизни личности, в сферу ее прав и свобод. Располагая полным набором репрессивных орудий, позволяющих удерживать людей в состоянии страха, оно целенаправленно формировало сервилистскую, рабскую психологию»⁸. Известный русский философ В.С. Соловьев (1853–1900) полагал, что в Византии отрицались «жизненные требования христианства, не ставилось никакой высшей задачи для жизни общества и для государственной деятельности»⁹. По мнению философа, еще до крушения государственности Византия еще до своего падения давно «умерла нравственно». Россия же, напротив, обнаружила определенные преимущества своего религиозно-политического фундамента по отношению к Византии, однако вместе с православием она получила и церковный византизм¹⁰.

Таким образом, основное порицание вышеуказанных преимственных взаимосвязей между Россией и Византией заключается в цезарепапизме.

Священство и царство: к вопросу о модели государственно-церковных отношений в московский период // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2013. № 1. С. 38–46.

⁸ Бачинин В. Общественные грехи византизма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1934> (дата обращения: 01.07.2017).

⁹ Соловьев В. Византизм и Россия // Спор о справедливости. М.; Харьков, 1991. С. 665.

¹⁰ Там же. С. 667, 672, 677–679, 697.

Например, Б.И. Кецба считает, что господство государственной власти над властью церковной было пресечено только патриархом Фотием (др.-греч. Πατριάρχης Φώτιος) (около 820–896), включившим в Эпанагогу, византийский сборник законов конца IX века, положение о взаимодополнительности властей императора и патриарха¹¹. Другой исследователь А.В. Алексеев полагает, что соотношение церковной и светской власти в Российской империи в синодальный период представляет собой пример цезарепапизма и «уходит корнями в византийский цезарепапизм»¹².

Впрочем, подобная оценка близка и позиции Русской православной церкви. Как отмечается в Основах социальной концепции РПЦ: «Церковь неоднократно оказывалась объектом цезарепапистских притязаний со стороны государственной власти. Суть их заключалась в том, что глава государства, император, претендовал на решающее слово в устройении церковных дел. Помимо греховного человеческого властолюбия у таких посягательств была еще и историческая причина. Христианские императоры Византии были прямыми преемниками языческих Римских принцепсов, которые среди многих своих титулов имели и такой: pontifex maximus – верховный первосвященник. Всего откровенней и опасней для Церкви цезарепапистская тенденция обнаруживалась в политике императоров-еретиков, в особенности в иконоборческую эпоху»¹³.

Современный правовед И.А. Исаев справедливо указывает, что цезарепапизм представляет собой феномен Реформации, а не Византии. В период Реформации государство помогло протестантизму обрести авторитет: «Протестантизм как политизированная религиозная форма

¹¹ Кецба Б. И. Влияние христианства на законодательство Византийской империи // История государства и права. 2015. № 15. С. 3.

¹² Алексеев А. В. К вопросу о положении Православной Церкви в Российском государстве к началу XX века // История государства и права. 2008. № 3. С. 18–20.

¹³ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/osnovy-socialnoj-koncepcii-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi#s3> (дата обращения: 02.08.2017).

оказался не в состоянии выдвинуть своей волей какой-либо значимый властный авторитет, обладающий всеобщим влиянием и признанием, поэтому за него это сделало государство»¹⁴. Действительно, цезарепапизм предполагает осознание разделенности светской и духовной власти, которой не могло быть в несекуляризованном правосознании императора, мыслящем политическое и духовное в неслиянном единстве. Цезарепапизм есть захват власти в церкви высшим политическим органом.

В то же время понятие и идея симфонии духовной и светской власти имеют устойчивую и несколько упрощенную интерпретацию в юридической литературе, согласно которой симфония властей означает всего лишь сотрудничество церкви и государства в ряде областей.

Например, В.И. Фадеев полагает, что история русского народа была построена на основе духовно-нравственных ценностей, идей, среди них симфония властей и соборность, определяющие нравственные границы и принципы верховной власти, ее взаимоотношения с народом: «Русская церковь строила свои отношения с государственной властью на иной основе, каковой является симфония властей — одна из главных догм для византийского законодательства. Симфония властей отнюдь не означает слияние власти церковной и царской: она основана на различии священства и царства. Однако эти две власти в обществе действуют к обоюдной пользе в гармоническом соединении, дополняя и поддерживая друг друга»¹⁵. Кроме того, исследователь отмечает, что идея симфонии властей обретала особую силу в те периоды, когда в обществе государственная и духовная власть строились на духовных принципах, а их единство было необходимо для обеспечения верховенства государственных и духовных интересов, идей, ценностей. И сегодня перед государством, церковью остается задача

¹⁴ Исаев И. А. Иррациональное в рациональном: приход «современного» права // История государства и права. 2013. № 16. С. 2–9.

¹⁵ Фадеев В. И. О духовно-нравственных основах народного представительства в России... 2014. № 3. С. 11–16.

обеспечения осуществления и гарантии сохранения государственно-правовых и культурно-духовных ценностей. Этой цели оптимально служит идея симфонии властей. Данный принцип должен влиять на нравственную атмосферу публично-властной деятельности в государстве. Он может быть рассмотрен как духовно-нравственное основание для организации власти в современном государстве и обществе вместо одиозного принципа разделения властей, базирующегося на конфликтах, соперничестве, состязании.

Весьма близко к смыслу трактует эту идею И.А. Исаев: «Идея “симфонии” коренилась в априорном принципе солидарности, духовной и организационной, на котором строился еще монизм древнехристианской общины. Единство и одновременно с ним автономность заложили методологическую основу для “симфонической” конструкции позднейшего византийского периода. Церковная автономия проявилась в разделении функций: оставаясь вне императорской юрисдикции, Церковь осуществляла духовное заступничество империи перед Богом»¹⁶. Однако из анализа зависимости закона от церковных канонов он делает вывод о том, что императорская власть имеет вторичную роль в образовавшейся «симфонии». По мнению автора, духовная власть насыщала легитимностью власть светскую, что делало ее заинтересованной в укреплении духовной власти посредством установления государственных и правовых институтов. И.А. Исаев отмечает, что император своим авторитетом буквально «продавливал» христианизацию империи, а не наоборот.

В иных источниках симфония властей трактуется как «соправление двух государей – монарха и патриарха»¹⁷. В других – ее суть передается через соотношение церковного и римского права. «Концепция “симфонии властей” – это идея о гармоничном взаимодействии церкви и государства, главным содержанием которой является то, что законы церкви есть в то же время и

¹⁶ Исаев И. А. «Симфония властей»: взаимодействие власти и авторитета // История государства и права. 2012. № 1. С. 26–30.

¹⁷ Водопьянова М. В. Борьба светских и церковных судов за юрисдикцию в XVII веке // Адвокат. 2015. № 11. С. 67–71.

законы государства, и оно при этом выступает гарантом их соблюдения. Иначе говоря, государство признает над собой высший духовный авторитет церкви, обязуется руководствоваться в своей деятельности христианскими идеалами, поддерживать церковь в необходимой мере, а та, в свою очередь, обещает, используя свой духовный авторитет, помогать ему в его практической деятельности»¹⁸.

Как отмечается в Основых социальной концепции РПЦ, у церкви и государства, духовной и светской власти совершенно разные основания, различные природы, что влияет на меры, используемые ими для своего авторитета и реализации интересов. Светская власть ориентируется на институт убеждения, принуждения, на идеологию. Духовная власть опирается на духовные меры и средства для достижения духовных целей. «Церковь преподает людям нравственные заповеди, а потому не властна изменить что-либо в своем учении. Не властна она и прекратить проповедование истины, какие бы иные учения ни предписывались или ни распространялись государственными инстанциями. В данном отношении церковь совершенно свободна от государства»¹⁹.

По мнению ряда исследователей, симфонические отношения церкви и государства наиболее близки евангельскому идеалу²⁰. При этом нельзя не согласиться с тем, что в симфоническом сосуществовании церкви и государства исчезают их границы: «неслиянно и нераздельно» подобно догмату о Пресвятой Троице.

Однако не все авторы разделяют данную точку зрения. Так, например, известный исследователь канонического права протопресвитер Н. Афанасьев характеризует взаимоотношения церкви и государства во времена правления императора Константина Великого (272–337) и после него следующим

¹⁸ Новиков О. А. Византийская концепция «симфонии властей». Историко-политический аспект // Право и политика. 2007. № 7. С. 23.

¹⁹ О социальной концепции русского православия. М., 2002. С. 272.

²⁰ См.: Салтыкова С. А. Реализация православного идеала «симфонии» церкви и царства: византийская и русская исторические формы церковно-государственных отношений // История государства и права. 2009. № 20. С. 13–16.

образом: «С Константина Великого Церковь получила мир, которого она жаждала и который был ей необходим, но он повлек за собою помимо ее воли преклонение под чужое ярмо – ярмо римского кесаря и римского закона. Произошло то, чего боялся Апостол Павел, – смешение света и тьмы и участие верных с неверными»²¹.

Вообще, согласно учению православных канонистов, государство следует рассматривать как богоустановленный институт, возникший в результате сложного развития из семьи через Промысл Божий и усложнение общественных связей. В своих трудах епископ Никодим (Милаша) обосновывает точку зрения о том, что «для направления человеческих законов... к цели, предначертанной Промыслом Божиим, Бог даровал, как и первому главе семьи, государственной власти силу, чтобы она рукою, вооруженною мечом правды и справедливости, вела людей во имя Его благим путем»²².

Так, Священное Писание содержит следующее положение: власть – установление Божие. Обращаясь к Понтию Пилату, Иисус Христос произнес: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин. 19:11). Господь данным высказыванием указал на Небесный источник всякой земной власти. Ему был также задан вопрос о том, можно ли платить налоги иноземных захватчикам, которыми и были римляне по отношению к евреям в тот период. Иисус Христос ответил так: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21). Поэтому и апостолы указывали на необходимость следовать повелениям власти, невзирая на ее характер, в том числе и на отношение ее к церкви: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя

²¹ Афанасьев Н. Церковь Духа Святого. Рига, 1994. С. 284.

²² Никодим, епископ Далматинский. Православное церковное право. СПб., 1897. С. 436.

осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее; ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите, ибо они Божие служители, сим самым постоянно заняты. Итак, отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь» (Рим. 13:1–7).

Рассматривая природу государственно-церковных отношений, важно учитывать, что церковь заинтересована в стабильности и процветании государства. Именно ввиду данного обстоятельства церковь указывает верующим следовать повелениям власти, подчиняться ей, а также и молиться о ее благополучии. Это нужно «дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2:2).

Суть симфонического отношения церкви и государства выразил известный современный специалист в сфере церковного права протоиерей Владислав Цыпин. По мнению исследователя, именно в византийский период были сформулированы важнейшие принципы и идейные основы государственно-церковных отношений, взаимодействия духовной и светской власти, что нашло свое отражение в канонах и государственных законах империи, а затем и в Священном Предании – писаниях святых отцов. Именно из их трудов появился термин «симфония церкви и государства». Сущность симфонии «составляет обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность, без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой»²³. Государство получает от церкви поддержку, молитву за себя, а церковь от государства – помощь в создании условий, благоприятных для благовествования. «Епископ подчиняется

²³ Цыпин Вл., протоиерей. Курс церковного права: учебное пособие. Клин, 2004. С. 637.

государственной власти как подданный государству, а не потому, чтобы епископская власть его исходила от представителя государственной власти; точно так же и представитель государственной власти повинуетя епископу как член Церкви, как грешный человек, ищущий спасения от Церкви, а не потому, чтобы власть его происходила от власти епископа»²⁴.

Однако дело только в том, что церковь в понимании императоров не противостояла им, а они себя воспринимали как церковь. В церковных канонах говорится: «Царскому человеколюбию предлежит попещися, чтобы Кафолическая Церковь, благочестною утробою Христу их родившая, и крепостию веры воспитавшая, была ограждена их промыслием; дабы в благочестивые их времена, дерзновенные человеки не возгосподствовали над безсильным народом, посредством некоего страха, когда не могут совратити оный посредством убеждения»²⁵. Исходя из этого канона императорская власть обязана была контролировать убеждения подданных, сохраняя цельность церкви. Поэтому симфония властей представляла собой сложный симбиоз политических, духовных, правовых идей, суть которых искажена исследователями и реальной историей.

Обобщая вышеуказанную эволюцию политико-правовых идей и практику государственно-церковных отношений, можно выделить ряд этапов трансформации идеи симфонии властей в отечественном государственно-правовом пространстве. Выделение данных этапов позволяет проследить процесс формирования устойчивых образов, представлений и моделей взаимодействия светской и духовной власти, этапов трансформации государственно-церковных отношений, а также влияние последних на современную эволюцию как ценностно-нормативной системы общества, так и публично-властного взаимодействия в обществе.

Кроме того, следует отметить, что христианские идеи, которые лежат в основе государственно-церковных отношений, равно как и церковь,

²⁴ Никодим, епископ Далматинский. Православное церковное право... С. 680.

²⁵ Цыпин Вл., протоиерей. Курс церковного права... С. 637.

государство, право, власть, – это феномены конкретно-исторические, трансформирующиеся вместе с развитием общества. Как отмечается в Основах социальной концепции РПЦ, церковь, безусловно, имеет «историческую составляющую, входящую в соприкосновение и взаимодействие с внешним миром, в том числе с государством. Государство, которое существует для устроения мирской жизни, также соприкасается и взаимодействует с церковью. Взаимоотношения государства и последователей истинной религии изменялись в ходе истории»²⁶. Именно поэтому идею симфонии властей необходимо анализировать в исторической трансформации, учитывать не «букву» византийской модели, а ее идейно-смысловую и духовную составляющие, которые на протяжении различных исторических этапов выступали в качестве образца, метаюридического идеала организации взаимодействия церкви и государства.

В этом ключе следует привести позицию Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, отмечающего, что «на самом деле в теории существует такая модель церковно-государственных отношений, которая с православной точки зрения считается идеальной. Это так называемая “симфония” Церкви и государства. Идея симфонии церковно-государственных отношений родилась и была оформлена в Византии. К сожалению, ни в самой Византии, ни в другом месте эта идея никогда так и не реализовалась. Да и вообще, наверное, во всей полноте и с абсолютной чистотой этот эксперимент поставить в реальной жизни невозможно. Однако принципы симфонического сопряжения Церкви и государства очень важны. Сегодня мы иначе описываем модель приоритетных для нас церковно-государственных отношений. Мы говорим о том, что Церковь не вмешивается в дела государства, а государство не вмешивается в дела Церкви, но при этом обе стороны находятся во взаимоуважительном диалоге и конструктивном сотрудничестве. Мы не отчуждаемся друг от друга. И этот диалог, и это

²⁶ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви...

сотрудничество направлены на улучшение жизни людей – как духовной, так и материальной»²⁷.

В обсуждаемом аспекте, предваряя более детальный анализ, можно отметить, что идея симфонии властей представляет собой идейно-концептуальную основу для формирования доктринально-правовых основ государственно-церковных отношений в современной России, а также идеальную модель организации и взаимодействия светской и духовной власти в обеспечении духовно-нравственной и национальной безопасности государства. В этом плане верной представляется позиция известного историка Н.А. Нарочницкой о том, что модель симфонии властей является одним из базовых духовных и цивилизационных кодов развития русского общества, адекватного его истории и будущим задачам²⁸.

Таким образом, вхождение России в византийскую ойкумену обусловило принятие особой модели организации государственно-церковных отношений и специфической, отличной от западноевропейской модели организации публичной власти, которая на протяжении веков выступала в качестве базового архетипа национального правосознания. Эта модель, как указывалось выше, основывалась на единении, «со-звучии» и «со-развитии»: «два величайших Божьих дара, – пишет по поводу шестой новеллы правового кодекса императора Юстиниана Великого (483–565) профессор духовной академии И.И. Соколов (1865–1939), – даны людям от всевышней благодати – священство и государственная власть; одно имеет попечение о предметах божественных, другое управляет и заботится о делах человеческих. Но оба, происходя из одного и того же начала, совместно благоустраивают человеческую жизнь»²⁹.

Формирование идеи симфонии властей происходило на протяжении ряда этапов. Первые из них были связаны с деятельностью императоров

²⁷ Патриарх о церкви и государстве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsad.ru/articles/patriarh-o-cerkvi-i-gosudarstve-vosem-citat> (дата обращения: 26.12.2017).

²⁸ См.: Нарочницкая Н. А. Русский код развития. М., 2013.

²⁹ Соколов И. И. Лекции по истории Греко-восточной церкви. СПб., 2005. Т. 1. С. 14.

Константина Великого и Юстиниана Великого. Фундаментальные основы симфоничности в государственно-церковных отношениях, как известно, сформулировал патриарх Фотий, обосновав в своем учении самобытность монархического государственного устройства и религиозно-правового мышления, получивших свое полное отражение в политико-правовой организации византийской государственности, принципиальным образом отличавшейся от римско-католических политических и религиозно-правовых структур. Здесь «церковь не греховно и преступно, а вдохновенно и убежденно совоплотилась с государством, с империей во имя покорения Христу всей земной истории, не боясь ее материальной оболочки»³⁰.

Современный русский византолог Б.А. Успенский, в свою очередь, отмечает, что разрушение Византийской империи «запустило» процессы «реставрации» ее общего государственно-церковного «каркаса» в Московском государстве, которое предопределило появление в истории Московского монархического царства, а в дальнейшем – Российской империи³¹. При этом во многих политико-правовых учениях подчеркивалось, что такой «византийский каркас» не только способствовал формированию и развитию русской государственности и ее самобытного характера государственно-правовой эволюции, но и выступал идейно-концептуальной основой для становления Российской империи. Именно византизм, как указывает, например, К.Н. Леонтьев, способствовал формированию русского имперского мышления и его мессианско-политического мировоззрения³².

§ 2. Императорская власть в контексте идеи симфонии властей

Начальный этап формирования концепции и доктрины симфонии властей в научной литературе принято рассматривать с обращения к правотворческим новеллам знаменитого императора Юстиниана,

³⁰ Карташев А. В. Вселенские Соборы. М., 1994. С. 283.

³¹ См.: Успенский Б. А. Очерки по истории русской церкви. М., 1998. С. 12.

³² См.: Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М., 2007.

канонизированного церковью как в лике святых. Однако принцип симфонии властей, означающий в действительности вовсе не сотрудничество властей, а их единство, а также то, что политическая или светская власть понималась более широко – и как власть духовная, и в определенной мере как церковная, основаниями которой являлись заповеди Божьи и фундаментом которой выступала полнота власти самодержца, носителя верховной власти. Ее границами служили духовные нормы. Данный подход к пониманию государственной верховной власти в качестве своих предпосылок имеет дохристианские, древнеримские языческие корни.

Это связано с тем, что люди времен Древнего Рима осваивали мир как единое пространство, полагая, что границы империи и власть императора распространяются далеко за пределы фактических границ, имеют вселенский характер. Римское право, основанное на идее господства над вещью и владения над ней, диктовало психологическое чувство индивидуального господства. Именно так рассматривалась власть императора над своими подданными. Отсюда складывался культ императора как ставленника Бога или богов на земле. Царская власть в Древнем мире была сакрализована, и это не могло не повлиять на отношение римских граждан к императору, который постепенно начал сильно напоминать образ царя древности. Император Калигула (12–41) потребовал именовать себя богом, сенат стал называть его «Юпитером Латинским»³³. В случае смерти императоров их причисляли к сонму богов. Поэтому и до христианизации Рима христианские мыслители признавали статус императора. Однако в римской территориальной экспансии мотивом служило право силы – захват и мировое владычество, а после христианизации империи император стал восприниматься как миссионер.

Государственность Византии возникла в условиях перехода эпохи Древнего мира к эпохе Средневековья. Примечательно, что именно

³³ См.: Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Калигула. СПб., 2016. Кн. 20. С. 150.

христианство осуществило смену эпох. В 395 году прежде единая Римская империя распалась на две части. Появились Западная и Восточная римские империи. Однако общепризнанным является тот факт, что формирование и существование византийской государственности обязаны знаменитому императору, основателю Византии, Константину Великому (306–337). Благодаря его активной деятельности открылась новая эпоха в истории правовой культуры, политических и экономических институтов и человечества в целом. Как указывает А.И. Овчинников, важнейшую роль в становлении современного права играет именно Миланский эдикт 313 года, так как он не только прекратил преследование христиан, гарантируя церкви равенство с другими конфессиями на территории государства, но и далеко вперед определил формат государственно-церковных отношений. Именно после него в истории права начинается период нравственного насыщения права. «Благодаря миланскому эдикту возникает новое право в истории человечества – человеколюбивое право»³⁴.

Дохристианская римская власть еще не знала принципа всеобщего гражданства, правового равенства, но уже во II веке после Рождества Христова возникла потребность в едином нравственном фундаменте для различных народов, включенных в состав государства Византии. «Человек той эпохи остро ощущал, что помимо юридического закона Империи был нужен закон любви. Безусловно, римская культура была великолепна, но требовалось нечто большее, чтобы собрать воедино все народы Империи, подчинив их не только единому закону, но и единой нравственности. И это большее не могло быть плодом рук человеческих... Христианство, пришедшее на смену римскому пантеону прежних лет, влилось в имперские формы для того, чтобы явить чудо из чудес – Кафолическую Православную Церковь и православную Византию как непосредственное творение Бога на

³⁴ Овчинников А. И. Миланский эдикт и его роль в формировании ценностей современного права // Философия права. 2013. № 3 (58). С. 15.

земле»³⁵. Таким образом, фундаментом нового порядка в государственном устройении постепенно становится христианская вера. Старый уклад сохранить было невозможно, так как языческий уклад, сопровождавшийся повсеместным развратом, вел к разрушению армии, экономики, хозяйства, нравов.

Император Константин Великий уже в первые годы своей власти выступил создателем симфонии властей. В исторической литературе его именуют «новатором» и уничтожителем старых порядков, прежних укладов и обычаев. В правовой сфере жизни римского общества Константин совершил переворот. Суть данного переворота заключалась в насыщении права христианскими ценностями. Это стало возможным потому, что он первым осознал важность христианства для развития мира и империи. Сделав христианскую церковь государственной религией, Константин Великий смог опереться на растущую христианскую общину. Правда, божественные истины не всегда были главными ориентирами в политической жизни: некоторые историки полагают, что убийство Лициния, сына Криспа, и других членов семьи явилось результатом дворовых интриг вокруг императора.

Следует иметь в виду, что в Древнем мире не существовало «свободы совести». Дело в том, что язычество не признавало права на свободу вероисповедания в том смысле, что какие-либо граждане империи могли игнорировать богов и культы, разделяемые императором. Как известно, император Диоклетиан (244–311) и цезарь Галерий (250–311) выступали организаторами массовых казней верующих христиан. Затем Галерий наряду с Лицинием и Константином, автором эдикта, поставил свою подпись под ним. Именно идея свободы выбора религии была положена в основу «Миланского эдикта». «С давних пор считая, что не следует стеснять свободу богопочитания, но, напротив, надо предоставлять уму и воле каждого

³⁵ Величко А. М. Священная империя и святой император (из истории византийских политических идей): сборник статей. М., 2012. С. 27.

заниматься божественными предметами по собственному выбору, мы издали повеление, как всем другим, так и христианам хранить свою веру и свое богопочитание... Угодно нам совершенно отменить... распоряжения относительно христиан, весьма нелепые и несовместимые с нашей кротостью»³⁶. С этого момента любой человек мог принять крещение, не опасаясь за свою жизнь. В стране, где религиозный культ являлся фундаментом идеологии государства, данное право было фактом удивительным, свидетельствующим о чудесном преображении верховной власти.

В дальнейшем святой император осуществил институционализацию государственно-конфессиональных отношений в формате симфонии властей. Он был уверен, что только христианство может стать единым фундаментом разноплановой в этническом плане империи. Государственно-церковная деятельность императора являлась разнообразной, он различными способами поддерживал церковь, осуществляя активное строительство храмов, оказывая содействие духовенству в решении тех или иных вопросов. В плане единения церкви в 325 году в Никее им был созван Первый Вселенский собор, на котором 318 епископов осудили арианскую ересь. В число его участники входили такие знаменитые священники, как святитель Николай Чудотворец (270–345). При этом император присутствовал на заседаниях собора, который проводился в императорском дворце. Более того, он разрешил спор между арианами и православными, предложил богословский термин «единосущный», который вошел в «Символ веры». Евсевий Кессарийский (263–340) императора Константина характеризовал как великого миссионера. Себя он называл «епископом внешних»³⁷, воспринимая свое служение как служение апостола.

Начиная с правления Константина Великого, православие выступает основой Римского государства. Даже политика (полития) стала восприниматься

³⁶ Памфил Евсевий. Церковная история. М., 1993. С. 233.

³⁷ См.: Памфил Евсевий. Жизнь блаженного василевса Константина... С. 152.

с сакральных позиций. Как писал император Андроник II Палеолог (1282–1328): «Людам на земле позволено подражать Небесам»³⁸. С этих пор христиане стали рассматривать римское царство как некий прообраз Царствия Небесного. Следовательно, верховная власть получает новую легитимность. Промыслом Божиим она предназначена Господом для спасения человечества во Христе. Сам император – автократор – подобен Христу – Пантократору³⁹.

Следует отметить, что сакральный и правовой статус императора в христианской Византии предстает в совершенно новом измерении. Посредством воцерковления всех без исключения сфер общественной и государственной деятельности, в силу того, что вера Христова заняла положение религии государства, старый уклад римской жизни получил «новое дыхание». «Политическая теология, предполагавшая богоустановленность священства и царства в пределах единой христианской империи, формулировала также и идею о вселенском императоре, наместнике Христа на земле. Империя становилась отражением Небесного града и его орудием. Фигура императора включалась в систему канонического права, и уже Константин постарался придать своему государству характер монархической общины, во главе которой встал сам император»⁴⁰.

Появился новый титул – «верный во Христе царь». Им был наделен Ираклий I Великий (610–640). В 629 году к титулатуре римских императоров присоединилось понятие «василевс», чтобы подчеркнуть особый статус восточно-римского царя среди иных правителей: василевс являлся как бы единственно истинным помазанником Божиим, законным императором. Впоследствии данные титулы были объединены. Византийские цари

³⁸ Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации. М., 2005. С. 88.

³⁹ См.: Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М., 2007. С. 140.

⁴⁰ Исаев И. А. «Симфония властей»: взаимодействие власти и авторитета... С. 26–30.

получили титул «верный во Христе Боге царь и император римлян»⁴¹. Особенно важным этапом в развитии отношений церкви и государства стало появление Дигестов Юстиниана. Данный историко-правовой памятник содержал извлечения из трудов авторитетнейших римских юристов, кодификация которых позволила сформировать основополагающую часть свода римского гражданского права *Corpus iuris civilis*.

Дигесты Юстиниана были составлены в 530–533 годах нашей эры именно по приказу византийского императора. В преамбуле к шестой новелле императора фиксировался принцип симфонии властей: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, – это священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое, со своей стороны, постоянно молится за них Богу. Когда священство бесспорно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие (συμφωνία)»⁴². В заключительной части этой новеллы содержится понятие «согласие», или «симфония», что означает «сотрудничество» различных властей.

Еще одним актом, закрепившим идею симфонии властей, была Эпанагога (IX в.). Общеизвестными являются ее статьи, определявшие мирскую власть и священство как тело и душу: подобно тому, как соотносятся тело и душа, соотносятся между собой мирская власть и священство. Обе они нужны для «правильного» государственно-правового устройства и органичных (симфонических) отношений церкви и государства аналогично взаимоотношениям тела и души в каждом отдельно взятом живом человеке. Государство благоденствует в их союзе. В документе Седьмого Вселенского собора можно встретить аналогичное положение:

⁴¹ Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С. 142–143.

⁴² Дигесты Юстиниана. М., 1984. С. 34.

«Священник есть освящение и укрепление императорской власти, а императорская власть посредством справедливых законов управляет земным»⁴³.

Как отмечал один из отцов церкви Августина (354–430), епископа Гиппонского, церковь и государство – это два противоположных царства, одно из которых Град Небесный, а другое – град земной. И оба этих града оказывают влияние на общество. Существует несколько моделей соотношения церкви и государства: примат Града Небесного (церкви) над законами человеческими; примат государства; симфония (согласие) церковной и светской власти. Об этой симфонии и идет речь в законодательстве Юстиниана.

Однако при этом подразумевается не согласие, а нечто большее. «В VI новелле принцип “симфонии” получал идеологическое и юридическое обоснование. Церковь как организация, рожденная еще до оформления Юстиниановой империи, могла стать союзником государства в решении задач, не свойственных империи. В VI новелле “симфония” священства и царства уподоблялась взаимодействию души и тела человека, перенося антропологическую аналогию на церковно-государственные отношения»⁴⁴. Заметим, что данная аналогия также получила свое полное отражение и в Эпанагоге: «Мирская власть и священство относятся между собою как тело и душа, они необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства»⁴⁵.

Время правления Юстиниана I считается новым этапом в развитии Византии и формирования христианской империи на Востоке. В этот период, точнее к его началу, государственность была полностью насыщена христианским мировоззрением. Положение и статус императора

⁴³ Цит. по: Никодим, епископ Далматинский. Православное церковное право... С. 683.

⁴⁴ Исаев И. А. «Симфония властей»: взаимодействие власти и авторитета... С. 26–30.

⁴⁵ О социальной концепции русского православия. М., 2002. С. 266.

христианской державы мыслились с позиции епископа внешних дел церкви, а также некоторых и внутренних. Немногим позднее Лев III Исавр (717–741) в своей знаменитой Эклоге провозгласил: «Царь есть епископ Церкви, его воля – канон для Церкви, а царский закон есть откровение Самого Бога»⁴⁶.

Свою власть Лев III четко ассоциировал с властью первоверховного апостола Петра. В Эклоге автор прямо ссылаясь на свои полномочия: «Он (Бог. – *Г.Н.*) вручил нам императорскую власть, такова была его благая воля, он принес этим доказательство нашей любви к нему, сочетающейся со страхом, и приказал нам пасти самое послушное стадо, как корифею апостолов Петру; мы полагаем, что ничем не можем воздать Богу должное скорее и лучше, чем управлением доверенными им нам людьми – согласно закону и с правосудием – так, чтобы начиная с этого времени прекратились всякие незаконные объединения и чтобы были расторгнуты сети насильственных сделок по договорам и пресечены были стремления тех, кто грешит, и чтобы таким образом под его всемогущей рукой нас увенчали победы над врагами, более драгоценные и более почетные венчающей нашу голову короны, и чтобы установилось у нас мирное царствование и прочное управление государством»⁴⁷. Однако высказывания Льва III не были новеллами.

Еще Юстиниан свою узаконенную власть в церкви использовал с большим размахом. Во-первых, это касалось права назначения патриархов. К ним император относился как к своим чиновникам, необходимым для управления церковными делами. Во-вторых – возможности управлять богословскими спорами. Руководство богословской мыслью церкви воспринималось Юстинианом как должное, и заключалось оно в принятии декретов посредством сборов подписей патриархов, производимых по отдельности. Такой порядок, по мнению многих, нес в себе угрозу соборности.

⁴⁶ Цит. по: Величко А. М. Церковь и император в византийской и русской истории. СПб., 2004. С. 7.

⁴⁷ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ecloga.htm>

Впрочем, замысел Юстиниана был связан с наведением порядка. Он взял в свои руки управление далеким от стабильности государством, наполненным разнообразными источниками смут и беспорядков. В Константинополе достаточно острым был конфликт с партией ипподрома, которая поддерживала оппозицию складывающемуся новому порядку со стороны отвергнутых наследников императора Анастасия и его последователей. Следует подчеркнуть, что во многих провинциях империи допускались многочисленные ошибки и просчеты во властно-управленческой деятельности, порождавшие массовые беспорядки и восстания. При этом наблюдался рост количества обнищавшего населения, происходило существенное снижение поступлений налогов, разжигались религиозные споры, что в совокупности могло привести к неминуемому краху государственно-правового режима. Коллапс государственного управления, острые религиозные противоречия и споры вели к внутреннему распаду и разделению государства. Данная ситуация требовала скорейших и фундаментальных реформ государственной и церковной жизни в империи.

Император Юстиниан, по свидетельству подавляющего большинства историков права и церкви, был человеком набожным, поэтому не терпел никакой ереси и еретиков. О последних Юстиниан отзывался весьма критически: «Одно их прикосновение есть скверна, и след их, и самое имя должны исчезнуть с лица земли»⁴⁸. В этом плане одним из приоритетных направлений своей государственно-церковной политики Юстиниан видел в скорейшем и полном истреблении ереси и «проклятых еретиков». Основание стабильности государственно-правовой и церковной жизни он усматривал в соединении всех христиан в чистой вере, в искоренении любых раздоров, обеспечении жизни и развития общества в лоне единой святой церкви.

Для Юстиниана государственным долгом и честью являлась защита чистоты православной веры и христианских догматов, к этому его обязывали не

⁴⁸ Диль Ш. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке: пер. с фр. СПб., 1908. С. 370.

только личные убеждения и вера, но и статус императора, то есть наместника бога на земле. При этом императора называли учителем веры, что было продиктовано политической ситуацией. В течение всего периода своего правления император выступал защитником церкви. От самой церкви он принимал статус верховного деятеля и учителя⁴⁹.

Уже на первой странице Дигест можно наблюдать проявление веры императора в бога. Начинаются они с главы «О пресвятой Троице и кафолической вере». Никейский символ веры, текст молитвы повторяются на страницах Дигест не один раз, и при этом они сопровождаются анафемами всем еретикам и еретическим учениям. В следующих главах религиозного законодательства можно увидеть помещение последнего в основу законодательства гражданского, или гражданского: «Упование на Бога составляет наше единственное прибежище для существования монархии; в нем спасение нашей души и империи; поэтому подобает, чтобы все наше законодательство вытекало из этого принципа, чтобы он был для него началом, серединой и концом»⁵⁰.

Следует отметить, что законодательство Юстиниана регулировало не только государственную, но и церковную жизнь⁵¹. Так, например, он указывал, что необходимо «избирать священников безупречных», содержательно описывая различные требования и тонкости данного процесса в мельчайших деталях. Прежде всего, это касалось порядка выбора нового епископа, описания его личных и нравственных качеств. Юстиниан обсуждал необходимые гарантии праведности, отдельно оговаривал возраст клириков, требования к ним, к монастырской жизни, к казне монастырей и т. д. Кроме того, в содержании текста Дигест встречаются также наставления о необходимом поведении клира, даются инструкции по распоряжению церковными расходами

⁴⁹ См.: Диль Ш. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке... С. 230.

⁵⁰ Там же. С. 234.

⁵¹ См.: Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956. С. 123.

и доходами, устанавливаются конкретные нормы об ответственности административных служащих церквей.

В этом аспекте следует согласиться с историками права, которые утверждают, что сама теория симфонии светской и духовной власти в доктрине Юстиниана стала результатом (следствием) или отзывом на теорию, концепцию государственно-церковных отношений, сформулированную в конце V – начале VI века Геласием – Папой Римский (с 1 марта 492 года по 19 ноября 496 года) и Симмахом – римским сенатором (ок. 340 – ок. 402). Последние главной целью своей аргументации ставили обоснование главенства именно церковной власти над властью государственной, прежде всего, в вопросах устроения церковной жизни и монастырской организации, толкования догматов вероучения. При этом, по их мысли, светский правитель обязан был «кротко и смиренно воспринимать наставления духовенства» во всех теологических вопросах и религиозной проблематике.

Данное обстоятельство выступало проявлением римского клерикализма. Однако оно же может рассматриваться и как сигнал императору Анастасию, разделявшему ересь монофизитов. Юстиниан переинтерпретировал концепцию государственно-церковных отношений, которую он мог взять у данных богословов. При этом важно подчеркнуть, что отождествление священства и церкви будет неверным. Именно их различие позволяет понять положение 6-й новеллы о единстве и согласии царства и священства внутри церкви. Императору были хорошо известны христианское богословие и основные догматы веры, складывающиеся в то время в единую православную догматическую систему.

Примечательно, что слово «церковь» вообще отсутствует в предисловии Юстиниана. Церковь понималась им как богочеловеческий институт, объединяющий христиан. Император обращал внимание на отношения царства и священства, не полагая их отношениями государства и церкви, а рассматривая в контексте различных властей внутри церковного мира. Государь использовал для этого термины «Божественное» и

«человеческое». Единство данных начал проявлялось в том, что Юстиниан вел речь о нераздельном единстве, имея в виду общение свойств между Божественным и человеческим природным началом. Как следует из содержания 6-й новеллы, задача его власти состояла в защите догматов, чести священников, церковных правил, канонов и ценностей.

По мнению ряда исследователей, симфония властей в чистом виде нигде не была реализована, так как якобы на Востоке она переродилась в цезарепапизм, а на Западе – в папоцезаризм. Например, А.В. Полянцева полагает, что император находился во главе всех трех ветвей светской власти, его чиновники вмешивались в дела церкви, в то время как священнослужители участвовали в делах государства. «При всем при этом произошло размывание четких границ сфер деятельности государственной и церковной властей, и в конечном итоге сплетение властей при доминировании государственной власти. Государственная власть находила себе оправдание в том, что власть государя от Бога. Таким образом, произошло доминирование “царства” над “священством” и от симфонической модели перешли к модели цезарепапизма. Идея “симфонии”, заложенная Юстинианом Великим, в соответствии с которой василевс и патриарх в содружестве правят один телом, другой душою подданных, – стала пустым звуком»⁵².

В самом деле, идея симфонии властей в отдельные периоды существовала в государстве только как официальная доктрина, тогда как на практике императоры зачастую были далеки от мысли о ее реализации. Это связано с сохранением традиции языческих римских принцепсов, преемниками которых можно рассматривать императоров-христиан. Как указывалось выше, императоры христианской Византии именовались и как *pontifex maximus* – верховный первосвященник. Протоиерей Владислав

⁵² Полянцева А. В. «Симфония властей» в Византии и России как преемницы Византийской империи // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118 (04) [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/04/pdf/99.pdf>

Цыпин отмечает: «Эта дурная традиция, конечно, в ослабленной форме, но время от времени проявлялась все-таки и в действиях некоторых христианских императоров; всего откровенней и опасней для Церкви цезарепапистская тенденция обнаруживалась в политике императоров-еретиков, в особенности в иконоборческую эпоху»⁵³.

Однако в большинстве своем императоры вели поистине благочестивый христианский образ жизни. В богословии и гуманитарной литературе тех лет велась дискуссия относительно статуса императора и его церковных полномочий⁵⁴. Эта дискуссия нашла отражение в расширительном или ограничительном толковании 69-го правила Трулльского собора. «Отношения, в какие становились византийские императоры к Церкви, – писал, в частности, о Византии известный русский византист и историк А.П. Лебедев (1845–1906), – на языке западных писателей обыкновенно называют цезаропапизмом. Это означает, что указанные писатели находят в положении Византийско-восточной Церкви самые ненормальные отношения между Церковью и государством, при которых императоры выражают себя как полновластные главы и владыки Церкви, при которых, иначе сказать, они являются вместе царями и первосвященниками». Далее ученый высказал мысль о том, что нормальные, гармоничные, или симфоничные, государственно-церковные отношения могли нередко трансформироваться в асимметричные отношения церкви и государства: «...императоры в религиозных делах брали на себя более, чем сколько того требовали благо Церкви и польза ее, и... забывалось истинное понятие об императоре как члене Церкви, подчиненном голосу пастырей в вопросах веры»⁵⁵. Однако так было далеко не всегда, а являлось, скорее, исключением.

⁵³ Цыпин В., протоиерей. Курс церковного права. М., 2004. С. 640.

⁵⁴ См.: Он же. Симфония Церкви и государства // Православная государственность: 12 писем об Империи: сборник статей / под ред. А. М. Величко, М. Б. Смолина. СПб., 2003. С. 16.

⁵⁵ Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. С. 86.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что в Византийской империи в контексте государственно-церковных отношений сформировалась уникальная модель властного «соработничества» церкви и государства, их симфонического взаимодействия, которая закреплялась как в церковных канонах, так и в государственных законах.

К этим принципам относятся:

- 1) взаимная поддержка и взаимная ответственность;
- 2) четко очерченные границы компетенций;
- 3) морально-нравственная поддержка государственных деятелей со стороны духовенства и законов государства;
- 4) помощь со стороны государства в миссионерстве и духовном окормлении граждан;
- 5) двойная санкция высшим представителям государственной и церковной власти – и от церкви, и от государства;
- 6) руководство административным делением государства при установлении церковью границ епархий;
- 7) особый статус императора, проявлявшийся в богослужении, наличии церковных полномочий, назначении патриархов, предложении катехизических учений населению.

Церковные полномочия императоров были столь велики, что их даже не осуждали за еретические высказывания и взгляды, в отличие от патриархов и пап. На вероучение они влияли через вселенские и другие вероучительные соборы. В большинстве случаев позиция императора предопределяла результаты богословских дискуссий. В Дигестах Юстиниана говорилось об обязанностях императора осуществлять верховное попечение о церквях и заботиться о спасении подданных, блюсти каноны и божественные законы. Юстиниан считался первым царем-богословом, хотя догматические богословские формулировки встречаются еще у Константина Великого.

Светские правители нередко восполняли имеющиеся пустоты и пробелы в формирующемся церковном праве. В то же время они использовали материал из церковного законодательства и обычного права церкви для светских нормативных правовых актов. При этом не будет большим преувеличением отметить, что данная практика государственно-церковного «сорабоничества» значительно расширяла юрисдикцию церкви. Например, нередко епископы рассматривали многие частноправовые споры, вели гражданские дела, а в рамках сохранения единства церкви, избегая расколов и распространения еретических учений, маркировали последние в качестве серьезных государственных преступлений⁵⁶.

Представляется целесообразным уделить особое внимание правовым возможностям влияния на государственную жизнь церкви, а также полномочиям византийских императоров. Во-первых, необходимо отметить их церковно-каноническое нормотворчество. Так, А.С. Павлов (1832–1898) указывал, что над правом соборов устанавливать новые каноны находилась воля монарха утверждать или отвергать соборные определения, то есть признавать или не признавать таковые равносильными государственным законам⁵⁷. Это положение предопределяло их значение как в развитии церковного законодательства, так и светского, государственного, права.

Императорские законы получали название новых законов (*novella constitutio*) и являлись традиционными источниками церковного права. «Церковь не видела ничего кощунственного для себя в том, что императоры самостоятельно регулировали вопросы церковной жизни, поскольку и она входила в область светских отношений и никогда принципиально не отрицала права верховной христианской власти принимать участие в образовании не только внешнего, но и внутрицерковного права»⁵⁸.

⁵⁶ См.: Павлов А. С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 47.

⁵⁷ См.: Там же. С. 330.

⁵⁸ Величко А. М. Церковь и император: церковная власть византийских и русских императоров (историко-правовые очерки): научное издание. СПб., 2004. С. 11.

Считалось, что светские правители всю свою деятельность подчиняют церковным канонам (то есть действуют канонически), реализуя в публично-властной сфере основополагающие правила и догматы церкви⁵⁹. Так, государи определяли некоторые нормы богослужения, в частности, 4 и 15 новеллы императора Льва Мудрого (866–912), или Философа, на которые ссылается знаменитый византийский канонист Антиохийский патриарх Феодор Вальсамон (1186–1203) в толковании на 31 правило Шестого Вселенского собора⁶⁰.

Императоры часто становились создателями церковных песнопений, вошедших в состав богослужения. Например, Юстиниану I Великому удалось включить тропарь «Единородный Сыне и Слове Божий, Бессмертный Сый...». Данная редакция церковных песнопений была санкционирована императором лично и отражена в уставе евхаристического синаксиса в Константинополе⁶¹. В свою очередь, император Феодор II Ласкарь (1254–1258) написал Великий молебный канон Богоматери, помещенный в славянских Октоихе и Псалтире.

Во-вторых, императоры устанавливали даже административно-территориальное строение церкви, присваивая, в частности, по своему усмотрению титул митрополии отдельным епископиям (12 правило Четвертого Вселенского собора). 17 правило Халкидонского собора гласит: если царь устроит новый город и посредством правительственных распоряжений даст ему какие-либо преимущества, то этим правительственным распоряжениям должен следовать и порядок церковных епархий⁶². Толкователь Иоанн Зонара формулирует такое понимание: «Отцы говорят почти следующее: так как мы не имеем возможности противиться

⁵⁹ См.: Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 1913. С. 165.

⁶⁰ См.: Правила Святых Вселенских Соборов. М., 2000. С. 379–380.

⁶¹ См.: Кулаковский Ю. А. История Византии: в 3 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 190.

⁶² См.: Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2011. С. 210.

царской власти, то пусть в этом следует распоряжениям царей и церковный порядок»⁶³.

Как полагает византолог А.П. Лебедев, практика назначения патриархов, по крайней мере константинопольских, являлось исключительной прерогативой императоров⁶⁴. «Воля императора, – указывает Н.А. Скабаланович, – была единственным имевшим значение фактором при производстве патриархов на престол, от воли императора зависело и свержение патриархов; при этом не всегда даже соблюдалась в точности... форма законности, так что противоканоническое действие прямо бросалось в глаза»⁶⁵. Конечно, в полномочия императоров входило и возведение епископов в митрополиты, а также пожалование епископам привилегии носить саккос⁶⁶.

В-третьих, это священнические функции. В толковании Феодора Вальсамона (1140–1199) указывается на то, что «Православные императоры невозбранно, когда захотят, входят во Св. алтарь, и кадят, и делают знамение креста с трикирием, как и архиереи. Они предлагают народу катехизическое поучение, что предоставлено одним местным архиереям... А как царствующий император есть помазанник Господень по причине помазания на царство, а Христос и Бог наш есть между прочим и архиерей, то благостно и император украшается архиерейскими дарованиями»⁶⁷. А.М. Величко указывает: «Императорская власть признавалась и священнической: царю как земному главе Церкви приписывали не только власть учительства и управления Церковью, но и функции священнослужения»⁶⁸. Ученый полагает, что такое признание не является наследием языческой сакрализации статуса императора. Однако думается, что не без влияния этой

⁶³ Там же. С. 213.

⁶⁴ См.: Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийско-Восточной Церкви в IX, X и XI веках. СПб., 1998. С. 69.

⁶⁵ Скабаланович Н. А. Византийское государство и Церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: в 2 т. СПб., 2004. Т. 2. С. 80.

⁶⁶ См.: Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 1908. С. 77.

⁶⁷ Цит. по: Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века... С. 89.

⁶⁸ Величко А. М. Церковь и император в византийской и русской истории... С. 28.

традиции император считает себя компетентным в вопросах веры. «Угощая некогда епископов, Константин, – отмечает Евсевий Кесарийский, – справедливо сказал, что и сам он епископ: “Только вы епископы внутренних дел Церкви, а меня можно назвать поставленным от Бога епископом внешних дел”»⁶⁹. Евсевий нисколько не спорит с этим полномочием императора. «Распоряжаясь согласно с этими словами, он надзирал за всеми подвластными себе и побуждал их, сколько было силы, вести жизнь праведную»⁷⁰. Во время богослужения царь принимал участие в храме Святой Софии не как царь мирянин, а как царь первосвященник⁷¹.

Подобие императора Христу особенно отчетливо подчеркивалось в церемонии омовения ног, совершавшейся в Страстной четверг. В покоях императора устанавливали умывальник, вводили 12 случайно отобранных на улицах Константинополя нищих, державших в руках свечи. Каждому из них в подражание Христу император мыл правую ногу, вытирал полотенцем и целовал. Иными словами, император подражал Христу во всем: и как Его Царственному образу на земле, и как воплощенному смирению⁷².

Константин IV Погонат (668–685), созывая Шестой Вселенский собор, так писал Римскому Папе Агафону (678–681): «Я буду восседать среди епископов на Соборе не в качестве императора, и я не буду точно так же говорить, как император, но как один из епископов»⁷³. Из термина «еписмонарх» возник термин «блюстититель». Позднее он перешел в российскую традицию. «Идея блюстительства выражалась там в названии царя “еписмонархом”, то есть наблюдателем за исполнением всеми церковно-

⁶⁹ Памфил Евсевий. Жизнь блаженного василевса Константина... Кн. 24. С. 52, 152.

⁷⁰ Там же. С. 52.

⁷¹ Его голова венчалась митрой, по своему внешнему виду очень похожей на митру патриарха, а на туловище его был надет саккос, украшенный драгоценными камнями и по пышности превосходивший саккос патриарха. «Шея и плечи царя украшались особой повязью, напоминающей омофор патриарха. Император одевал также хламиду, по форме сходную фелонь» (Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках... С. 64).

⁷² См.: Каждан А. П. Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002. С. 92.

⁷³ Грибовский В. М. Народ и власть в Византийском государстве. М., 1897. С. 358.

должностными лицами их церковных обязанностей или “попечителем, радетелем во всем и промыслителем”... Блюстительство логически немыслимо без принятия мер на пользу правоверия и благочиния, то есть без правительственной власти», – пишет церковный правовед Н.С. Суворов⁷⁴.

В-четвертых, это вероучительные полномочия. Уже первый император постязыческой империи Константин Великий осуждал многобожие, суеверие язычников, атеизм. В первый понедельник Великого поста императоры обыкновенно делали наставления своим чиновникам и представителям народа о том, как надо проводить святую Четыредесятницу, и поучали их проводить ее в чистоте и страхе Божиим⁷⁵. Цари часто благословляли народ крестным знамением как священники⁷⁶. В 380 году святой император Феодосий I Великий (379–395) опубликовал эдикт «Манифест о вере». В нем он установил вероисповедальную формулу, которую принимали священнослужители восточных церквей⁷⁷.

Император Алексей Комнин (1057–1118) не только преследовал еретиков, но и заботился о научном, богословском опровержении ересей, приказав составить их историю и изложить опровержения этих учений⁷⁸. Другой император Мануил Комнин (1118–1180) издавал юридические акты, количество которых свидетельствует о том, что дела церкви его интересовали постоянно⁷⁹. Он же проявлял заботу и оказывал высокое покровительство священству. Например, в одной из своих новелл император вообще освободил от податей (как личных, так и на имущество) священников.

⁷⁴ Суворов Н. С. Учебник церковного права... С. 192–193.

⁷⁵ См.: Лебедев А. П. Церковно-исторические повествования из давних времен христианской Церкви. СПб., 2004. С. 62, 63.

⁷⁶ См.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности: в 3 т. СПб., 1893. Т. 2. С. 484.

⁷⁷ См.: Кулаковский Ю. А. История Византии: в 3 т. СПб, 2003. Т. 1. С. 306.

⁷⁸ См.: Успенский Ф. И. Богословское и философское движение в Византии в XI и XII веках. СПб., 1891. С. 124.

⁷⁹ См.: Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. СПб., 1859. Кн. 6., гл. 9. С. 216.

Завершая рассмотрение церковных полномочий, можно отметить, что правомочия императоров в церковной сфере никогда не были урегулированы с юридической точностью, как, например, в Римской церкви и католическом каноническом праве⁸⁰.

В заключение следует указать, что в империи Юстиниана было четыре патриархата. Добавим к этому и институт Папы Римского. Император не мог не ощущать себя земным главой церкви, так как кто-то должен был возглавить ее. При этом нельзя не признать правоту суждения В.М. Грибовского о том, что в Византии не было разделения между царской и духовной властью⁸¹. Обе они сосредоточивались в руках императора, поскольку в то время не существовало даже мысли о возможности разделения, секуляризации духовной и политической жизни. Император обязан быть во всем первым: и воином, и сановником, и судьей, и священником.

§ 3. Отражение идеи симфонии властей в византийском правопонимании, законодательстве и правосудии

Общепризнанным является тот факт, что система симфонии властей в Византии получила абсолютное свое воплощение, но далеко не всем известно, в каких сферах общественной жизни, в каком объеме и значении. При этом особый интерес вызывает проникновение духовной власти, христианских представлений о благочестии и справедливости в юриспруденцию.

Римское право, сформировавшее современные правовые системы, Русь узнала с принятием христианства, после крещения, получив его образцы напрямую от Священной Римской империи (Византии). Западные государства познакомились с византийским правом несколько позднее, так

⁸⁰ См.: Величко А. М. Церковные полномочия русских императоров. СПб., 2004. С. 36.

⁸¹ См.: Грибовский В. М. Народ и власть в византийском государстве... С. 352.

как Западная Священная Римская империя после VIII века развивала преимущественно свое право. Тем не менее Кодекс Юстиниана, Пандекты и Институции были реципированы народами Западной Европы, составили фундамент права Германии, Франции, Англии и других стран. При этом Кодекс Феодосия, Эклога, Василики, Прохирон, Эпанагога, Номоканоны большой известности на Западе не получили. Данным нормативным памятникам византийского права исследователи уделили большое внимание⁸². Между тем византийское право обладает уникальным содержанием: его нормы демонстрируют единство и не делимость нравственных и юридических ценностей. Формальные, внешние характеристики византийского права были не сильно отличались от римского права, однако внутреннее содержание, идеи и ценности были уже иными. А.М. Величко указывает: «Византийская традиция тщательно оберегала структуру и систему права, основные понятия и институты, юридическую технику и саму логику правовых построений, но начала вкладывать в них качественно иной смысл. И в этом отношении византийское право перестало быть римским правом»⁸³.

В римском праве классического образца не было ярко выраженных идейно-философских начал, как предполагает А.М. Величко, отмечая, что право Древнего мира не имело никакой глубинной внутренней идеи. Однако мы не можем согласиться с точкой зрения, согласно которой древние римляне ничего не внесли в философию права. Основной идеей древних римлян в сфере права действительно было отражение владычества над собственностью, ее разграничение, защита, порядок отторжения, но в римском праве мы встречаем очень важные указания юристов на

⁸² См.: Липшиц Е. Э. Византийское право в период между Эклогой и Прохироном (Частная Распространенная Эклога) // Византийский временник. 1974. Т. 36. С. 45–72; Он же. Законодательство и юриспруденция в Византии IX–XI века / под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1981; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер. и коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965; Эпанагога: энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907; Азаревич Д. И. История византийского права. Ярославль, 1876. Ч. 1; Медведев И. П. Развитие правовой науки // Культура Византии. М., 1989. Т. 2.

⁸³ Величко А. М. Священная империя и святой император... С. 67.

естественное право, справедливость и правосудие: *Ius est ars boni et aequi* («право есть искусство добра и справедливости»).

Одновременно римляне являлись прагматиками и материалистами, так как языческое мировоззрение не может направлять к иным ориентирам. По меткому выражению А.М. Величко: «Одна мысль всегда занимала римлян – “единое государство, единый закон, единая религия”»⁸⁴. Главной задачей такого права было сохранение нажитого, сбережение имущества, его защита и сделки с ним. При этом римляне относились к закону, праву, правосудию с особым трепетом, глубочайшим чувством уважения и восхищения. Гражданином Рима мог быть только человек, наделенный правом по закону, а выше его положения просто не существовало. Право для римлян, по определению Р. Иеринга, «было предметом нравственного возношения»⁸⁵.

Человек в римском праве имел значение только в одном случае – обладания правовым статусом римского гражданина. «Нет государства – нет личности» – вот идея античного правопонимания. Величие римлян было связано с желанием владычества, обладания, всевластия. Его целью выступала трансляция власти, экспансия могущества. Морально-нравственная грань права была минимизирована, так как у каждого народа, входившего в состав империи, имелись свои моральные ценности⁸⁶.

Следует иметь в виду, что в языческом Риме верховная власть не ставила перед собой задачу разрушения различных общин и сообществ, уничтожения бытовых и социальных порядков. Поэтому христиане в периоды между гонениями старались жить обособленно. Большую роль в согласовании общенародных и местных, региональных интересов играло римское право⁸⁷. Это была своего рода гражданская, светская, рационалистическая религия. Римское право всегда играло большую роль в

⁸⁴ Величко А. М. Священная империя и святой император... С. 68.

⁸⁵ Иеринг Р. Дух римского права // Избранные труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 291.

⁸⁶ См.: Величко А. М. Идея права в Византии // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 1. С. 15.

⁸⁷ См.: Он же. История византийских императоров: в 5 т. М., 2009. Т. 1. С. 15.

укреплении общегосударственной идентичности римских граждан, в какой-то степени оно само являлось сакрализированным принципом построения социальной жизни.

Римское право служило связующим звеном для государства. Постепенно происходил процесс признания нелатинян римскими гражданами, расширения границ действия *jus latinum* и *jus civitas*, а также права *peregrine*. В 212 году, во время правления императора Каракалы, все подданные Римской империи были наделены правами граждан Рима. Благодаря этому римское право получило распространение по всей земле Рима, приобрело главенствующее значение при сохранении обычного права его народов⁸⁸.

С принятием христианства право стало уже не единственным и основным общим идейным первоначалом: политическое единство оказалось скрепленным еще и духовно-нравственным началом, религиозным фундаментом. Христианство связало разные народы – германцев, галлов, испанцев, греков, армян и др. Христианство было разрешено святым императором в 313 году, а в 318 году эдиктом Константина Великого – уже позволено любому гражданину по его желанию и взаимному согласию противоположной стороны выносить гражданское дело на рассмотрение епископского суда, несмотря на то, что этот спор стал рассматриваться уже в обычном гражданском суде. Интересно отметить, что принятое епископом решение не могло быть пересмотрено или обжаловано в иных, высших судебных инстанциях. Данное положение было зафиксировано эдиктом от 5 мая 333 года, который подтвердил безапелляционность епископского решения.

Принцип симфонии государственной и церковной власти получил свое закрепление в Дигестах Юстиниана несколько позднее, чем он фактически стал действовать. Впервые его действие проявилось в правотворческих

⁸⁸ См.: Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана // Очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956. С. 161.

инициативах императора Константина Великого, который еще в первой половине IV столетия начал преобразование классических стандартов государства и права Древнего Рима под влиянием новой государственной религии Рима – христианства. Не только практическая политика и новое понимание императорской власти стали испытывать на себе влияние нового мировоззрения. Модернизация коснулась и одного из самых величественных достижений и институтов римской культуры – римского права.

Император Константин Великий «близко к сердцу» воспринимал заповеди Божьи о любви к ближнему, что вызвало появление в период его правления целого ряда юридических новелл. Во-первых, в 313, 319, 335 годах император ввел три постановления, запрещающие доносы под страхом смертной казни. Во-вторых, он запретил ставить клейма на лица преступников, так как лицо – образ Божий. В-третьих, под влиянием христианства Константин отменил казнь через распятие и обязал судей заменять такого вида наказание, как отдание в гладиаторы или на съедение диким зверям⁸⁹.

В церковной сфере и в вопросах управления епархиями правотворческие инициативы императора Юстиниана воплощались в жизнь весьма активно. Благодаря им удалось интегрировать различные постановления церковных соборов, что император и сделал в Кодексе и новеллах. Одни новеллы включали в себя нормы о епископах и клириках, другие – были посвящены монастырям. Данные нормативные акты принимались церковью как законы церковные. Именно из них были составлены Номоканон, или Кормчая. «Мы, – писал Юстиниан в 6-й новелле, – озабочиваемся и о хранении православной веры, и о благоустройстве священства, чем надеемся получить великие блага от Бога и sobлюдности твердый порядок в государстве»⁹⁰.

По свидетельству многих историков права, император Юстиниан весьма усердно преследовал еретиков и различные еретические учения, он принял решение о том, что христианская вера является государственной, и

⁸⁹ См.: Величко А. М. История византийских императоров... С. 18.

⁹⁰ Дигесты Юстиниана... С. 25.

постановил, что помещения еретических церквей должны быть переданы христианам. Сам император оставил после себя огромное количество построек для церкви. Например, Юстиниан на свои средства в каждом без исключения крупном городе империи возводил монастырь или церковь.

Монофизитов Юстиниан не преследовал ввиду необходимости сохранения церкви от раскола, но на гонение иных еретиков и язычников император сил не жалел. Тем, кто еще не был крещен, предписывалось немедленно пройти этот обряд и со всеми домочадцами идти в церковь, чтобы в спешном порядке крестить своих малолетних детей. Со взрослыми Юстиниан предполагал иной порядок обращения, что подтверждает его глубокую преданность церковным и христианским нормам. Каждый взрослый должен был досконально изучить Священное Писание, а также постичь смысл христианских таинств и только после этого приступить к обряду крещения. Тем же, кто отказывался, император предлагал покинуть империю, а имение последних обращалось в казну государства.

Римляне отличались от восточных народов, у которых созерцание и философия всегда были в почете. В Греции труды Сократа, Платона, Аристотеля закладывали фундамент для школ мудрецов, искавших идею права и государства, в Израиле Пятикнижие Моисея представляло собой цельное религиозно-нравственное мировоззрение. В Риме до христианства не существовало мощной философской традиции, хотя право мыслилось с позиции вечных истин, свидетельством чего могут служить многочисленные сентенции римских юристов.

Христианство полностью изменило облик Римского государства и права. Этому способствовало то обстоятельство, что христиане в период до Миланского Эдикта 313 года не проявляли никакой враждебности по отношению к Римской империи⁹¹.

⁹¹ См.: Овчинников А. И. Миланский эдикт и его роль в формировании ценностей современного права... С. 15–19.

Римское право включало в себя христианские ценности, этику, мировоззрение, приоритеты, поэтому его форма, оставаясь почти неизменной, получила новое содержание. Если ранее существовал девиз «Одно государство, одна религия, один закон», то после 313 года – «Один Бог, одна Вера, одно Крещение».

Всемирная власть Рима получила нравственно-религиозное, миссионерское оправдание. Историк Евсевий Кесарийский подчеркивал объединяющую роль царской власти, опирающейся на христианские ценности: «Все древние на земле народы жили раздельно, и весь род человеческий делился на епархии, народоначалия, местоначалия, тирании и многоначалия, от этого противоборства и войны не прерывались, без опустошения полей и порабощения городов не обходилось. Но после того как спасительный организм, – само пресвятое Тело Христово, с того времени, как всем начали проповедовать единого Бога, для всех расцвело и одно Римское царство, и от века неумолимая и непримиримая вражда между людьми мгновенно угасла»⁹². Он обращал внимание императора на положительное влияние монотеизма, единобожия на единство и цельность царства, так как многобожие разобщало народы империи.

Евсевий Кесарийский полагал, что с принятием христианства людям открылись две грани, два аспекта добра. До Христа люди жили в войнах, с пришествием Христа все изменилось: появилась, как чудо, единая католическая (всеобщая) церковь и вселенская империя, римское царство. В результате знакомая с древних времен система римского права получала Божественное благословение. Это же благословение распространилось и на Римское государство, которое с момента признания христианства государственной религией стало беспокоиться не только о безопасности и стабильности власти, но и о спасении подданных. Неслучайно уже первые императоры христианской империи столкнулись с необходимостью борьбы с ересями и сектами, угрожавшими православному пониманию истин веры.

⁹² Памфил Евсевий. Жизнь блаженного василевса Константина... С. 260.

Император вместе с его законодательством стал неожиданно защитником истинной веры, «удерживающим», что было вызвано христианским убеждением в том, что тайна беззакония уже в силе, но от катастрофы сохраняет удерживающий (2 Фес. 7). Таким образом, римское право также должно обеспечивать торжество христианства на земле. Для этого в его нормах должны звучать ценности христианского нравственного идеала и законодательно быть защищены основные истины христианской веры. И хотя церковь существовала и без государственной поддержки, государство без христианского идеала власти и закона превращалось в хищника. Право, основанное на нравственных ценностях, получало особую силу, важную для государства нравственную легитимность, а церковные догмы – юридическую защиту. Отсюда не случайно все постановления и решения вселенских соборов облекались в форму императорских законов.

Право в этот период обрело свою идею, смысл и цель. Теперь его задачей было установление Божественной справедливости во всей Римской империи, которая должна была сплотить в единой церкви все народы земли. Право и закон стали восприниматься как органическая часть Божественного мироустройства, орудие Божье, средство установления Божественной справедливости и порядка. Высшее предназначение права видится в исполнении Божественного промысла о человеке и человечестве в домостроительстве Вселенской церкви Христа.

Закрепленные в праве христианские ценности полностью изменили отношение к правовому статусу личности. Так как каждый человек после смертной жертвы Христа искуплен ценой крови сына Божьего, его жизнь получает новый смысл и ценность, а сам человек является для Бога сыном. Права и обязанности каждого человека признаются как элемент его свободного статуса и абсолютного достоинства.

В связи с этим вполне закономерно, что в годы правления императора Константина получает развитие вопрос о рабовладении. В рабе начинают видеть личность, обладающую не только одними обязанностями, но и

правами. Медленно, но уверенно происходит изменение отношения к рабу, который ранее воспринимался как вещь.

В IV веке философ Фемистий (317–388) обосновывал точку зрения, согласно которой сущность и назначение права заключаются в том, что оно ниспослано Богом для воспитания и поддержания людей в благочестии. Эту идею развил и конкретизировал в своих Дигестах император Юстиниан: «Императорское величество должно быть украшено не только трофеями, но должно быть вооружено законами для того, чтобы государство могло быть управляемо и в военное время, и в мирное надлежащим образом»⁹³.

Древний Рим славен своим правовым порядком, римским правом. Предметом гордости у граждан являлись суд, законодательство (в основном прецедентное, казуальное) и юристы-адвокаты. Именно в Риме возникла идея правового государства – идея, и сегодня считающаяся идеологической программой европейских стран; Цицероном был введен термин «республика», под которым он понимал союз людей, объединенных общими интересам в праве, имеющими общее право и власть. Для Цицерона государство – это не народ Рима, а нечто гораздо более широкое. «Государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов», – полагал мыслитель⁹⁴. Здесь важно подчеркнуть, что государство не абсолютный человеческий союз, не Отечество, а некоторое состояние правовой культуры народа.

Говоря об основных принципах правопонимания в Византии, следует отметить, что важной особенностью византийской государственности был принцип теократии, который, несмотря на цезарепапизм, последовательно проявлялся в законотворчестве. В IX веке, во время правления церковью

⁹³ Загурский Л. Н. Элементарный учебник римского права. Общая часть. Харьков, 1897. Вып. 1. С. 4.

⁹⁴ Цицерон. Диалоги. М., 1994.

патриарха Фотия, духовная власть принимала участие в составлении свода законодательства. При этом одним из требований к кандидатам на должность патриарха являлось хорошее знание церковного и гражданского законодательства, а многие патриархи были юристами по образованию и первоначальному роду деятельности (патриарх Константинопольский Иоанн III Схоластик (VI в.), патриарх Антиохийский Феодор IV Вальсамон (XII в.), патриарх Иоанн VIII Ксифилин).

Позднее церковь еще более стала вникать в дела государственного управления, правотворчества и отправления правосудия. Архивы свидетельствуют о том, что в XIV–XV веках константинопольские патриархи занимались делами в области брачно-семейного, наследственного права, участвовали в составлении сборников церковного и гражданского права. Встречаются и императорские распоряжения о включении архиереев в судебные институты империи: так, император Андроник II Палеолог (1282–1328), создавая институт 12 присяжных «вселенских судей ромеев», распорядился включить туда и архиереев. Юрисдикция этих так называемых «вселенских судей» распространялась и на самого императора, и на его семью. Таким образом, император становился подсудным.

Говоря об отражении симфонии властей на правопонимании византийцев, нельзя не отметить особый правовой статус главы государства – императора – как в отношении законов, так и в отношении канонов церкви.

Дмитрий Хоматин отмечал по этому поводу, что «Император... есть и называется верховным блюстителем церковного порядка... Он есть вождь церковной иерархии и законодатель по отношению к жизни и поведению священников; он имеет право решать споры между митрополитами, епископами и клириками и избирать на вакантные епископские кафедры... Словом, за исключением только права совершать литургию и рукоположение, император сосредотачивает в себе все прочие преимущества епископов, и потому его постановления имеют силу канонов... Как Искупитель наш, помазанный Святым Духом, есть верховный наш

Первосвященник, так справедливость требует, чтобы и помазанник Божий император наделен был благодатью первосвященства»⁹⁵.

Эклога, законодательный памятник VIII века, содержит такое указание на христианский фундамент власти и права: «Тем же, кто поставлен исполнять законы, мы рекомендуем, а вместе с тем и приказываем воздержаться от всяких человеческих страстей и выносить решения исходя из здравого суждения по истинной справедливости; не презирать бедных, не оставлять без преследования несправедливо поступающего могущественного человека и не выказывать в преувеличенной форме на словах восхищения справедливостью и равенством, на деле же отдавая предпочтение как более выгодному несправедливости и лихоимству»⁹⁶.

Именно благодаря такому нравственному насыщению византийское право приобретает черты, позволяющие считать его уникальным явлением в истории государства и права: «Византийское право являлось одной из наиболее ярких сторон византийской культуры, и по силе воздействия на культуру других народов средневекового мира оно может идти в сравнение только с византийским искусством и архитектурой»⁹⁷.

После принятия христианства Византия не прекратила своего существования в качестве правового государства. Более того, она создала правовую цивилизацию, где общественные отношения и связи были построены на законах и судебных процедурах, сделки требовали заключать при свидетелях, а с нотариальным удостоверением рассматривались любые значимые документы, такие как завещание, брачный договор, сделки по отчуждению имущества. Византийцы часто обращались в суды с исками и жалобами, где судьи принимали решения на основе позитивного права и

⁹⁵ Цит. по: Павлов А. С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 331.

⁹⁶ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийского книга епарха. Рязань, 2006. С. 49–50.

⁹⁷ Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII веках. Л., 1976. С. 3.

обычаев. Ключевым для такой цивилизации был принцип «воздавать каждому принадлежавшее ему право»⁹⁸.

В заключение следует отметить ряд изменений в образе правосудия под влиянием идеи симфонии властей. Христиане первых веков избегали языческих судов, свои конфликты они предпочитали разбирать на суде епископов, так как в языческих судах их вера мешала принятию решений. Римское правосудие в дохристианский период знало также и языческие обряды, например, воскурение фимиама Фемиде. Дела христиане старались решать, опираясь на христианский нравственный закон.

После легализации христианства светский суд не вел дела, связанные с церковными вопросами, напротив, епископ имел особые полномочия контроля над гражданскими, светскими чиновниками и привилегии, позволяющие покровительствовать бедным, узникам, рабам, защитникам униженных и угнетенных.

Огромную роль в симфонических отношениях играли институты судебной власти. Светская вертикаль судебной власти завершалась императорским судом на Ипподроме, который просуществовал вплоть до начала XIII века. Церковные, или епископские, суды функционировали для решения споров между священнослужителями, христианами, а также связанным с православной верой, богослужебными делами. При этом церковной юрисдикции подлежали все миряне, включая самого императора, по вопросам вероисповедных и моральных споров. Однажды при патриархе Константинопольском Николае I Мистике (852–925) на императора Льва VI за его противоречащий канонам четвертый брак была наложена епитимия. Однако в одной из новелл анонимного императора был сформулирован и закреплён принцип: «Наш дворец и казна не подлежат каноническим законам».

⁹⁸ Dagron G. Lawful Society and Legitimate Power // Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelfth Centuries. Washington, 1994. P. 27–51.

Споры между клириками часто касались финансовых и имущественных конфликтов. Следует отметить, что представители клира не могли прибегнуть к светскому суду в силу своего сана⁹⁹. Им нельзя было заниматься какой-либо иной нецерковной деятельностью и, в частности, выступать защитниками на судах. Принятый епископом правоприменительный акт подлежал реализации государственным чиновником. Однако были возможны и светские суды с участием священнослужителей, например, в случаях, когда епископ или священнослужитель оказывался в тяжбе вне своей епархии в столице. Кроме того, в 29 году, во время правления императора Ираклия, была принята новелла «истец следует юрисдикции ответчика». Уголовные дела с участием епископа или иных клириков рассматривались епископом в отношении рядового священнослужителя и патриархом в отношении епископата. Если священник или епископ извергался на церковном суде из сана, то впоследствии он подлежал юрисдикции светского суда или суда наместника провинции. На епархиальных соборах рассматривались иски священнослужителей против епископов по церковным делам, а разбирательства между епископами – экзархом диоцеза или патриаршим судом в Константинополе. Церковная вертикаль судов завершалась высшим патриаршим судом, который существовал в Константинополе. На этом суде разбирались тяжбы архиереев¹⁰⁰.

Пренебрежение церковной юрисдикцией и попытки найти решение в светских судах со стороны клириков подлежали наказанию со стороны церкви. При этом в отдельные периоды светские власти не могли оказать существенного влияния на внутрицерковные отношения. Между тем светское право строго наказывало за измену православной вере, секты и

⁹⁹ См.: Медведев И. П. Византийское право на заключительном этапе своего развития // Культура Византии XIII – первая половина XV века. М., 1991.

¹⁰⁰ См.: Максимович К. А. Право и церковь // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 181–192.

ереси государство изживало, а некрещенных оно поражало в целом ряде прав и свобод.

Впоследствии был учрежден отдельный императорский суд, в который входили также архиереи. Однако эта реформа не получила дальнейшего развития ввиду невозможности разрешить огромное количество дел в разумные сроки. В одном из указов императора Андроника III (1296–1341) говорилось о необходимости участия церкви в осуществлении светского правосудия: ромейские судьи избираются церковью и царственностью императора, как полагал он, а проводится данный «вселенский суд» в храме Святой Софии в Константинополе.

В дальнейшем институт вселенских судей претерпел реформы благодаря следующему императору Андронику III, который пожелал укрепить образ справедливого суда, освященного духовным началом правды. В одном из указов Андроника III прямо определялось участие церкви в отправлении светского правосудия: «Вселенские судьи ромеев избраны и поставлены святою Церковью Божией и моею царственностью», а проводился данный «вселенский суд» в храме Святой Софии в Константинополе. В состав суда входили три юриста-мирянина и одно духовное лицо в священном сане. Этот состав предназначался для столицы, а для остальных городов предусматривались специальные суды. Когда судьи принимали должность, им приходилось давать клятву на верность императору, а тот обещал свою защиту. Суд вершился на основе кодекса церковных предписаний – на основе «Номоканона» и «Василик», которые были нормативными актами императора Василия I Македонянина (867–886). О.А. Новиков справедливо подчеркивает, что судебные органы в реальности показывали симфонию властей как единого церковно-государственного союза в правовом контексте¹⁰¹. В судебном институте автор видит особый путь развития права в Византийской правовой культуре: «Значение Вселенских судов в жизни Византии, роль, которую они

¹⁰¹ См.: Новиков О. А. Институт Вселенских судей в Византии во второй половине XI–XV веке // История государства и права. 2008. № 16.

играли в правовой сфере жизни византийского общества и в области церковно-государственных отношений, показывают многие царские указы, которые предписывали, чтобы акты гражданского судопроизводства составлялись по точному смыслу законов, по господствующему древнему обычаю и согласно образцу, указанному ему вселенскими судьями “ромеев”. Здесь, таким образом, виден особый путь развития права в Византийской империи»¹⁰². Впоследствии данный суд заменил иные органы государства. С момента турецкого владычества патриарх стал судьей для христиан – граждан Турции.

Особо необходимо обратить внимание на безусловную обязательность норм христианской правовой системы Византии. Миграционные процессы, происходящие в Византийской империи, были связаны с существенным религиозным элементом. В целом сама Византия представляла собой весьма пеструю с этнонациональных демографических позиций картину, составленную из народов с различными культурными, религиозными традициями и расовой принадлежностью. В литературных источниках отмечается, что официальным для империи являлся латинский язык. Затем таковым стал греческий язык, но он не мог быть фундаментом общей культуры, и власть искала иные методы влияния на этнодемографическую ситуацию, в том числе посредством миграционной политики. Государство переселяло различные этнические группы из одних областей государства в другие¹⁰³. Например, император Юстиниан переместил часть вандалов из Африки в Малую Азию, а для противостояния натиску гуннских народов этот император расселял некоторых из них на федеративном праве в балканских провинциях. Как отмечает В.В. Серов, впоследствии, после Готских войн, в Вифинии были размещены плененные готы, остававшиеся там вплоть до VIII века.

¹⁰² Он же. Институт Вселенских судей в Византии во второй половине XI–XV веке...

¹⁰³ См.: Серов В. В. «Миграционная политика» в Византии [Электронный ресурс]. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2766>

Кроме того, император Юстиниан практиковал переселение армян с их родины в разные части империи. Далее, к VIII веку, Армения оказалась под властью арабов, после чего вследствие ряда неудачных восстаний армяне массово бежали в Византию, где в итоге появилась значительная их колония. Советский историк В.П. Степаненко отмечал, что к началу XI века территория Сирии, Месопотамии и малоазиатских фем Византии уже была заселена армянами, что стало результатом внутренней политики империи, стремящейся опереться на них в отношениях с мусульманским населением областей, отвоеванных у халифата. Однако в основном это являлось следствием завоевания собственно армянских земель от Эдессы до Самосаты и Мелитены, а владения, переданные Арцруни в Каппадокии, послужили началом образования полунезависимых армянских государств на византийской территории.

В Константинополе политические и правовые идеи часто высказывались не только философами, но и священниками, диаконами. Так, например, один из диаконов храма Святой Агапит, обращаясь к государю, высказал мысль о том, что власть ему вручил Бог не для привилегий, а чтобы царь научил людей хранить правду и сдерживал желающих хулить имя Бога, сам повиновался законам Божьим, подданных наставлял в них, правосудие творил и управлял по Божьим законам подданными»¹⁰⁴. Его «Поучение» сыграло большую роль в становлении образа царской власти¹⁰⁵.

Основную задачу царя Агапит видел в том, «чтобы корабль вселенского царства не впал в волны нечестия»¹⁰⁶. По сути, царь равен другим людям, он обычный человек, но своей властью подобен Богу, не имея на земле никого выше себя. Однако из этого высокого статуса вовсе не

¹⁰⁴ Кулаковский Ю. А. История Византии: в 3 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 38–39. См. также: Буланин Д. М. Поучение Агапита / отв. ред. Д. С. Лихачев: словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI вв., ч. 2: Л–Я. М., 1989. С. 300.

¹⁰⁵ См.: Three political voices from the age of Justinian: Agapetus, Advice to the emperor; Dialogue on political science; Paul the Silentary, Description of Hagia Sophia / Translated by Peter Neville Bell. Liverpool, 2009.

¹⁰⁶ Там же. С. 39.

следует, что царь является лицом, которому много позволено. Напротив, царь связан «земным прахом», и «это поучает его соблюдать в отношении всех равенство». При этом он должен как Бог не гневаться и не возноситься над другими. Его забота о подданных приравнивается к заботе о собственном теле, не допуская никакого зла. Задача царской власти заключается еще и в том, чтобы обеспечивалось общее благо с любовью к своему народу¹⁰⁷.

В функции царской власти входили также задачи разрешения конфликтов между законами и справедливостью. Царь следил, чтобы законы принимались без нарушения принципов Божественной справедливости. Кроме того, применение даже справедливого закона подлежало рассмотрению тогда, когда его формальное использование приводило к несправедливости. Один из византийских мыслителей Фемистий считал, что царь стоит выше закона и пользуется таким своим положением исключительно для смягчения строгости его в тех ситуациях, когда механическое его применение ведет к несправедливости¹⁰⁸.

Император считался «живым», «одушевленным законом» (Юстиниан Великий). Результаты императорского толкования закона предлагалось считать одной из форм законодательства. При этом приводился следующий аргумент: «тот вправе толковать закон, кто вправе его устанавливать».

Царь полагал, что император оперативно разрешает все конфликты, возникающие между новыми ситуациями и старыми законами: «Император может все новые явления и исправлять, и упорядочивать, и приводить к надлежащим условиям и правилам»¹⁰⁹.

Юстиниану Великому принадлежат и такие слова: «Бог установил царскую власть, чтобы она уравнивала несогласия добром» (73-я новелла). В дальнейшем эта мысль нашла свое развитие и в Эклоге: «Мы

¹⁰⁷ См.: Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С. 169.

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 90.

¹⁰⁹ Сильвестрова Е. В. *Lex generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X веков нашей эры. М., 2007. С. 66–67.

стремимся служить Богу, вручившему нам скипетр царства. С этим оружием мы печемся о порученном Его властью нашей кротости христоименном стаде, чтобы оно росло в добре и преуспевало. Этим мы стремимся восстановить древнее правосудие в стране»¹¹⁰. Не случайно многие императоры рассматривали дела в качестве судей, обеспечивая тем самым реализацию справедливого правосудия.

Таким образом, идея симфонии властей пронизывала не только властеотношения, но и право, правовую систему, законодательство, судебную власть, систему отправления правосудия в Византии. Необходимо учитывать и особый характер справедливости в Византии, основой которой являлось, прежде всего, христианское ее понимание. Подводя итог, следует отметить, что становление идеи симфонии властей связано с целым рядом этапов. Изначально это была идея общих ценностей, целей и задач функционирования церкви и государства. Различные императоры видели свои полномочия в церковной сфере по-разному. Однако ни император, ни патриархи, ни народ не мыслили разделенными духовную и светскую жизнь, власть и управление.

¹¹⁰ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская книга эпарха. Рязань, 2006. С. 52.

ГЛАВА 2. ИДЕЯ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ X–XX СТОЛЕТИЙ

§ 1. Идея симфонии властей в процессе становления государственности России в первые века после крещения Руси

В процессе развития отечественной политико-правовой идеи и практики симфонии властей, с нашей точки зрения, условно можно выделить три основополагающих этапа: от крещения Руси до татаро-монгольского ига; этап формирования Московского государства; этап становления абсолютной монархии. Данные этапы сформировали устойчивые национально-культурные доминанты или, как отмечает ряд исследователей, ментальные «предправовые коды»¹¹¹ и национально-культурные архетипы¹¹² политико-правовой трансформации отечественной политико-правовой мысли и доктринально-программных положений государственно-правовой трансформации, которые выступали идейно-концептуальной и метаюридической основой эволюции публично-властной системы и системы властных отношений в российском обществе. Например, известный историк права Н.М. Золотухина указывает, что эпоха развития киевской государственности и религиозной философско-правовой мысли заложила каркас и направленность эволюции русской политической и правовой теории, сформулировала и разработала «ряд устойчивых политических и правовых тем: учение о происхождении власти, ее организации, образе ее носителя, его ответственности перед Богом за управление страной и народом, а также представления о законе, правде и справедливости»¹¹³.

¹¹¹ См.: Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д, 2007.

¹¹² См.: Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества: монография. М., 2017.

¹¹³ Золотухина Н. М. Особенности средневековой политической и правовой мысли в России // Философия права в России: история и современность: материалы философско-правовых чтений памяти В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. М., 2009. С. 76.

В свою очередь, эпоха московской государственности продолжила эту тенденцию формирования своеобразия и уникальности русского правопонимания. С одной стороны, происходила серьезная концептуально-теоретическая проработка религиозных, нравственных и юридических категорий, а с другой – теоретико-практическое обоснование симфонического взаимодействия властей, единого властного начала, организации государственного и церковного управления и т. п. В целом, по мнению Н.М. Золотухиной, глубокое изучение русского историко-правового наследия позволяет заключить, что «принципы правопонимания, разработанные мыслителями Киевской Руси, были восприняты мыслителями позднего Средневековья и подверглись более детальной разработке с учетом историко-политических обстоятельств, сложившихся в Московском государстве»¹¹⁴. На первых двух этапах происходило формирование комплекса взаимосвязанных религиозно-нормативных идей, представлений и доктрин о власти, государстве и церкви в их теснейшей взаимосвязи и взаимодействии, которые выступили в качестве содержательного источника развития идеи симфонии властей в процессе становления государственно-правовой идеологии Московского государства. На данных этапах формировались базовые сценарии и основные модели взаимодействия светской и духовной власти.

В связи с этим следует отметить, что ряд историков права обосновывают несущественную значимость политико-правовых воззрений киевского и московского периодов в формировании отечественной политической и правовой теории. Они указывают, что собственно отечественная политическая и правовая теория стала формироваться только с началом научной деятельности как системной академической практики, то есть в XVIII веке, с созданием Академии наук¹¹⁵. Данная позиция опирается

¹¹⁴ Золотухина Н. М. Особенности средневековой политической и правовой мысли в России... С. 92.

¹¹⁵ См.: Омельченко О. А. История политических и правовых учений. М., 2006. С. 315–320.

на современное понимание системы научных знаний и не берет в расчет базовые основания формирования и развития национальной правовой ментальности, без которых идентификация и адекватное описание направленности развития научных представлений о праве, государстве, власти, взаимодействия церкви и государства становятся невозможными.

Более того, в историко-правовом и теоретико-практическом аспектах необходимо развести процессы формирования ключевых представлений о власти, государстве, церкви, их взаимодействии и взаимовлиянии друг на друга и институционализации идеи симфонии властей в московский период. Очевидно, что принятие христианства и восприятие византийской модели публично-властной организации происходили не на пустом месте, последние адаптировалось и гармонично «встраивало» конкретно-исторический контекст в опыт государственного строительства. В этом плане В.Л. Ефимовских справедливо отмечает, что византийская идея, попав на русскую почву, начала трансформироваться под воздействием местных культурных и мировоззренческих особенностей, «образуя нечто существенно новое. Это происходит вследствие того, что усваивается лишь внешняя форма, в то время как само содержание наполняется совершенно иным смыслом. Причина подобной рецепции заключалась в том, что в России ориентировались не на реально существующую модель – уже столетие над Святой Софией сиял полумесяц, а на свое представление о Византии»¹¹⁶. Другими словами, во многом данный процесс носил уникальный конвергационный характер, соединяя в один «правокультурный сплав» разнородные и разновекторные элементы, доктрины, учения и т. п.

Конечно, принятие византийской модели организации публично-властных отношений кардинально изменило и сформировало «общеисторический» вектор развития, которые принципиально отличал

¹¹⁶ Ефимовских В. Л. Священство и царство: к вопросу о модели государственно-церковных отношений в московский период... С. 39.

историко-правовую эволюцию западноевропейских государств с ее ключевыми моделями папоцезаризма и цезарепапизма. Этот вектор направлял развитие отечественной государственности в различные периоды эволюции Русского государства и права на поиск политико-правовых механизмов гармонизации властных отношений между духовной и светской властью, а не на выработку механизмов и режимов их жесткого и четкого разведения, определения функциональных и институциональных границ автономной и самостоятельной деятельности последних (как это имело место в развитии западноевропейской правовой ойкумены).

В этом контексте следует более обстоятельно рассмотреть процесс формирования основных политико-правовых идей, представлений и теоретико-концептуальных положений, а также практики государственно-правового развития церковных и государственных отношений в киевской и монархической государственности, что, несомненно, позволит комплексно проанализировать и описать идеологические и организационно-правовые особенности системы симфонии властей в становлении и эволюции русской государственности, увидеть преемственность ключевых (базовых) векторов трансформации национального правосознания. Предвосхищая последующий более детальный анализ симфонии властей в русской правовой мысли, важно обратить внимание на то, что в отечественной правовой традиции, то есть на протяжении многовекового развития политических и правовых учений основной акцент делался на единстве властей, гармоничности публично-властного взаимодействия. При этом с еще большей долей определенности можно утверждать, что в ходе рецепции византийской модели симфонии властей формировались не только национально-культурный код властного взаимодействия, но и специфическая модель восприятия и организации верховной власти, о чем речь пойдет в соответствующих частях диссертационного исследования.

Итак, фундаментальный комплекс политико-правовых идей о симфоничности власти, единства и гармоничного взаимодействия различных

форм власти (светской и духовной), сущностных характеристик последних, их основополагающих функциональных направленностей и обязанностей начинает, как известно, формироваться в XI–XIII веках. Период княжения Владимира I (980–1015) и Ярослава Мудрого (1019–1054) отмечен не только принятием христианства, бурным расцветом киевской государственности, но и возникновением идеи о единстве русской земли, расширении территории древнекиевской государственности, появлением первой кодификации обычно-правовых регуляторов (Церковного устава и Русской правды). Следует отметить, что князь Владимир практически сразу после крещения принял за основу правления государством образ христианского государя, считая своим долгом заботиться о спасении душ русского народа¹¹⁷.

В середине XI века появился первый русский политико-правовой трактат киевского митрополита Илариона в период с 1051 по 1055 «О Законе Моисеем данным и о Благодати и Истине в Иисусе Христе явившихся и о том, как Закон отошел, а Благодать и Истина всю землю исполнили, и вера на все языки простерлась и на наш народ русский. Похвала государю нашему Владимиру, им же мы крещены были; Молитва Богу от всей земли нашей Господи, благослови Отче». Текст этот задал основную проблематику, в том числе политико-правовую, которая в течение многих веков детально анализировалась, прорабатывалась, в целом выступала основным источником для развития политико-правовых трактатов и учений¹¹⁸. В дальнейшем переписки этого сложного текста, состоящего из четырех основных работ Илариона, получили наименование «Слово о Законе и Благодати»¹¹⁹.

¹¹⁷ См.: Овчинников А. И., Гасанова З. Г., Фатхи В. И. Образ самодержавия и государственно-правовые идеалы в период Древнерусского государства // Философия права. 2016. № 4 (77). С. 35–41.

¹¹⁸ Иларион «сформулировал корпус политико-юридических проблем, которые впоследствии разрешались в политико-правовой мысли на протяжении многих столетий. Так, в произведениях мыслителей XIV–XVII веков обнаруживается не только разработка основных идей Илариона, но даже целые словесные формулы и текстовые заимствования». Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 19.

¹¹⁹ См.: Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994.

Иларион в своем тексте впервые коснулся вопросов симфоничности власти, ее единства и «правообязанностей».

Конечно, собственно концепт «правообязанность» Иларионом не использовался, однако он впервые сформулировал идею о неразрывности прав и обязанностей светской и духовной власти, то есть гармоничного единства прав и обязанностей в отправлении власти. Например, Иларион указывал, что князь вправе (имеет право, *imperium*¹²⁰) и одновременно ответствен (ответствен, несет долг, служит¹²¹) за управление людьми и страной («за труд паствы людей его»), он получает свое право от Бога и несет свой долг, не поддаваясь соблазнам. Эта идея (развитая затем целой плеядой дореволюционных юристов – Н.Н. Алексеевым, Н.А. Дунаевым, М.Н. Коркуновым, Я.М. Магазинером, Л.И. Петражицкий и др.), как видно, отражает стремление русского правосознания к гармонизации религиозно-нормативных и правовых регуляторов, формированию комплексных юридико-этических (Л.А. Тихомиров) и нравственно-правовых категорий (В.С. Соловьев). В начале XX века многие авторы стремились создать национальную теорию правообязанности как альтернативы западноевропейской системы индивидуализированных прав и обязанностей, соответствующей концепции правообязанного государства («гарантийного»), которая отличается нравственно-этическими основаниями от западной теории правового государства¹²².

¹²⁰ В Римской империи и Византии власть трактовалась, прежде всего, как право. См. об этом более подробно: Дементьева В. В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *Imperium* // Вестник древней истории. 2005. № 4. С. 46.

¹²¹ См.: Казанцев П. Е. Власть всероссийского императора. Одесса, 1913. 1000 с.

¹²² См. об этом более подробно: Алексеев Н. Н. Обязанность и право // Русский народ и государство. М., 1998. С. 165; Дунаев Н. А. Правомочие и его виды // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Париж, 1931. Кн. VII. С. 281–282; Магазинер Я. М. Лекции по государственному праву (Общее государственное право). Петроград, 1919. С. 101; Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М., 2000. С. 168.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что доминирующей проблематикой текста Слова о Законе и Благодати становится три основных аспекта:

– во-первых, это обоснование идеи о том, что власть, церковь, государство так же едины, «как Троица едина в трех Лицах», и, по сути, хотя они и едины, но различны в своих функциональных «правообязанностях» – «нераздельна и неслиянна»;

– во-вторых, большая часть трактата Илариона посвящена обоснованию неразрывной и гармоничной связи права и нравственности, что особенно касается взаимодействия церкви и государства. При этом все основные термины – «Власть», «Закон», «Благодать», «Правда», «Истина» – получили у него нравственно-юридическую трактовку. Например, термин «Закон» Иларион употреблял «в теологическом и юридическом значении, понимая под ним жесткое предписание, обязанность исполнения которого гарантируется принудительной силой. Закону подчинены внешние поступки людей, причем на той ступени их развития, когда они еще не достигли совершенства и могут погубить друг друга». Следует отметить, что данная традиция толкования правовых и связанных с правом феноменов воспроизводится на всех этапах эволюции русских правовых учений, хотя и в разных смысловых контекстах.

На более высокой ступени своего духовного развития человек уже поступает по «закону-правде» (это понятие также юридико-нравственного характера), то есть «поступавший по учению Христа перестает нуждаться в регулятивной деятельности Закона, ибо сохраняет Благодать, всегда поступая так, как того требуют правила христианской добродетели», – развивают данную мысль И.А. Исаев и Н.М. Золотухина¹²³;

– в-третьих, Иларион обосновывал идею о политико-правовом и духовно-нравственном единстве земли русской, основные элементы типа

¹²³ Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России... С. 16–18.

национального государствопонимания и правопонимания (об этом более подробно речь пойдет ниже).

Схожие политико-правовые идеи содержатся и в историко-политическом трактате «Повесть временных лет», в которой Нестор обосновывал не только историческую необходимость единения русской земли, целостности и единства русской государственности, суверенности государственной власти, но и доказывает симфоническую форму организации публичной власти как «в новом великом Риме»¹²⁴. Многие историки права видят в этом тексте источник концепции Третьего Рима, которая получила свое распространение в эпоху расцвета московской государственности. При этом в Повести временных лет продолжается идейно-концептуальный вектор, намеченный Иларионом, выделяется и обосновывается система юридико-этических и нравственно-политических требований к осуществлению верховной власти и правосудия в Русском государстве.

Особое значение в качестве идейно-теоретических источников, ставших содержательной основой при последующей институционализации византийской модели симфонии властей в Московском государстве, имеет корпус правовых текстов – «Устав Владимира Мономаха», а также политических трактатов Мономаха – «Поучение детям», «Послание Олегу Черниговскому», «Отрывок». В своих работах он также продолжил разработку основных политико-правовых тем, сформулированных Иларионом: «Его, как и Илариона, интересовали объем власти великого князя, форма ее организации, сумма нравственных критериев, определяющих оценку главы государства, отношение с подвластным населением»¹²⁵, и др.

По сути, Владимир Мономах формулировал фундаментальные принципы организации формы правления, а именно монархической

¹²⁴ Повесть временных лет. Оригинал [Электронный ресурс]. URL: <http://heathen.su/library/pvl.html> (дата обращения: 21.12.2017).

¹²⁵ Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России... С. 23.

государственности, которая имеет юридико-этические и нравственно-политические ограничения, базирующиеся на религиозно-нормативных основаниях. При этом главная задача органов власти определялась в качестве охраны духовно-нравственной культуры общества и военно-политической безопасности русской государственности. Так, например, в Послании Олегу Черниговскому и Поучении Мономаха, рассуждая о взаимоотношениях с церковью, с одной стороны, отмечает значение духовно-нравственных критериев в отправлении государственной власти, призывает чтить и заботиться о священнослужителях. С другой стороны, признавая значимость служения христианской вере, он осуждает молодых людей, которые, забывая о нуждах отечества, подвергают себя лишениям ради достижения вечной жизни¹²⁶.

Эта идея государственного служения и духовно-нравственного ограничения верховной власти станет определяющей в отечественной политико-правовой традиции, во взаимодействии светской и духовной власти. Например, по мысли дореволюционного юриста Н.Н. Алексеева, за многовековую эволюцию российской государственности сложилась модель организации верховной власти, согласно которой функциональные характеристики последней, а также принципы ее легитимации связывались преимущественно с этическим служением. Иными словами, вся система государственной власти, отдельные властные органы и государственные мужи реализовали «максимальное служение» доминирующим в обществе «национальным, племенным и местным особенностям», вере и представлениям населения. При этом функционирование системы государственной власти неразрывно связано с духовными институтами (проявляющими и сохраняющими данные ценности, идеалы, представления

¹²⁶ См.: Поучение Владимира Мономаха и его письмо к Олегу Черниговскому [Электронный ресурс]. URL: <http://zaumnik.ru/drevnerusskaja-literatura/pouchenie-vladimira-monomakha-i-ego-pis'mo-olegu-chernigovskomu.html> (дата обращения: 24.12.2017).

населения евразийского пространства), совместно обеспечивая достижение социальных, культурных и духовных благ¹²⁷.

В силу этого идея духовно-нравственного ограничения верховной власти, сформулированная в трактатах эпохи киевской государственности, выступила основой для зарождения концепции ограниченной монархии. Например, в Московском государстве, как отмечал дореволюционный теоретик права Н.Н. Алексеев, русский народ имел свою национально-культурную (отвечающую его обычаям и традициям, религиозным догматам и мировоззренческим установкам) неписаную конституцию, которая выражалась в его верованиях и воззрениях. Религиозно-нормативные основания и духовно-нравственные традиции оказывали существенное воздействие на организацию и отправление верховной власти в Российском государстве, определяя ориентиры ее работы, пределы деятельности и вмешательства. «Московская монархия имела, разумеется, свою неписаную конституцию, однако эта конституция свое торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, изданных учредительным собранием... а в том чисто нравственном убеждении, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей... установлен свыше, освящен верой отцов и традициями старины»¹²⁸, – писал по этому поводу Н.Н. Алексеев.

Специфические юридико-этические категории, связанные с духовными нормативами и религиозными стандартами, были разработаны и в древнерусском письменном памятнике «Слово о полку Игореве»¹²⁹. Несмотря на то, что это, прежде всего, поэтическое произведение, в нем также поднимается основополагающая проблематика политико-правовой организации власти и ее взаимодействия с духовно-нравственными

¹²⁷ См.: Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 373.

¹²⁸ Он же. Современное положение науки о государстве и ее основные задачи // Русский народ и государство. М., 2008. С. 529.

¹²⁹ См.: Стеллец В. И. Слово о полку Игореве. М., 1981.

институтами общества¹³⁰. В рамках данного текста также обосновывается необходимость формирования единого властного центра, управляющего всей русской территорией, в поэтической форме излагаются нравственные и духовные основания верховной власти, формулируются такие политико-нравственные категории, как «страх» и «гроза», в качестве ключевых атрибутов верховной власти. Однако если духовно-нравственные стандарты относятся к внутренним характеристикам верховной власти, взаимодействия последней с населением, то категории «страх» и «гроза» в данном источнике в основном упоминаются по отношению к врагам отечества и применительно к механизму защиты мирного населения страны.

Важными для понимания истоков формирования последующего содержания модели организации верховной власти являются и произведения Даниила Заточника «Моление» («Послание») и «Слово». Укрепление института верховной власти, возвышение статуса и значимости последнего рассматривались автором как положительная историческая тенденция для обеспечения целостности территории и единства государства. В то же время большая часть его произведений посвящена обоснованию положения о том, что с укреплением верховной власти повышается необходимость «сопутствующих» светских и духовных институтов. В качестве светского института, помогающего в отправлении верховной власти, Даниил Заточник называл совет при князе, который должен быть тщательно подобран. Причем подбор думцев являлся достаточно существенным для мыслителя, поскольку состав совета способен как возвысить власть князя, так и лишить его таковой: «... прилепляйся к мудрым и сам мудр будешь, а лукава избегай и учения его не слушай. Мудрый муж смысленным друг, а не смысленным недруг... Лучше слушать упреки мудрых, нежели советы безумных»¹³¹. При

¹³⁰ См.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 224.

¹³¹ Моление Даниила Заточника / пер. Д. С. Лихачева [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%97/zatochnik-daniil/molenie-daniila-zatochnika/2> (дата обращения: 27.12.2017).

этом он подчеркивал, что социальное положение думцев не всегда имеет решающее значение.

В свою очередь, критикуя княжескую администрацию и духовенство за корыстолюбие и порочность, Даниил подчеркивал необходимость использования высоких духовно-нравственных стандартов при отправлении верховной власти, соответствия властной деятельности религиозно-нормативным требованиям. В этом плане он настаивал на включении в совет и постоянных представителей духовенства. Именно эта гармоничная триада – великий князь, нравственные принципы и совет мудрых думцев – позволяли обеспечить великое княжение и святой порядок на Русской земле.

В подавляющем большинстве трактатов данной эпохи духовная сфера интерпретировалась в качестве свободной христианской жизни, однако начиная с середины XVI века происходил постепенный переход от Древней Руси к монархическим основам государственно-правового устройства. Причем сама идея единой в политико-правовом и духовном смыслах российской государственности, конечно, была сформирована и обоснована в различных трактатах и учениях предшествующей эпохи. Тем самым идея единства и централизации власти, а также совместного, симфонического взаимодействия церкви и государства стала значимым элементом народного правосознания в XV веке и особенно утвердилась в XVI–XVII столетиях. До этого времени создавался фундамент, или необходимые мировоззренческие и идейно-концептуальные условия, для осуществления такого государственно-правового единства.

Общеизвестно, что, начиная с XIII века в русском правосознании становятся ведущими идеи о полной гибели Руси и фундаментального кризиса в государственно-правовом развитии. Это, как отмечали русские книжники той эпохи, было обусловлено тем, что каждый «печется своим интересом», а не ставит «отеческие» (государственные) превыше всего. При этом монголо-татарское нашествие воспринималось русским религиозным правосознанием в качестве наказания от Господа за междоусобицы,

нарушение заповедей Божьих. Именно поэтому правовые памятники Древней Руси, среди которых общеизвестные «Слово о погибели Русской земли», «Слово о Полку Игореве», нормируют «органическое единение Земли Русской». В их текстах поэтично воспевается единство народа, спасение державы, идея спасения Руси посредством объединения вокруг Господа Иисуса Христа, которое «становится самой насущной жизненной потребностью, условием для выживания всего народа»¹³².

Политико-правовое единство Русской земли волновало всех политических и общественных мыслителей, богословов и летописцев, что не могло не привести к становлению единого государства (как качественно нового типа политической организации), которое начинается с XIV века, поскольку в «XV веке Россия приобрела полнокровное политическое и национальное единство, в конце XVI – начале XVII века мы сталкиваемся уже со сложившейся великорусской народностью»¹³³.

Например, митрополит Иоанн (Снычев) в связи с этим отмечает, что «поучения Владимира Мономаха, самодержавные устремления святого Андрея Боголюбского, кропотливый труд московских князей по собиранию Руси – все это лишь этапы становления русской державности, завершившиеся двумя царствованиями – Иоанна III и Иоанна IV и утвердившие национальное единство, освященное в своих истоках и целях святынями веры»¹³⁴.

Итак, эпоха становления Русского государства IX–XIV веков представляет собой особенный период, когда происходило формирование ключевых представлений о власти, церкви, государстве, формах и моделях взаимодействия духовной и светской власти. Именно учения о русском княжеском правителе, о нравственных качествах и требованиях к нему выступили содержательным источником восприятия, понимания и

¹³² См. об этом более подробно: Перевезенцев С. В. Смысл русской истории. М., 2004. С. 160–163.

¹³³ Пушкарев Л. Н. Менталитет русского общества на рубеже XVI–XVII веков // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003. С. 17–18.

¹³⁴ Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания // Русская симфония: очерки русской историософии. СПб., 2004. С. 95.

дальнейшего развития идеи симфонии властей в русской политико-правовой мысли. На данном этапе был сформирован фундаментальный комплекс политико-правовых идей о государственно-церковном взаимодействии, гармоничном взаимодействии различных форм власти (светской и духовной), сущностных характеристик последних, их основополагающих функциональных направлений и обязанностей.

§ 2. Симфония духовной и светской власти в государственно-правовых учениях Московского государства

История политических и правовых учений, история отечественного государства и права свидетельствуют о том, что становление государственной (самодержавной, монархической) идеологии, формирование и эволюция отечественных институтов власти и государственно-правового опыта в целом невозможно отделить от православной веры и практики государственно-церковного взаимодействия. Как верно указывает В.Л. Ефимовский, с середины XVI века начинается этап государственной централизации и усиления авторитета власти: «... централизация, ставшая основным фактом истории этого периода, уже не могла существовать без нивелировки духовной сферы, ранее основанной на христианской свободе – духовной независимости от государства»¹³⁵.

Поэтому любое исключение из комплексного исследования процессов формирования и развития отечественной государственно-правовой мысли религиозной составляющей, как бы виртуозно или с какой бы «хирургической» методологической точностью не было выполнено данное исследование, в конечном счете оно останется на уровне аналитической абстракции, оторванной от реального политико-правового опыта. Другими словами, отделение процесса становления отечественной политико-правовой мысли от развития религиозного мышления и православной культуры (а иногда и полное его игнорирование) во многих случаях выглядит искусственно. При

¹³⁵ Ефимовский В. Л. Священство и царство: к вопросу о модели государственно-церковных отношений в московский период... С. 40.

этом отделение государственно-правовой истории от развития церкви (церковно-административных, судебных учреждений, церковного права и т. п.) возможно лишь аналитически, для решения достаточно узких (фрагментарных), частных исследовательских задач.

Как в этом плане справедливо отмечает известный исследователь церковного права И.С. Бердников, становление и развитие Российского государства, отдельных публично-правовых институтов (административных, судебных), учреждений (социальной помощи, воспитания и образования) и иных значимых установлений проходило в тесном взаимодействии государства и церкви¹³⁶.

В связи с этим представляется необходимым привести следующий тезис, который ниже будет нами более содержательно раскрыт и обстоятельно обоснован: понимание целостности государственно-правового развития как «практики мысли» (развития государственно-правового мышления, отдельных политических и правовых учений, концепций и доктрин), так и публично-властной практики (форм и способов государственного управления, практики взаимодействия в системе личность – общество – государство) предполагает рассмотрение данных процессов в качестве взаимосвязанных и взаимообусловленных. Следовательно, реконструировать историю как политической и правовой мысли, так и государственно-правовой эволюции без государственно-церковных отношений и специфики православного правосознания представляется невозможным¹³⁷.

¹³⁶ См.: Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Казань, 1913.

¹³⁷ К сожалению, тенденция последних десятилетий, связанная с сознательным игнорированием специфики религиозного правосознания и государственно-церковных отношений в государственно-правовом развитии, сформировала в юридической науке и, прежде всего, истории политических и правовых учений, общей теории права и государства деформированные представления о закономерностях политической и правовой эволюции российского общества, об отсутствии собственного (уникального социально-культурного) кода, программы государственно-правового, социально-экономического и культурного развития. Достаточно длительный период развития отечественной политико-правовой мысли и государственной идеологии (как доктринально-программной основы развития государства, права и общества) характеризовался повсеместной увлеченностью рациональным конструированием универсалистских государственно-правовых проектов.

Это обстоятельство неоднократно подчеркивалось в русской консервативно-правовой и государствоведческой мысли. Например, известный историк права М.Ф. Владимирский-Буданов в своих фундаментальных работах обосновывает позицию о том, что невозможно разорвать религиозное мышление и православную культуру от становления и развития отечественной государственности и правовой культуры¹³⁸. В.О. Ключевский отмечает, что историю развития Российского государства нельзя помыслить без тесного взаимодействия государства и церкви, поскольку последняя «являлась сотрудницей и нередко даже руководительницей мирской государственной власти в устроении общества и поддержании государственного порядка»¹³⁹.

Более того, применительно к проблематике, исследуемой в настоящем параграфе, необходимо отметить, что представители евразийской консервативной государствоведческой школы Н.Н. Алексеев, Л.Н. Гумилев, Н.С. Трубецкой и др. убедительно доказали, что, с одной стороны, становление государственной идеологии Московского государства, а с другой стороны, создание социокультурного единства и политико-правовой целостности¹⁴⁰ были бы невозможными без деятельности церковных

¹³⁸ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995.

¹³⁹ Ключевский В. О. Русская история. М., 1993. Кн. 1. С. 221.

¹⁴⁰ В настоящее время из-за интенсивности глобальных угроз и цивилизационных рисков, неустойчивости и нестабильности общественного развития как в отечественных (см.: Аверьянов В. В. Традиция и динамический консерватизм. М., 2012; Исаев И. А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние: монография. М., 2013; Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Вилисов М. В. и др. Нравственное государство. От теории к проекту / под общ. ред. С. С. Сулакшина. М., 2015; Эбзеев Б. С., Айбазов Р. А., Краснорядцев С. Л. Глобализация и государственное единство России / отв. ред. Б. С. Эбзеев. М., 2006), так и в зарубежных исследованиях (см.: Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2012; Щюц А. Методология социальных наук // Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004; Hall S. Cultural Studies and Theoretical Legacies // Cultural Studies. London; N. Y., 1992; Hannerz U. When culture is everywhere // Ethnos. 1993. Т. 58. Р. 95–111; Hoppe R. Cultures of Public Policy Problems // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice. London, 2002. № 4) тематизируется и актуализируется проблематика единства и целостности в различных социально-культурных (см.: Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Мамычева Д. И. и др. Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики Российского государства: монография. Владивосток, 2015) и политико-правовых контекстах (см.: Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М., 2011).

институтов и, прежде все, сформированного церковью религиозного правосознания и державного мышления.

В связи с этим можно привести два исторических факта, свидетельствующих о воздействии государственно-церковных отношений на формирование единого отечественного государственно-правового пространства и московской государственной идеологии.

Факт первый. Как известно, период феодальной раздробленности привел к социальной и политической разобщенности общества, и к XIV столетию его политическое единство практически исчезло: «Люди остались, но сама система власти и организации отношений между людьми оказалась разрушенной окончательно... Единственной связующей нитью для русских людей XIV века оставалась православная вера»¹⁴¹. Становление Московской Руси было напрямую связано с деятельностью церкви, а формирование государственной идеологии опиралось на православную веру. Влияние этих двух факторов привело к тому, что, по заключению Л.Н. Гумилева, постепенно выкристаллизовывался новый тип государственно-правовой организации общества, существенно отличавшийся от древнерусского периода¹⁴². Именно на данном этапе начинают формироваться и первые консервативные (державно-охранительные) государственно-правовые теории. К этому аспекту мы обратимся ниже и рассмотрим его более содержательно в соответствующей части диссертационного исследования.

В этом плане византийская идея симфонии властей выступила для отечественного правосознания не привнесенным, чужеродным элементом, а «идейно-организующей основой» для развития государственной идеологии в средневековой Руси. Так, в XIV столетии постепенно складывалось совершенно новое, качественно отличное (от предшествующих этапов политической эволюции) явление — единая и целостная российская

¹⁴¹ Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М., 2002. С. 135–136.

¹⁴² См.: Там же. С. 160.

государственность. При этом Москва выступила символическим и реальным центром, с которым стали связывать эту идею государственно-правового единства, а благодаря церковным книжникам и старцам последняя интерпретировалась как единственная наследница истиной православной веры¹⁴³.

Факт второй. Церковь оказала определяющее религиозно-духовное и институциональное влияние на формирование единой монархической государственности и отечественного правосознания. Так, посредством системы монастырского устройства происходило развитие идеологии единого государства и целостности русских земель. Митрополит Алексей (XIV в.) создал систему, в которой православные монастыри выступали основополагающими (опорными) центрами религиозно-нормативной и государственнической жизни русского общества, обеспечивающими духовно-нравственное, мировоззренческое и политики-правовое единство Русского государства.

При этом следует подчеркнуть, что на данном начальном этапе формирования монархической государственно-правовой идеологии создавалась «конвергенционная» (смешанная) система идей, ценностей, принципов публично-властной деятельности и пр. Это отчетливо можно проследить по учениям и доктринам русских христианских мыслителей Агапита, Илариона, Максима Грека и др., в которых обосновывалось установление и охранение православной веры, русских духовно-нравственных ценностей, общинных норм общежития. Кроме того, в рамках монархического устройства очевидна конвергенция византийских принципов

¹⁴³ В своем учении Ф. Морошкин по этому поводу отмечал, что «географическое пространство стянулось в Кремле и побеждающее единство открыло свои действия на всех пунктах разобщенной России... сила централизованного влечения заставила всех возвращаться в сфере Московского владычества. Все потянуло к Москве. Померкли светлые князья русских городов перед величеством царя Московского и всея Руси. Москва и вся Россия – два образа единого могущества» (цит. по: Егоров С. А. История отечественного государства и права. IX – первая половина XIX века. Опыт проблемного изложения. Ярославль, 2000. С. 97–98).

государственно-правового устройства и так называемых «архетипов власти», сложившихся в период ордынской Руси¹⁴⁴.

Указанная тема получила достаточно фундаментальную разработку как в дореволюционной, так и в современной юридической литературе¹⁴⁵. Так, Н.Б. Комова справедливо полагает, что «в XV веке происходит первое усиление России, связанное с освобождением страны от ордынского влияния и началом формирования института царской власти (от Ивана III и далее). В этом плане византизм (Второй Рим) неизбежно сталкивается и с утвердившимися в Российском государстве татарскими архетипами власти и управления, часть из которых, скорее всего, все-таки вытесняет, а с иными – вступает в более “сложные отношения”»¹⁴⁶.

Однако, возвращаясь к доктринально-программным положениям митрополита Алексея, следует отметить, что, по его мнению, удельная система правления в Русском государстве и непрекращающиеся междоусобные войны разрушают единство Русской земли, которое может быть восстановлено только объединяющей деятельностью «разветвленной» системы монастырей. Митрополит считал, что монастырь как устойчивый религиозный, социальный, политико-правовой институт должен стать центром духовного и ценностно-нормативного объединения славян.

Необходимо подчеркнуть, что развитие православных монастырей способствовало формированию государственно-правового мировоззрения и определению основных (стержневых, архетипических) характеристик

¹⁴⁴ См.: Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2000; Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М., 2000; Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. СПб., 1995; Трубецкой Н. С. Европа и человечество: Русский мир: сборник. М.; СПб., 2003.

¹⁴⁵ См. обзор этой темы и источников: Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Манастырный А. В., Тюрин М. Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д, 2009.

¹⁴⁶ Комова Н. Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях XVIII–XX веков: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2012. С. 42.

отечественного правосознания¹⁴⁷, обеспечивало политическое и ценностно-нормативное единство государства. В этом смысле становление государственной идеологии Московского государства и властных институтов самодержавия было органично связано с религиозным правосознанием и церковной организацией¹⁴⁸.

В данном контексте следует обратиться к вышеобозначенному тезису о том, что идея симфонии властей выступила базовым «юридическим архетипом» в организации и эволюции отечественных государственно-правовых учений, основополагающей идейно-концептуальной матрицей в формировании доктринальных и программных положений, связанных с организацией и совершенствованием государственной власти¹⁴⁹. Причем, как будет показано ниже, это архетипическое основание отечественного правосознания является базовым элементом и для развития современных государственно-правовых учений.

¹⁴⁷ Н. М. Золотухина полагает, что именно в данный конкретно-исторический период сложились ключевые характеристики национального политического мышления и отечественного правосознания. Кроме того, в русских средневековых политико-правовых теориях и учениях, по заключению исследователя, были выработаны понятия и категории, которые «оказались пригодными для выражения правопонимания во все века», многие из них не утратили, а, наоборот, усилили свое влияние и в настоящее время. См. об этом более подробно: Золотухина Н. М. Особенности средневековой политической и правовой мысли в России // Философия права в России: история и современность: материалы философско-правовых чтений памяти В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. М., 2009. С. 93.

¹⁴⁸ Продолжая эту мысль, С. Д. Домников отмечает, что «на Руси город стягивает к себе силы верующих. Монастыри окружают города тесными кольцами. Образ города-монастыря, окружающего пространство власти аурой “умного делания”, – знаковый феномен русской духовной культуры. Образ такого города-монастыря с наибольшей последовательностью отразился на градостроительных практиках Москвы, на каждом из этапов развития которой освоение городского пространства окружалось кольцами монастырей». Домников С. Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 259, 260.

¹⁴⁹ В современной консервативно-правовой мысли предпринимаются фундаментальные попытки комплексного описания осевых (архетипических) элементов отечественной политико-правовой мыследеятельности (как практики развития национально-правового мышления, так и практики публично-властной организации, развития собственно юридической практики и техники). См.: Лаза В. Д. Архетипическое в православии: история и современность. Пятигорск, 2013; Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Манастирный А. В., Тюрин М. Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д, 2009.

Здесь в качестве примера можно привести обсуждение в рамках политических и правовых учений принципа цезарепапизма применительно к общей идее публично-властной организации – симфонии властей. Коннотация и содержательное обоснование этого принципа в отечественных учениях стали определяющими и для последующих представлений об идее, например, верховной власти (в имперской России) или главы государства (в постсоветской России). В этой связи справедливо отмечается, что принцип цезарепапизма в государственно-церковных отношениях деформируется в моменты кризиса власти, ценностно-нормативной разобщенности и упадка веры: «... цезарепапизм в церковно-политической жизни принимает угрожающие размеры лишь во времена безвластия и упадка веры. Когда самодержавная власть императора – главы Церкви – ослаблена, не способна соответствовать тем задачам, которые лежат на ней, общество начинает обнаруживать для себя иные цели... Иными словами, когда государство и Церковь перестают быть единым организмом»¹⁵⁰.

В этом аспекте можно констатировать, что на уровне политико-правового мышления в Средневековье уже возникают предпосылки для формирования особого стиля симфонического осмысления политической и правовой организации, изначально исходящего из сочетания светского и божественного, их гармонизации. В этом ключе также рассуждает известный историк права И. А. Исаев, отмечая, что совмещение античного наследия и положений теологической доктрины сформировало особый стиль дополненности и симфоничности. Так, в отношении гармонизации древнеримского наследия и средневековых теологических идей автор заключает: «Наложение друг на друга римской и христианской идеи дали неожиданный результат. От императора ожидали возрождение римского

¹⁵⁰ Величко А. М. Церковь и император в византийской и русской истории (историко-правовые очерки). СПб., 2006. С. 181.

могущества, от христианства – переноса небесного града на землю. Две авторитетные идеи, дополняя друг друга, породили “симфонию” властей»¹⁵¹.

Средневековая философско-правовая мысль была ориентирована на гармонизацию светского и духовного устройства и унификацию нормативных начал (канонического и римского права). В этом плане построение и развитие политико-правовой организации общества должны нормироваться «перво-нормой», соответствовать изначальному божественному порядку, отражать теологические иерархические формы организации (социально-политической и правовой): «Согласно Павлу, всей историей скрытым образом правила Божья мудрость, явив, наконец, свое откровение во Христе, примирившем мирское и божественное. Все вещи сотворены во Христе; он и есть начало божественной мудрости... Так, христианство пришло к пониманию всего движения человеческой истории, включая все ее разнообразные религиозные и философские борения, как развертывание божественного замысла»¹⁵².

Конечно, следует иметь в виду, что «совоплощение» церкви и государства происходило не ровно и не безболезненно. Кардинальные изменения в государственно-правовой организации приводили и к весьма острым конфликтам, например, внутрицерковной политико-правовой полемике нестяжателей и иосифлян, «политическому диспуту» Ивана Грозного и А.М. Курбского. Возвышение Российского государства, централизация власти, о которой речь шла выше, требовали активного вовлечения духовенства и институтов церкви в процесс государственного строительства. Так, часть духовенства понимала естественную необходимость «сочленения церкви и государства» (сторонники Иосифа Волоцкого) и в большинстве случаев была готова способствовать этому

¹⁵¹ Исаев И. А. «Симфония властей»: взаимодействие власти и авторитета // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы IV межвузовской научной конференции, посвященной 400-летию со дня преставления священномученика Ермогена Патриарха Московского и всея Руси. М., 2012. С. 69.

¹⁵² Тарнас С. История западного мышления. М., 1995. С. 88.

процессу при условии, конечно, сохранения своих позиций и соблюдении собственных интересов¹⁵³.

Другая часть духовенства, напротив, отстаивала раннехристианский идеал свободы духовенства, относительной самостоятельности церковных отношений и духовной независимости от государства (Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, Максим Грек, Зиновий Отенский и пр.)¹⁵⁴.

При этом следует подчеркнуть, что представители первой и второй позиций не видели как полного слияния государства и церкви, так и отстранения духовенства от государственной жизни, а также реализации западной модели папоцезаризма или цезарепапизма. Даже Иосиф Волоцкий был сторонником именно византийской модели симфонии властей, отстаивал независимость церкви, догм христианской церкви от посягательств князей, в «его представление о взаимоотношениях государства и церкви не укладывалось ни в принцип “царство выше священства”, ни в прямопротивоположный тезис “священство выше царства”»¹⁵⁵.

Византийская идея симфонии властей была идеальной, соответствующей конкретно-историческим и мировоззренческим потребностям государственного строительства на Руси. Эта идея основывалась на том, что церковь и государство могут составить один цельный и сложный организм, где государство имело функциональную и материальную сущность (иногда и очевидную инструментальную ценность), то есть призвано было воплощать ценности более высокого нравственного

¹⁵³ См.: Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 104.

¹⁵⁴ Так, сторонники Нила Сорского отстаивали духовную свободу и критиковали любую «включенность» духовенства во всякую властную иерархию как церковного, так и государственного типа, поскольку человек, посвятивший себя Богу, полностью порывает со всякими «мирскими сплетениями», всегда помнит, что «дым есть житие сие, пара, персть и пепел, в мале является и в скорбе погибает». Для Бога нет иерархий и различий между тем «кто есть царь или нищий, славный или не славный», где окажется «вся красота и наслаждение мира сего», «когда явиться знамение Сына человеческого», то «оживут все те, которые творили благо и страшному суду будут преданы злодеи» (Нила Сорского Предания и Устав. М., 1972. С. 47, 62).

¹⁵⁵ История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. М., 2006. С. 147.

порядка, а церковь обладала духовно-нравственной формой. Рассмотрим более подробно процесс институционально-нормативного оформления идеи симфонии властей в московской государственности.

В трудах русских книжников, монахов и клириков, представлявших к тому времени самый образованный слой населения, начинает, с одной стороны, формулироваться и содержательно оформляться доктрина «Москва – Третий Рим», а с другой – обосновываться соответствующая данной доктрине модель государственно-правового устройства, базирующаяся на идее симфонии властей. Как известно, в наиболее полной форме эту доктрину выразил монах Елизаветинского монастыря Филофей в посланиях Ивану III: «Нынешняя церковь третья, Новый Рим... и да будет тебе известно, о милостивый царь, что все империи православной христианской веры слились в твою империю. Ты есть единственный император всех христиан во всей вселенной... Поэтому, что два Рима пали, третий стоит, а четвертому не быть»¹⁵⁶.

Обобщая основные содержательные линии в обосновании и аргументировании данной доктрины в средневековых русских политико-правовых трактатах и учениях, можно выделить следующие основные (стержневые) элементы.

Во-первых, идея симфонии в смысловом и содержательном отношениях гораздо более шире и глубже, чем идея симфонии властей, которая является видовой формой организации публичного пространства жизнедеятельности общества. Идея симфонии как родового понятия выступает одновременно изначальной «точкой гармонизации» всех властно-волевых, духовных и материальных сил, поскольку если в мирском (материальном) мире действуют тенденции множественности, процессы дефрагментации, доминируют различия и разделение, то идея симфонии

¹⁵⁶ Послание Старца Филофея [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elisarovo.ru/ru/lm/IIIrim/messages> (дата обращения: 01.04.2016). Следует отметить, что данную доктрину старец Филофей разрабатывал еще до известного послания. Так, впервые эту идею он озвучил в послании дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину: «Два убо Рима подоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

представляет совершенно иное измерение¹⁵⁷ – «точку схождения» или «способ восхождения» к общему, единому, универсальному.

В этом плане нормативные установления человека и земная организация проистекают из вечного закона (Божественной «первонормы»), где вечный Божественный закон – это «изначальный план» Бога, а человеческое позитивное право (то есть действующее законодательство) создает «исходные планы» земного устройства. Здесь следует отметить, что человеческое право не может считаться зеркальной копией Вечного закона, поскольку писаное человеческое право может быть «испорчено грехом» и устанавливать несправедливость, деформировать Божественный замысел, изначальную первонорму¹⁵⁸.

Следовательно, проблематика симфоничности Божественной первонормы в становлении и эволюции публично-властной организации общества (изначальных светских планов общественно-политической и правовой организации является ведущей в развитии средневековой политико-правовой мысли. Эта общая идейно-концептуальная основа различных политических и правовых учений в Средневековье. В свою очередь, видовым развитием такой общей идейной и нормативной основы выступает принцип симфонии властей. Данный принцип гармонизирует взаимодействие и взаимопомощь светской и духовной власти в реализации изначального Божественного плана, первонормы.

Во-вторых, родовой принцип симфонии не предполагает слияния этих властей друг с другом, их бытие относительно автономно, предполагает четкую функциональную дифференцированность. Однако общей «точкой схождения» для светской и духовной власти является воплощение изначального

¹⁵⁷ Следует согласиться с Б. Латуром в том, что «религию не следует объяснять социальными силами, поскольку по самому своему определению, и более того, по самому своему названию она соединяет сущности, не являющиеся частью социального порядка». Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. С. 19.

¹⁵⁸ См.: Туркулец С. Е. Вера как духовная ценность в религиозном и правовом сознании // Ценностный дискурс в науках и теологии / отв. ред. И. Т. Касавин и др. М., 2009. С. 347.

Божественного плана, что обуславливает не только их системное взаимодействие, взаимопомощь и сотрудничество, но и механизм контроля друг за другом¹⁵⁹.

Так, церковь осуществляет теонормативный контроль за деятельностью светской власти, легитимирует (или делегитимирует) властно-управленческую деятельность, конкретное публично-властное решение или результат. В то же время светская власть участвует в регламентации церковной жизни, утверждает и подкрепляет (или отменяет) те или иные церковные каноны, положения канонического права. И.А. Исаев указывает, что «императоры, начиная с Константина, не только председательствовали на церковных соборах, но и отменяли каноны вселенских соборов, вынося решение от своего собственного имени. Место римского прагматического *jus sacrum* стало занимать каноническое право “*catholica lex*”, ставшее частью имперского права»¹⁶⁰.

Взаимодействие, сотрудничество, «функциональное разделение», взаимное уравнивание и контроль за деятельностью друг друга связываются общей идеей взаимного служения двух верховных властей. На это, в принципе, указывает и сам термин «симфония», или «согласие» (от греч. – *symphonia*, *sym* – вместе, *phonia* – звук, то есть созвучие). Иными словами, каждая власть действует по-своему, имеет свой арсенал форм и способов реализации Божественной первоформы, то есть звучит по-разному в публичной организации, каждая по своей природе, своему назначению и замыслу, но одновременно, вместе осуществляя общий режим служения.

В-третьих, в средневековых учениях и доктринах симфонии властей, с одной стороны, особое место отводится главе светской власти (монарху, императору), а с другой – надлежащему исполнению государственных

¹⁵⁹ В этом аспекте можно утверждать, что идея сдержек и противовесов в функционировании верховных институтов власти идейно оформилась еще в средневековых политико-правовых учениях и практике реализации принципа симфонии властей.

¹⁶⁰ Исаев И. А. Иррациональное в рациональном: приход «современного» права... С. 72.

обязанностей, которое нормируется не только институционально-нормативными требованиями, но и религиозными, в том числе духовно-нравственными стандартами.

Например, эту идею с государственно-правовой точки зрения достаточно полно обосновал дореволюционный юрист Н.Н. Алексеев: «Московская монархия, – писал он, – имела, разумеется, свою неписаную конституцию, однако эта конституция свое торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, изданных учредительным собранием..., а в том чисто нравственном убеждении, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей..., установлен свыше, освящен верой отцов и традициями старины»¹⁶¹.

Другой смысловой интерпретации данной идеи и практики православного властвования придерживается также современный правовед А.М. Величко, подчеркивая, что «именно в этот период, когда монархия стала православной и появилась во всем своем блеске идея самодержца – спасителя от зла, неправды и угнетения от все равно кого: внешних врагов, собственных олигархов или несправедливого закона, еретиков или язычников»¹⁶².

В этом смысле следует выделить одну важную деталь, на которую практически не обращают внимания исследователи государственной идеологии Московского государства, заключающуюся в том, что принцип симфонии распространялся не только на организацию государственно-церковных отношений или шире – публичной власти, но и на функционирование каждого из данных институтов (государства и церкви). Это предполагало, с одной стороны, наличие идеи симфоничного христианского служения Богу через надлежащее исполнение своих государственных и (или) церковных обязанностей, а с другой –

¹⁶¹ Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее основные задачи... С. 529.

¹⁶² Величко А. М. Церковь и император в византийской и русской истории (историко-правовые очерки)... С. 116.

симфоничности светских и религиозно-нравственных «служивых обязанностей» каждой власти в реализации своих публично-властных функций.

Отсюда, как справедливо отмечает Н.Б. Комова, например, религиозно-нравственное и социальное служение светской власти происходило «через надлежащее исполнение своих государственных обязанностей и служение тем самым своим подданным, несение тяготы общественного долга является ключевым, фундаментальным принципом». При этом «ясно, что для православного правового сознания имеет значение даже не сам император, а те мысли и действия, которые он проводит, реализует в государственно-правовом строительстве, духовно-религиозной сфере общественных отношений»¹⁶³. Отсюда все социально и государственно значимые публичные решения и действия главы государства имели религиозно-нравственное измерение, а в большинстве случаев и канонический характер (соответствие религиозным догматам и церковному учению).

Данный принцип симфоничности не только выступил фундаментальным основанием формирования и развития государственной идеологии Московского государства, а также идеократической легитимации публично-властных решений и действий высших органов государственной власти, но и на многие годы стал устойчивым социокультурным вектором развития отечественного правосознания и государственного строительства¹⁶⁴.

¹⁶³ Комова Н. Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях XVIII–XX веков... С. 37.

¹⁶⁴ Этот тезис более подробно будет аргументирован ниже, в соответствующей части диссертационного исследования. Здесь же следует отметить, что духовно-нравственное измерение публично-властной деятельности до сих пор является ведущим в массовом правосознании. См.: Образы российской власти: от Ельцина до Путина / под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2009. 416 с.; Шестопал Е. Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Политические исследования. 2011. № 2. С. 7–24. В свою очередь, идеократический элемент в легитимации государственной власти, социально и юридически значимых результатов ее деятельности выступает основополагающим в отечественном государственном строительстве. См.: Арановский К. В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право // Правоведение. 2003. № 6; Баранов П. П., Горшколепов А. А. Верховная власть как идеолополагающий элемент государственности // Философия права. 2002. № 1.

В-четвертых, соотношение светской и духовной власти в эпоху Средневековья наиболее полно описывается двумя основными принципами: симфонии и служения. Принцип симфонии, как указывалось выше, имеет родовые и видовые характеристики.

Во-первых, здесь речь идет о том, что доминирующей философско-правовой основой различных мыслителей эпохи Средневековья становится идея о единении (или гармоничном соединении) божественного и мирского, последние не противоречат, а дополняют друг друга. При этом власть, государство, церковь выступают органичными элементами, обустроивающими (в духовном и институциональном, или внешнем, аспектах) духовно-практическую жизнедеятельность человека. Здесь доминирующей проблематикой политической организации выступает вопрос оправдания (легитимации) через философско-правовые и религиозные учения публично-властной организации общества.

Во втором случае речь идет о принципе симфонии властей, который предполагает взаимодействие и сотрудничество двух верховных властей (церковной и политической) в реализации изначального божественного плана. В этом аспекте принцип симфонии предполагает два типа служения теонормативным основам общественной организации (светского и духовного режимов), которые не противостоят друг другу, но осуществляют взаимный контроль и гармонизацию интересов.

Так, доктрина «Москва – Третий Рим» подразумевала формирование, с одной стороны, особой модели организации государственно-правового устройства, основанной на идее «симфонии властей», с другой – режима функционирования государственно-церковных отношений, с третьей – общих функциональных требований к деятельности государства и церкви. Именно эти элементы, согласованные между собой, обеспечивали устойчивость Третьего Рима и придавали правильность публично-властной организации соответствующей данной доктрине.

Указанная доктрина обосновывает правопреемство русской государственности от двух разрушенных империй Рима и Византии, что обуславливает ее самобытный и самостоятельный вектор развития (особенно после Флорентийской унии), а также мессианский и имперский характер развития (связанный с сохранением чистоты православной веры и ее распространения). При этом следует подчеркнуть, что общий тон и смысловое изложение доктрины ни коим образом не связаны с «властными амбициями властного слоя» по легитимации своего величия и богоизбранности. Напротив, все учение о Третьем Риме проникнуто «штампом печали» и «одинокости» для сохранения чистоты православной веры и идеократической идеи государственности.

В этом плане необходимо отдельное внимание уделить одному важному обстоятельству, с нашей точки зрения, неверно трактуемому современными исследователями, которое связано с тем, что достаточно часто общность и абстрактность модели симфонии властей рассматриваются в качестве ее недостатка. Действительно, целый ряд историков права и государства, специалистов в области истории политических и правовых учений отмечает, что «сфера полномочий царя и митрополита в России не была четко определена и регламентирована. Теория “симфонии властей” не давала практических рецептов, а лишь рекомендовала и духовной, и светской власти действовать в согласии»¹⁶⁵. В связи с этим многие авторы рассматривают симфонию властей как декларацию, реально не влияющую на государственно-правовое строительство, или в качестве устойчивого мифа русского правосознания.

Византийская политико-правовая и духовно-нравственная идея, по мнению Г. Симона, «не сформировала Московское царство ни в политическом, ни в юридическом, ни в идеологическом отношении. Поэтому и теория

¹⁶⁵ Кондаков Ю. Е. «Русская симфония» – четыре века испытания на прочность (государственная власть и церковные реформы в России XVI–XIX веков). СПб., 2006. С. 9–10.

«Москва – Третий Рим» оказалась всего лишь мифом XIX столетия... а гипотеза о преемстве появилась в имперском русском самопредставлении начиная с XVIII века и была, часто без всяких ограничений и достаточных оснований, перенята многими западными исследователями»¹⁶⁶.

Современный исследователь российской правовой ментальности А.Ю. Мордовцев также полагает, что «правовая система Московского государства (как, впрочем, и само это государство), формирование которой началось примерно после 1300 года, по своим истокам, с позиций ментального измерения была самобытным новообразованием. Ее происхождение не может быть выведено в полной мере ни из византийской, ни из киевской традиции. Не произошло никакой *translatio imperii*, которая наблюдалась, например, в Каролингской империи. Пропасть между двумя юридико-ментальными системами в итоге оказалась (и по форме, и по содержанию) значительна, и нет ничего удивительного в естественном отторжении норм и институтов византийского права как чуждых российскому правовому миру явлений»¹⁶⁷.

При этом вопрос заключается не в рецепции конкретных юридических институтов и преемственности властных практик, а в сохранении и воспроизводстве общих идеократических оснований отечественной государственности. Доктрина Третьего Рима сформировала имперский государственно-правовой архетип как общую форму «заряженности» внешней и внутренней политики государства, который в разные эпохи имел различное содержательное наполнение, однако сохраняя общую стержневую идейно-концептуальную основу. Эта идея «являет собой первое проявление формирующегося у России осознания христианского имперского универсализма. Ко времени Иоанна Грозного идея перенесения церковно-государственных преимуществ павшего Константинополя на Москву как

¹⁶⁶ Симон Г. Мертвый хватает живого // Цивилизации. М., 1997. С. 117.

¹⁶⁷ Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д, 2007. С. 346.

“Третий Рим” уже окончательно созрела в сознании московского общества и правительства»¹⁶⁸. Более того, многие основополагающие государственные образы, символы и терминология, разрабатываемая в средневековых государственно-правовых учениях, пережили века и до сих пор являются важнейшими в ответственном правосознании и государственном мышлении¹⁶⁹.

Оперируя современными юридическими категориями, идею симфонии властей можно представить в качестве доктринально-правового уровня организации Московского государства, задающего идейно-концептуальные и стратегические ориентиры развития системы ключевых субъектов публичной власти – государства и церкви, их взаимодействия. Эти доктринальные основания образуют уровень устойчивости и стабильного развития в контексте постоянно изменяющейся и весьма противоречивой властно-управленческой практики.

Современная литература по истории отечественного государства и права, истории политико-правовой мысли содержит достаточно материала для того, чтобы констатировать следующее: взаимоотношения между

¹⁶⁸ Величко А. М. Церковь и император в византийской и русской истории (историко-правовые очерки)... С. 65.

¹⁶⁹ М. Н. Золотухина отмечает, что период московской государственности является основным для формирования архетипических основ развития отечественной государственно-правовой организации общества, ключевым социально-политическим кодом, влияющим до сих пор на развитие русской политической культуры и национального правосознания. В данный конкретно-исторический период сложились ведущие и устойчивые принципы отечественного политического мышления и правопонимания. При этом исследователь указывает, что в русских средневековых политико-правовых учениях и доктринах были сформулированы понятия и категории, образы и представления, которые «оказались пригодными для выражения правопонимания во все века», многие из них не утратили, а, наоборот, усилили свое влияние и в настоящее время. См.: Золотухина Н. М. Особенности средневековой политической и правовой мысли в России // Философия права в России: история и современность: материалы философско-правовых чтений памяти В. С. Нерсисянца... С. 93.

государством и церковью в разные периоды носили иногда острый¹⁷⁰ и конфликтный характер, изменялись правовые режимы и практики согласования светских и духовных интересов и т. п. Однако эти противоречия не были направлены на разрушение взаимного служения и принципа симфоничности. Напротив, общей моделью всегда выступало стремление к сотрудничеству и взаимодействию, к общей симфоничности. В российской государственно-правовой истории практически не существовало длительных периодов, когда государство и церковь полностью «разрывали свое сотрудничество», не учитывали интересы и позиции друг друга и общества в целом. Даже в период советского государства и права складывалась особая практика взаимодействия государства и церкви, которая носила, безусловно, специфический характер, но тем не менее резкого и длительного разрыва в ней не происходило¹⁷¹. Это свидетельствует об архитипичности самой модели симфоничности как в государственно-церковном взаимодействии, так и в государственно-правовой организации российского общества¹⁷².

В-пятых, именно с позиции идеи симфоничности необходимо подходить к известной дискуссии, развернувшейся на страницах национальной государственно-правовой и религиозной литературы между

¹⁷⁰ См.: Андреев Д. Ф., Бордюгов Г. А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. М.; СПб., 2004; Андреева Л. А. Религия и власть в России: религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001; Перевезенцев С. В. Смысл русской истории. М., 2004.

¹⁷¹ См.: Овчинников А. И., Мамычев А. И., Мамычева Д. И. и др. Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики Российского государства...

¹⁷² Даже в современном постсоветском государственно-правовом устройстве, при существующей либерально-демократической модели светского государства, предполагающей существование радикального разрыва между церковью и государством, ситуация складывается не столь однозначно. Действительно, на уровне публичного дискурса, на конституционно-правовом уровне зафиксировано равенство всех религий, религиозных организаций и групп, их равноудаленность от государства и принципиальное невмешательство церкви в политико-правовой процесс. В то же время на уровне скрытого дискурса возникает обратная ситуация. При этом можно фиксировать увеличивающуюся роль православной церкви в государственно-правовом развитии, в правотворческом, политическом, правоприменительном и прочих процессах. Однако данный аспект будет рассмотрен более подробно в соответствующей части диссертационного исследования.

иосифлянами и заволожанцами. При рассмотрении стяжательно-нестяжательского спора именно в этом аспекте следует отметить, что собственно политического конфликта или сущностных противоречий в обосновании векторов государственного строительства не наблюдалось. Как верно по этому поводу отмечает митрополит Иоанн, это «спор, которого не было»¹⁷³. И нестяжатели, и иосифляне отстаивали симфоничное функционирование государственно-церковных отношений, практику общего служения (хотя и в разных аспектах). Например, Нил Сорский в своей работе «Предание ученикам своим о жительстве скитском» достаточно значительное место отводил вопросам взаимоотношений церкви и государства, пытался не только обосновать их совместное служение во Христе, но и сконструировать практическую модель разграничения сфер деятельности, а также уточнял формы, методы и способы воздействия на общество (светский и церковный режимы властно-управленческой деятельности). Иосиф Волоцкий особое внимание уделял принципу служения государственной власти и прежде всего монарха, «ибо за государственные прегрешения Бог всю землю казнит». Рассуждая о духовно-нравственном ограничении царя или князя, он обосновывал как форму безусловного подчинения (когда носитель власти может подчинить личные страсти общественному благу), так и форму сопротивления (когда власть князя противоречит общественной безопасности). Нил Сорский и Иосиф Волоцкий впервые в политико-правовой мысли рассматривали режим взаимодействия и различия в государственно-церковных отношениях, духовно-нравственные и светские стандарты управленческой деятельности монарха, а также возможности критического отношения как к личности, так и к формам, способам и целям его деятельности.

Поэтому вслед за А.В. Карташевым можно утверждать, что «стяжательно-нестяжательская коллизия только способствовала поиску

¹⁷³ Иоанн, митрополит. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994. С. 128.

национальной государственно-правовой и духовно-религиозной идентичности, положила начало становлению органичных для русского монархизма отношений между светской и духовными властями, что, конечно же, привело к относительной стабилизации развития государственности»¹⁷⁴.

Следует отметить, что, по мнению европейских книжников XVIII–XIX веков, такие правовые документы, как Соборное уложение, по уровню законодательной техники и нормативному содержанию превосходили многие аналогичные западноевропейские акты. В частности, издание Соборного уложения было переведено на латинский, немецкий, датский и французский языки¹⁷⁵.

Подводя итог рассмотрению данного этапа развития идеи симфонии властей, можно констатировать, что в период Московского государства происходило идейно-концептуальное оформление идеи симфонии властей в отечественных политико-правовых учениях и трактатах, а также практики ее реализации в государственно-церковных отношениях (XIV–XVI вв.). Этот этап характеризовался усилением роли государственной власти и объединением всей русской земли. В указанный период в теоретико-концептуальном плане доминировали две идейные платформы. Первая из них была связана с трактатами и учениями нестяжателей, в рамках которой обосновывалась необходимость установления исконной сущности и «в первоизданном виде» византийской модели симфонии властей с ведущим значением священства в государственных делах. В своих богословских трактатах Максим Грек это описывал так: «... да учится преподобие твое, яко святительство и царя может и венчает и утверждает, а не царство святителей,

¹⁷⁴ Карташев А. В. Вселенские Соборы. М., 1994. С. 511.

¹⁷⁵ Так, в 1777 году Вольтер «пишет, что получил немецкий перевод российского Свода Законов и начал переводить его на язык “варваров-французов”. Французскую юриспруденцию Вольтер оценивал как “смешную” и “варварскую”, построенную на декретах папы и церковных нормах. Вольтер и его коллега даже внесли по 50 луидоров в пользу того, кто составит уголовный кодекс, близкий к русским законам и наиболее пригодный для его страны» (Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Российская школа сравнительного права: традиции и инновации // Ученые записки: сборник научных трудов юридического факультета РГУ. Ростов н/Д, 2002. Вып. 4. С. 217).

и сего ради руки их с желанием и благословеинством целуют, аки освященных Богу вышнему, и главу свою приклонь... Убо больши есть священство царства земного»¹⁷⁶.

В рамках второй идейно-теоретической платформы, которую представляли сторонники Иосифа Волоцкого, предлагался «сплав» национально-культурного опыта и византийской модели симфонии властей¹⁷⁷. В данном случае обосновывалась ведущая роль государственной (княжеской) власти, обеспечивающей единство русских земель, централизацию власти, защиту истинной веры и догматов церкви от ереси «жидовствующих». Так, Иосиф Волоцкий являлся ярким сторонником византийской модели симфонии властей, независимости, активной духовной и «политической роли» церкви, чистоты православной веры и христианских догматов, в тоже время обосновывал значимость (политическую, правовую, духовную и иную) княжеской власти и ее ведущий характер в обеспечение последнего: «Сего ради слышите, Цари и Князи, и разумеите, яко от Бога дана бысть держава вам. Вас бо Бог в Себе место избра на земли и на Свой престол вознес посади, милость и живот положи у вас»¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Максим Грек. Сочинения. Казань, 1862. Ч. 3. С. 154.

¹⁷⁷ В этом плане можно утверждать, что в данный период произошла конвергенция византийской идейной основы, национально-властного опыта и конкретно-исторических условий (объединение земель русских, централизация власти, повышение значения княжеской власти в сохранении православной веры в сложных условиях духовно-нравственной изоляции): «... попав на русскую почву, византийская идея образует нечто существенно новое. Это происходит вследствие того, что усваивается лишь внешняя форма, в то время как само содержание наполняется совершенно иным смыслом. Причина подобной рецепции заключалась в том, что в России ориентировались не на реально существующую модель – уже столетия над Святой Софией сиял полумесяц, а на свое представление о Византии. Поскольку внешняя форма византийской модели требовала наличие царя и патриарха, то неудивительно, что в Москве – как новом Константинополе – появляется царь и патриарх» Ефимовских В. Л. Священство и царство: к вопросу о модели государственно-церковных отношений в московский период // Вестник Пермского университета. Пермь, 2013. № 1 (19). С. 39. Однако, например, уже сама практика венчания на царства изначально отличается от византийской. Так, венчание на царство в Московском государстве не требовало наличия патриарха (Иван Грозный в 1547 году, Федор Иванович в 1584 году, Василий Шуйский в 1606 году, Михаил Федорович в 1613 году венчались на царство митрополитами).

¹⁷⁸ Иосиф Волоцкий, преподобный Просветитель. М., 1994. С. 23.

Следует иметь в виду, что преподобный Иосиф Волоцкий был более радикален, более близок к византийской симфонии в своей модели симфонии, чем преподобный Нил Сорский. Последний акцентировал внимание на разделении сфер деятельности государства и церкви, их разграничении. Между тем один из нестяжателей преподобный Максим Грек полагал, что царь представляет собой «образ одушевлен самого царя небесного». В своих писаниях преподобный Максим Грек буквально воспроизводит идеи святого императора Юстиниана: «Священство и царство суть два величайшие блага, данные человеческому роду Высшею Божественною благодатью: первое, воздевая всегда преподобные руки в чистой молитве, умоляет общего Владыку о наших грехах, умилоствует Его и примиряет с нами. Царь же, мудрыми рассуждениями, различными учреждениями и – то властными, то отеческими распоряжениями промышляя о подданных, направляет всегда царскую державу к лучшему. Итак, великое благо составляют оба эти дара, когда они благочестно согласуются между собою и стараются быть благопокорными самому Вышнему, твердо соблюдая Его спасительные заповеди и установления, и, согласно с ними, отечески, а вместе и властно устраивают положение подчиненных себе»¹⁷⁹.

Следующий этап эволюции политико-правовых идей и практики организации государственно-церковных отношений в процессе государственно-правовой трансформации российского общества на основе идеи симфонии властей приходится на период формирования централизованного государства и абсолютной монархии, предваряя синодальный, или имперский, период симфонии властей. Первым русским царем, венчавшимся на царство, был Иван IV Грозный (1547 г.), а помазанным на царство – Федор Иоаннович (1548 г.). Практика помазания на царство привнесла «политико-правовую новацию» в идею симфонии властей и определила новый этап в развитии

¹⁷⁹ Преподобный Максим Грек. Нравственные поучения [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/nravstvennye-pouchenija/8

государственно-церковных отношений. Так, если в христианском мире помазание уподоблялось ветхозаветным царям Израиля, что придавало им статус богоизбранных, то в русской государственно-правовой организации данный обряд означал следующее: Царя «помазал... Бог Духом святым»¹⁸⁰.

Смысловая и духовная сущность института миропомазания заключалась в том, что он «совершается только при крещении, поэтому повторение этого сакрального действия придавало российскому царю качественно новый статус... царь оказывался вне сферы действия общих канонических правил: на него не распространялись те закономерности, которым подчиняются все прочие смертные. С этого момента он как бы принадлежал иной, высшей, сфере бытия. В результате административные функции главы государства, которые в Византии определялись юридическими установлениями, воспринимались в России как проявление особой харизмы – харизмы власти»¹⁸¹. По мнению священника Ильи Соловьева, высказанному в одном из интервью, различие между помазанием на царство в Византии, понимаемому как ограничение прав императора нормой христианского закона, и где император, приняв помазание от Церкви, церковное благословение, обязан был жить по христиански, и помазанием в России заключалось в том, что помазание стало рассматриваться совершенно иначе - как предоставление императору каких-то прав по управлению Церковью.

¹⁸⁰ Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (византийская модель и ее русское осмысление). М., 1998. С. 20.

¹⁸¹ Ефимовских В. Л. Священство и царство: к вопросу о модели государственно-церковных отношений в московский период... С. 42. Следует отметить, что эта модель в синодальный период государственно-церковных отношений трансформируется в специфический принцип организации государственной власти: выделение уровня верховной власти, которая подчинена высшим принципам функционирования и ответственности, и управительных органов власти, которые реализовывали административно-распорядительные, судебные и законодательные функции. См. об этом более подробно: Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007; Тихомиров Л. А. Верховная власть и Основные законы 1906 года. М., 1909.

В этот период в политических и правовых учениях происходило обоснование «центральности» фигуры царя как абсолютного монарха¹⁸². В политико-правовой идеологии этого этапа обосновывалось не подчинение церкви «государственным делам», а гармоничное (читай симфоническое) взаимодействие духовной и светской власти в разрешении внутривластных и международных проблем и противоречий. В целом же происходил отход от византийского идеала симфонии властей в пользу национально-культурной модели абсолютной монархии. Так, Ю. Крижанич весьма резко критикует всякое преклонение перед чужеродными идеалами и моделями публично-властной организации, называет их «чужебесием», связанной с «бешеной любовью к чужим вещам и народам и чрезмерным доверием к чужеземцам»¹⁸³.

Необходимо особо отметить влияние идей Ивана IV Грозного на своеобразное понимание симфонии властей. Иван Васильевич Грозный был одним из идейных представителей теории симфонии властей, предлагая ее понимание в совершенно своеобразном варианте. Его учение о симфонии властей связано с размышлениями о российской государственности, о необходимости сохранения ее суверенитета, полноты народной веры. Первый патриарх Иов говорил об Иване Грозном как о благочестивом царе и великом князе, отличающемся разумом и мудростью, богатырскими победами. Своей премудростью он смог достичь величия державы. Надо сказать, что на взгляды Ивана Васильевича Грозного огромное влияние оказало учение святого Иосифа Волоцкого, который написал произведение «Просветитель, или обличение ереси жидовствующих», пользовавшееся большой популярностью в XVI веке. Иосифу Волоцкому, как указывалось

¹⁸² Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (византийская модель и ее русское осмысление). М., 1998. С. 132.

¹⁸³ «Римское царство давно сгинуло, а если что и осталось от него донныне, то лишь глина или слабость, или позор... Ничто не может быть более губительным для страны и народа, нежели пренебрежение своими благами порядками, обычаями, законами, языком и присвоением чужих порядков и чужого языка и желания стать другим народом». Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 497, 633–635.

выше, принадлежала идея, согласно которой московский государь представляет собой избранника, обладающего полномочиями, обязанностями и правами, исходящими из его сакрального статуса. Мыслитель полагал, что государь обязан служить эталоном благочестия, так как именно ему Господь вверил управление державой и вместо себя посадил на престол земной. Именно с царя будет особый спрос на Страшном суде. Царь получает особый скипетр земного царствия, а Господь дарует ему духовные силы, необходимые для хранения правды. При этом царская правда не подлежит суду, даже церковному¹⁸⁴.

Иван Грозный считал, что царская власть необходима для наказания злых людей, и кроткий царь будет не способен управлять государством. Кротость, безусловно, является христианской добродетелью, но, по мнению Ивана Васильевича, государь помимо крутости должен обладать еще и решимостью. Власть государя должна быть единой и неограниченной. Она не может быть ограничена никакими земными средствами, а только нравственными обязанностями. Так как Иван Грозный боялся возмездия от Бога, он считал, что ответственность царя перед Богом является и нравственной, и правовой. «Верую, – говорил Иван Грозный, – яко о всех своих согрешениях, вольных и невольных, суд приятими яко рабу, и не токмо о своих, но и о подвластных мне дать ответ, аще моим несмотрением согрешают»¹⁸⁵. Но перед своими подданными царь не обязан отчитываться и давать ответ.

Оппонент Ивана Грозного Андрей Курбский, который тоже принадлежал к знатному княжескому роду Рюриковичей, полагал правильной другую модель государственно-конфессиональных отношений. В известной переписке с Иваном Грозным он демонстрировал глубокую религиозность, образованность, энциклопедичность знаний, жажду справедливости. Политику опричнины,

¹⁸⁴ «Доселе русские владетели не допрашиваемы были (“не исповедуемы”) ни от кого, но вольны были своих подвластных жаловать и казнить, а не судились с ними ни перед кем» (Иван Грозный. Государь / сост. В. Г. Манягина. М., 2010. С. 38).

¹⁸⁵ Иван Грозный. Государь... С. 39.

преступления чиновников и ошибки в государственном правлении Андрей Курбский понимал с позиции отступления от православной веры, обвиняя Ивана Грозного в забвении заповедей Божьих, так как, по его убеждению, поправший заповеди Христа и отвернувшийся от евангельского закона государь стал общаться с дьяволом. Это означает, что в государственной власти, государственной деятельности он видел необходимость осуществления и исполнения Христовых заповедей. Это объединяло Андрея Курбского с Иваном Грозным, здесь был заложен их общий фундамент. Верховную власть государя Андрей Курбский понимал с позиции Божественного дара. Россию он воспринимал как Святую землю. Царя и его суд Андрей Курбский воспринимал как эталон праведного правосудия. В вину Ивану Грозному он вменял то, что государь забыл об обязанностях праведного суда и защиты своих подданных. Это произошло, с точки зрения Курбского, потому что Иван Грозный слишком много слушал лукавых советов. Мыслитель считал, что царская власть должна осуществляться при содействии советников, однако не каждый советник достоин того, чтобы его совета слушать. Примером государя, имеющего советников, Андрей Курбский считал царя Соломона.

В своих взглядах и идеях о взаимоотношениях светской и духовной власти Андрей Курбский был сторонником позиции нестяжателей, так как им принадлежало учение о первенстве духовного над мирским, значимости свободной церкви. Иван Грозный придерживался позиции иосифлян. По мнению Курбского, церковные служители вместо защиты вдовствующих и сиротствующих, бедных и осужденных занимаются благоукрашением не только храмов и монастырей, но и своих имений. По всей видимости, Андрей Курбский полагал, что церковь должна была заступиться за жертв Ивана Грозного. Однако вместо этого она была подавлена.

Еще одним мыслителем XVI века был Иван Семенович Пересветов. Основными понятиями для него выступали правда и вера. При этом понятие правды включало в себя моральные нравственные ценности, являлось

близким по смыслу понятиям справедливости, правосудия и истины. Поэтому невозможно было вести речь о правде, не говоря о вере. Под верой Иван Пересветов прежде всего подразумевал православную веру. Для жизни любого государства он считал необходимым соблюдать правду и веру. Забвение правды, по мнению Пересветова, влечет за собой гибель государства.

Следует отметить, что государство правды представляло собой самобытный образ идеи христианской общины на Руси. Об этом, например, говорил писатель и государственный деятель Федор Карпов. Именно потеря правды, с точки зрения Ивана Пересветова, обрекла на гибель Византийскую империю в 1453 году. Главная причина этого, как полагал мыслитель, заключалась в забвении правды и праведного суда со стороны чиновников императора и самого императора. Конечно, в крушении Византийской империи Иван Пересветов усматривал наказание Божье. В «Сказании о Магомет салтане» автор раскрывал тему суда Божьего, признавая одной из важнейших проблем отступление от истинной веры. В этом произведении Иван Пересветов выразил свое отношение к вере Христовой и указал, что будущее российской государственности он видит на основе православной христианской веры. По его мнению, греки забыли веру православную и прогневали Бога. В «Сказании о Магомет салтане» он пишет о том, что после взятия Махметом Византии не остается никакого царства на земле, за которым соблюдается истинная вера. Таким царством является только Русь. Это свидетельствует о близости его воззрений идеям старца Филофея о Русском царстве как удерживающем прихода в мир антихриста.

Учение И.С. Пересветова о государстве и праве России полностью основано на русской православной мировоззренческой парадигме. В целом следует отметить, что в указанный период становления Московского централизованного государства на Руси в отечественной государственно-правовой мысли доминировала идея царской монархической власти как определенной формы государственного устройства, установленной Богом.

Поэтому данное право и обязанности русских царей и их подданных рассматривались сквозь призму церковного учения.

Таким образом, можно резюмировать, что византийская симфония властей выступила для отечественного правосознания не привнесённым, чужеродным элементом, а идейно-организующей основой для развития государственной идеологии в средневековой Руси.

§ 3. Идея симфонии властей в период Российской империи

Следующим этапом в развитии государственно-церковных отношений стал синодальный период, в рамках которого нашли свое отражение как политические и правовые учения, так и практика государственного строительства, установление неограниченной верховной власти монарха, регламентирующей все стороны духовной и светской жизни подданных. Например, Феофан Прокопович обосновывал модель абсолютно неограниченной монархической власти, не сдерживаемой ни юридическими, ни духовно-нравственными основами. Монарх волен был давать своему народу не только законы, но и «обряды гражданские, церковные, перемены обычаев». При этом различные чины, церемонии и прочее также устанавливались верховным правителем: повиноваться самодержавному и неограниченному монарху повелевает сам Бог на совесть, а не за страх¹⁸⁶.

Важно подчеркнуть, что в этой формуле соединяется два идейно-концептуальных момента. Первый из них связан с самодержавностью, что обусловлено православным пониманием власти и симфонической моделью ее организации (следует напомнить, что самодержавно власть монарха осуществлялась и ограничивалась духовно-нравственными стандартами и церковными догмами): «смысл его обуславливался сутью православного мировосприятия и базировался на убеждении, что монарх – Помазанник

¹⁸⁶ Прокопович Ф. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 35.

Божий, что он получил власть от Всевышнего, правит Его милостью, а “сердце царев в руке Божией”»¹⁸⁷.

Второй момент сопряжен с понятием неограниченности монархической власти, которое появилось и концептуально оформилось только в петровские времена, сформировав не только основы для абсолютной монархии, но и новый социальный порядок («власть царя – над всеми и для всех... различие между двумя определениями царской власти (самодержавной и неограниченной) – различие между сакральным и земным»¹⁸⁸).

В ходе петровских реформ согласно духовному регламенту 1721 года высший орган церковной власти Синод определялся как административный и судебный государственно-церковный орган, то есть как часть единого механизма государства: «соборное, обладающее в русской православной церкви всеми видами высшей власти и состоящее в сношениях с заграничными православными церквами правительство, чрез которое действует в церковном управлении верховная самодержавная власть, его учредившая»¹⁸⁹.

Именно поэтому многие историки права обосновывают позицию о том, что эпоха петровских времен разрушала или значительно искажала православную традицию симфонии властей, нарушала гармоничную закономерность национально-культурного, ценностно-нормативного и государственно-правового развития¹⁹⁰. Например, известный исследователь государственно-церковных отношений протоиерей Александр Шмеман отмечает, что «спор о значении, об оценке Петровской реформы есть, можно сказать, основной русский спор... Вряд ли кто будет спорить с тем, что реформа Петра была, прежде всего, резким перерывом “теократической”

¹⁸⁷ Боханов А. Самодержавие – русская форма монархического авторитаризма // Русская народная линия [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/03/01/samoderzhavie_-_russkaya_forma_monarhicheskogo_avtoritarizma (дата обращения: 09.01.2018).

¹⁸⁸ Боханов А. Самодержавие – русская форма монархического авторитаризма...

¹⁸⁹ Св. Зак. Основн. Т. 1. Ч. 1. Ст. 43.

¹⁹⁰ См.: Солоневич И. Народная монархия. М., 2003.

традиции, сознательным и всесторонним переходом на западную установку сознания. Это было воцарение в России западного абсолютизма... Через учреждение Синода Церковь становится одним из государственных департаментов... Психология эта лучше всего выражена в “Духовном Регламенте” знаменитого Феофана Прокоповича; он переносил в Россию все основные принципы протестантизма, его понимание взаимоотношения Церкви и Государства, в котором Церковь, видимая или земная, в ту эпоху мыслится именно религиозной “проекцией” самого государства. Этой коренной, основоположной лжи Петровской реформы русская власть не осознала и не отвергла фактически до самой Революции 1917 года. В ней основная двусмысленность отношений между Церковью и Государством, отравившая одинаково и государственное, и церковное сознание. Ибо надо подчеркнуть, что Русская Церковь, по существу, по совести, не приняла Петровской реформы. Для нее Император остался Помазанником Божиим, а само это помазание она продолжала воспринимать в категориях византийской и московской теократии. Царскую власть государство и Церковь воспринимали поэтому по-разному, исходили по отношению к ней из почти противоположных предпосылок. Византийским помазанием на Царство, то есть посвящением земного царя в служение Царя Христианского (а с этой точки зрения византийское миропомазание теоретически есть ограничение, а не абсолютизация царской власти), Русская Церковь помазывала теперь западный абсолютизм! ... И вот эта разница между отношением Государства к Церкви (“ведомство православного исповедания”) и отношением Церкви к Государству (“Помазанник Божий”) составляет главную ложь синодального периода»¹⁹¹.

Отечественная политическая и правовая мысль в данный период во многом также развивалась преимущественно под воздействием

¹⁹¹ Шмеман А., протоиерей. Исторический путь Православия. Нью-Йорк, 1954 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/istoriya_drevney_cerkvi/istoricheskiy_put_pravosl (дата обращения: 10.01.2018).

западноевропейского влияния: «уже давно известно, что не только западничество, но и славянофильство в России есть плод немецкого идеализма – Гегеля и Шеллинга; но и здесь превращает ее в нечто большее, чем только подражательная философия, то, что идет уже из глубин православной памяти и западные схемы наполняет внезапно новым содержанием, новой силой», – отмечает протоиерей Александр Шмеман¹⁹².

Самая известная идейно-доктринальная попытка вернуться к собственному, национально-культурному и духовному пути развития получила концептуальное оформление в известной дискуссии между западниками и славянофилами. При этом и в самой политике государственной власти уже с петровских реформ данная попытка постоянно обнаруживает себя в стремительно сменяющих друг друга политических повестках государственно-правового развития России, чередой политико-правовых реформ и контрреформ.

Более того, при всех различиях славянофильства и западничества к концу XIX века их объединяют общие доктринальные позиции о том, что Российское государство является специфическим и имеет собственный путь духовно-нравственной эволюции, основывающийся на той важности, которая обусловлена ролью государственно-церковных отношений в трансформации государственно-правовой организации общества. «Если есть у нас что-либо особенное и по истине святое в преданиях народной мысли, то это именно смирение, жажда духовного равенства: идея соборности сознания... особое взаимодействие духовной и светской властей»¹⁹³.

Схожие оценки содержатся и в официальной позиции Русской православной церкви. Так, в Основах социальной концепции РПЦ отмечается, что результатом синодальной эпохи стало «несомненное искажение симфонической нормы в течение двух столетий церковной истории связано с ясно прослеживаемым влиянием протестантской доктрины

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 286.

территориализма и государственной церковности на российское правосознание и политическую жизнь»¹⁹⁴.

При этом следует более подробно остановиться на рассмотрении некоторых течений политико-правовой мысли, имевших место в данный период. Прежде всего, необходимо обратить внимание на учения и события, предшествовавшие синодальному этапу. Речь идет о политико-правовых взглядах патриарха Никона. Важнейшей целью государства в период XVI–XVII веков в богословской литературе признавалось сохранение православной веры, спасение подданных. В симфонической модели отношений власти и государства последнее служит церкви, проводит в жизнь ее решения¹⁹⁵. При этом государство, а точнее царь, считало возможным для себя оказывать влияние на церковную жизнь: участвовать в избрании патриарха, которое происходило согласно воле царя; осуществлять закрепление в царских указах различных канонических норм и принципов, например, регулирующих правила соблюдения религиозных православных постов. По мнению некоторых исследователей, в этот период невозможно было определить границы государства и границы церкви: они представляли собой единое целое. Государство исполняло заповеди, каноны церкви, следуя им во внутренней и внешней политике, государь играл огромную роль в избрании патриарха, принимал деятельное участие в жизни церкви. Учение патриарха Никона о симфонии властей было несколько иным по отношению к сложившейся богословской традиции. Патриарх Никон полагал что, церковь является гораздо более значимой, более важной, чем государство. Именно задачей церкви он видел гармонизацию общественных отношений в различных сферах. Поэтому патриарх Никон пытался воссоздать византийский смысл симфонии властей, не опираясь на цезарепапизм или

¹⁹⁴ Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс]. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/iii/> (дата обращения: 12.10.2017).

¹⁹⁵ Патриарх Никон. Труды / науч. исследование, подготовка документов к изданию, сост. и общ. ред. В. В. Шмидта. М., 2004.

папоцезаризм. Его восприятие симфонии властей очень напоминает современное понимание данной концепции, согласно которому невозможно слияние и разделение духовной и светской власти, но должно осуществляться соработничество. Церковная иерархия для патриарха Никона представляла собой в некотором смысле отражение иерархии Божественной власти. В его иерархическом строении и мировоззрении царь по отношению к церкви был как сын по отношению к матери: «радение большее царское есть радение церковное, потому что никогда не укрепляются дела царския, покамест не укрепятся дела Матери Его Церкви Божии... Мати бо твоя есть, наияснейший царю, Церковь Божия; и как должен ты еси почитати мать свою, которая тебе родила, так должен еси много паче возлюбить и почитать духовную свою Матерь, которая тебе отродила во святой купели святаго крещения и которая тебе помазала на царство маслом и харизмою радости»¹⁹⁶.

Царь не должен, по мнению патриарха Никона, вмешиваться в дела церкви. Право судить патриарха не дано никому. Священство выше царства, так как происходит непосредственно от Бога, и иерарх ставится на свое служение благодатью Святого Духа, а царь же – посредством елеосвящения через священника. Поэтому царь не может вмешиваться в церковные дела. Патриарх имеет право бороться против несправедной царской власти, в том числе и против самого царя. Царь должен видеть в этом проявление обязанности патриарха¹⁹⁷. Отсюда не случайно патриарх Никон после оставления своего престола пишет о том, что теория «Москва – Третий Рим» не имеет под собой никаких оснований. Он был против такой сакрализации царской власти.

¹⁹⁶ Патриарх Никон. Возражение, или разорение смиреннаго Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисеовы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ferapontovo.ru/index.php3?id=1098>

¹⁹⁷ По этому поводу В.А. Томсинов отмечает, что «Никон исходил прежде всего из того, что “священство” и “царство” представляют собой две самостоятельные власти в обществе, каждая из которых выполняет свою функцию» (Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М., 2003. С. 149).

Его оппонент протопоп Аввакум являлся сторонником Третьего Рима и понимал русское царство в соответствии с учением Филофея. Естественно, он был против того, чтобы реформы осуществлялись по греческим канонам, когда Рим Второй пал в силу грехов эллинов. После того как царская власть предала Россию и русское национальное православие, Аввакум стал сторонником разделенности церковной и царской власти. Он сравнивал царя Алексея Михайловича с царями, уклонившимися от идеала царя Давида в библейские времена и обвинял царя в нехватке разума и благочестия. Аввакум обличал царя, захотевшего, по его мнению, стать Богом, за самообожествление и абсолютизацию власти. Он называл царя «безумным царишкой, хвляющимся перед народом топором да виселицей»¹⁹⁸.

Церковный раскол получил негативный отзыв и у славянофилов, увидевших в нем проявление будущего абсолютизма власти. Поиск русского пути построения справедливого государства на основе духовно-нравственных и национальных государственных ценностей попытались осуществить, как известно, славянофилы и почвенники. Думается, что суть русской идеи, которую они столь упорно искали, можно выразить так: Россия – наследница святой Руси. Отсюда идея симфонии властей приобретает особое звучание как русская национальная идея, противостоящая западной идее. Западная идея основана на секуляризации властей, русская – на симфонии властей. Как полагали славянофилы, западное сообщество народов встало на путь материализма и рационализма, а Россия сохраняет свою религиозность. Здесь нельзя не услышать миссионерские отзвуки концепции «Москва – Третий Рим», которая была результатом русской идеи симфонии власти. Именно религиозность русского народа представлялась славянофилам достоинством, отличающим его от народов Европы. Чиновничий аппарат после Смуты и укрепления царской власти оторвался от народа. Поэтому важной проблемой для славянофилов являлось то, что бюрократия была отделена от народа и его веры. Константин Аксаков

¹⁹⁸ Житие протопopa Аввакума, им самим написанное. М., 1960. С. 366.

полагал, что царь-самодержец восходил на престол с целью подвига власти, несения бремени власти¹⁹⁹. Иван Аксаков считал, что договорные, рациональные модели построения верховной власти в России невозможны, так как для нее свойственны религиозно-нравственные границы, страх Божий. В этом также проявляется русская идея²⁰⁰. Самодержавие не имеет ничего общего с абсолютизмом. Таким образом, симфония властей представляет собой идейную основу теории самодержавия в силу религиозности последний. Идея симфонии властей в государственно-правовых учениях славянофилов проявлялась и в том, что идеалом русского народа был идеал социального христианства, или Царство Божие. И власть, и права, и обязанности вытекают из искания этой правды. В то же время общим началом в учениях славянофилов служило отрицание права государства на вмешательство в духовную жизнь народа, что делает их концепцию близкой не византийской, а современной, равновесной модели симфонии властей.

Как указывал Д.А. Хомяков в своем известном трактате «Православие. Самодержавие. Народность», церковь основана на вере в Бога и законе любви, а государство является устройством общества на принципах земного порядка²⁰¹. «Государство, будучи нечто отличное от Церкви и представляя собой низшее начало, не может быть во всем осуществлением христианства»²⁰². Государство не должно вторгаться в вопросы вероучительные, его задача – политическая, экономическая, правовая защита личности и народа. Императорство не имеет ничего общего с самодержавием, являясь его антиподом. Самодержавие было разрушено Петром I и заменено на абсолютизмом.

¹⁹⁹ См.: Аксаков К. Записки о внутреннем состоянии России // Теория государства у славянофилов. СПб., 1898. С. 24–27.

²⁰⁰ См.: Аксаков И. Сочинения. М., 1886–1887. Т. 5. С. 156.

²⁰¹ Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. М., 2005. С. 174.

²⁰² Там же. С. 175.

Несмотря на то, что славянофилы определили траекторию особого русского пути через мессионизм западным народам, потерявшим истинную веру, многие из них считали необходимым четко разграничить церковь и государство, духовную и светскую власть. Теократическая модель ими отвергалась. Иначе считали только И. Киреевский и А. Хомяков, утверждавшие, что государство должно быть наполнено христианскими ценностями и принципами.

Негативную оценку петровским реформам давали также почвенники К. Леонтьев, Ф. Достоевский, Н. Страхов и другие. Они полагали, что именно Петр I осуществил расслоение общества, усилил разрыв между властью и народом. Так, для К. Леонтьева очевидным признаком самобытности российской государственности был опыт Византии, определивший особенности русской правовой культуры и государственного быта. Церковь и царь, прямо или косвенно, проникли в глубинные недра социального организма Руси. Русь обязана византизму своим установлением, величием, своими патриархальными принципами быта. Византизм организовал полудикуую языческую Русь, помог ей преодолеть татаро-монгольское завоевание. Именно сильная монархическая государственность, консолидирующая власть и православие, то есть симфония властей поможет выстоять России, несмотря на пагубное влияние Запада²⁰³.

Похожие идеи высказывал и Л.А. Тихомиров. Этот видный теоретик монархической государственности прошел сложный путь политического и правового развития. В молодости он был сторонником социалистической революции, а в зрелые годы стал консерватором. Единоличная монархическая власть, по мнению исследователя, не дает гарантий истинной монархической справедливости. Л.А. Тихомиров отмечал, что монархическая власть должна быть обоснована идейно-православной христианской верой: «Значение Русского Царя усиливается его положением в мировых задачах христианства.

²⁰³ См.: Леонтьев К. Собрание сочинений. М., 1912. Т. 7. С. 323; Т. 8. С. 190–191; Т. 5. С. 452–454.

... Он не только Государь своей страны и Вождь своего народа – он Богом поставленный блюститель и охранитель Православной Церкви... он преемник кесарей восточного Рима, устроителей Церкви и ее соборов»²⁰⁴.

Без религиозной идеи монархическая власть становится диктатурой. Это и есть антихристово царство. В обществе должны быть такие начала веры, которые охватывают все стороны жизни, позволяющие идти в сторону определенного религиозного идеала. Утрата православного идеала и разрушение органической целостности приводят к гибели государства. По своей природе, как полагал мыслитель, русский народ является монархическим народом. В противном случае он становится народом-анархистом. Рациональная демократия, по мнению Л.А. Тихомирова, в России никогда не приживется. В реформах синодального периода он видел бюрократизацию церковного управления, пагубно отражающуюся на церкви.

Другой, более поздний, теоретик монархизма И.Л. Солоневич также полагал, что русское самодержавие было основано на диктатуре совести, а не на диктатуре аристократии, капитала или бюрократии. Именно русское самодержавие соответствовало народным надеждам. Оно опиралось на народное самоуправление.

В этом смысле следует обратиться к тексту Основных законов Российской империи, которые содержали конкретные формы юридизации симфонии властей: «64. Император, яко Христианский Государь, есть Верховный Защитник и Хранитель догматов господствующей Веры и Блюститель правоверия и всякого в Церкви Святой благочиния. 65. В Управлении Церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного»²⁰⁵. Так, в акте о наследии престола от 5 апреля 1797 года император именовался главой церкви. Далее раскрывалось более конкретно, что означает быть главой

²⁰⁴ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. 4. С. 129–130.

²⁰⁵ Основные Государственные Законы Российской Империи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imperialhouse.ru/rus/history/foundations/dinzak1/158.html>

церкви. Из этого следовало, что догматы и правоверие определялись не императором, а церковный властью – соборами. Вопросы эти не могут подлежать компетенции законодательных установлений. Так, известный исследователь российского государства и прав П.П. Казанский (1866–1947) отмечал, что государь император не являлся главой церкви в том смысле, в каком английские короли были главой англиканской церкви или короли протестантских государств, где они становились главами местных церквей. Он указывал, что развитие православной веры не входило в компетенцию государя императора, на нем лежала лишь забота о церковном правоверии и благочинии²⁰⁶. К.П. Победоносцев высказывал близкую к этой мысль: «Самодержавие священо по своему внутреннему значению, будучи великим служением перед Господом. Государь – великий подвижник, несущий бремя власти, забот о своем народе во исполнении заповеди: “друг друга тяготы носите”. Самодержавие не есть самоцель, оно только орудие высших идеалов. Русское самодержавие существует для Русского государства, а не наоборот»²⁰⁷.

При этом нельзя не упомянуть о графе С.С. Уварове (1786–1855), известном государственном деятеле, публицисте, писателе, ученом, президенте Императорской академии наук. Мыслитель разработал системную программу народного образования, основные положения которой строились на его убеждении: «Православие, Самодержавие и Народность составляют последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего общества»²⁰⁸. По мнению великого просветителя, именно эти базовые ценности – православие, самодержавие и народность – должны быть положены в основу просвещения России. Такая краткая и простая формула, согласно его представлениям, могла бы считаться национальной идеей, объединяющей все слои, включая образованное сословие интеллигенции. Православной вере С.С. Уваров отводил первое место, стержневое значение,

²⁰⁶ См.: Казанский П. Е. Власть Всероссийского императора. М., 2007. С. 140.

²⁰⁷ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 2013. 756 с.

²⁰⁸ Цит. по: Славянофилы. Историческая энциклопедия. М., 2009. С. 547.

так как именно вокруг нее, по мнению ученого, должен строиться самодержавный уклад.

Как указывалось выше, в Византии идея симфонии властей нашла свое отражение и в развитии правовой системы. Законодательство государства защищало христианские ценности, такие как сострадание, милосердие, семья, соборность и другие. Аналогичным образом складывалась ситуация и в России. Слияние, или симфония, права и нравственности с религиозными ценностями достаточно четко проявило себя в законодательстве Российской империи, на что обращают внимание многие исследователи. Консерваторы XIX века с особенной остротой воспринимали попытки разделения права и нравственности, которые предпринимали последователи западной философии права. Вся русская философия права, как известно, основана на синтезе права и нравственности, права и духовности. В отечественном правосознании право, справедливость, правда, истина всегда рассматривались в качестве синонимов. Видный представитель славянофил А.С. Хомяков, отец Д.А. Хомякова, полагал, что право как наука может считаться разумным только в смысле науки о самопризнанных пределах человеческой силы, то есть о нравственных обязанностях²⁰⁹. Ученый исходил из того, что свобода реализуется только во внутренней, духовной, нравственной жизни человека. Соборность возможна лишь там, где существует единство и гармония свободных и верующих личностей. Соборность возможна только на почве согласия человека и окружающих его людей человека и общества на основе закона любви во Христе. Идея права предполагает построение общества на основе закона любви, а не личного интереса²¹⁰.

²⁰⁹ Хомяков А. Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 1. С. 164.

²¹⁰ Так, наследник славянофилов Д.А. Хомяков в своей знаменитой работе «Православие, самодержавие, народность» писал о том, что как в самой церкви права различных степеней ее членов истекают исключительно из «несомых» ими обязанностей, так и в мире для православного человека права требуются исключительно для исполнения своих обязанностей перед другими. Права воспринимаются как средства исполнения обязанностей (Он же. Православие, самодержавие, народность. М., 2005. С. 87).

В заключение можно сформулировать следующий вывод. Идея симфонии властей позволила объединить вокруг князя Владимира разрозненные языческие племена восточных славян, «разбросанных» по огромной территории Европейской России. Данный этап следует считать миссионерским по причине новообращенности князя, его дружины и той инертности, которую идея симфонии властей имела вплоть до XIV века. Второй этап следует именовать царской идеей симфонии властей на Руси, так как именно в период Московского государства воспроизводился византийский опыт с небольшими русскими национальными особенностями. Наконец, третий этап следует назвать синодально-абсолютистским, или цезарепапистским, на котором вмешательство императора в духовную сферу становилось все более очевидным и порой разрушительным.

ГЛАВА 3. ИДЕЯ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

§ 1. Политико-правовой идеал симфонии властей в доктрине и практике постсоветского государственно-правового развития

После крушения Российской империи идея симфонии властей прекращает свое прямое влияние на государственно-правовую мысль, однако ее архетип продолжает воздействовать на нее. Симфония духовной и светской власти замещается симфоническим единством идеологии, механизма государства, общественных институтов и структур. Например, Н.А. Бердяев обосновывает прямые сопоставления между идеями симфоничности, духовности и светскости, истиной и законом (в духе киевского митрополита Илариона) с коммунистической этикой, Кодексом строителя коммунизма, христианской ценностно-нормативной системой²¹¹.

Многие исследователи констатируют, что предшествующий этап нивелировал идею симфонии властей до идеи и практики полного слияния, а советский этап привел к радикальному разграничению церкви и государства. В свою очередь, постсоветский этап государственно-правового развития может способствовать восстановлению идеала симфонии властей. При этом следует подчеркнуть, что «подавляющее большинство замечает в ней (идее симфонии властей. – *Н.Г.*) только один аспект – объединение усилий двух властей. Другой, столь же важный, аспект – разграничение усилий – упускается из вида. Но ведь если двое поют в унисон, получится не дуэт, а простое усиление громкости; чтобы созвучие было гармоничным, надо петь

²¹¹ См.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

“на два голоса”. Концепция “симфонии” включает в себя сразу две установки: на соединение и на разделение, и сегодня это мало кто понимает», – как совершенно справедливо отмечает В. Тростников²¹².

Постсоветский, или современный, этап государственно-правового развития российского общества отличается собственной, равновесной моделью симфонии властей. Само название этапа – «пост»-«советский» (то есть следующий после советского государства и права) свидетельствует о том, что до сих пор не определены доктринально-правовые и духовно-нравственные векторы развития. Иными словами, современное российское общество переживает период «после», не зная, куда двигаться далее, какие ценностно-нормативные и духовные векторы развития «кодируют» (или выступают метаюридическим основанием) правового, политического и социально-экономического развития.

В связи с этим Патриарх Московский и всея Руси Кирилл неоднократно отмечал, что действия современных органов публичной власти (федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления) показали полную «глухоту власть имущих к требованиям народа, нежелание искать совместных решений проблем чрезмерной миграции и связанного с ней криминала, а также подчас вызывающего поведения приезжих». Все это «уже сейчас выводит ситуацию на грань критической черты», необходимо соединение и совместное решение острых проблем, стоящих перед страной-цивилизацией – Россией»²¹³.

В целом следует признать, что проблематика эффективной модели взаимодействия государства и церкви, шире – государственно-правовой организации и традиционных духовно-нравственных систем, доминирующих в обществе, имеет не только и даже не столько историко-правовой аспект, сколько практический характер. Дело в том, что большинство

²¹² Тростников В. О симфонии властей [Электронный ресурс]. URL: <https://public.wikireading.ru/153863> (дата обращения: 27.12.2017).

²¹³ Патриарх Кирилл: о «симфонии этносов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.obozrevatel.ru/temy-dnya/temy-dnya_30070.html (дата обращения: 12.12.2017).

исследователей и практиков (осуществляющих профессиональную деятельность в системе государственного управления) полагают, что обеспечение религиозной безопасности общества, стабильности воспроизводства социальной, правовой, политической целостности во многом обусловлено гармоничным взаимодействием духовной и светской власти²¹⁴. При этом подчеркивается, что государство и юридические институты бессильны в организации религиозного образования, поддержании и воспроизводстве миролюбивых религиозных традиций, позитивных для развития общества духовных обычаев и проч.²¹⁵

Как справедливо отмечает Е.А. Лукашева, «в современных условиях велика роль церкви в консолидации общества – многонационального и многоконфессионального... В условиях всплеска национализма, проявляющегося в избиениях или убийствах лиц “неславянской внешности”, церковь могла бы содействовать умалению, искоренению этого страшного явления». Более того, современный правовед указывает, что взаимодействие церкви и государства, духовной и светской власти позволит обеспечить необходимые условия для нравственного и социального совершенства государственно-правовой организации, видеть «в тех, кто осуществляет государственную власть, людей нравственных, одаренных, честных, поскольку от этого в значительной мере зависит обеспечение “общего блага”, свободы и прав человека... В политическом мышлении неизбежно возникал и в современных условиях возникает вопрос не только о “добродетелях”

²¹⁴ См.: Баранов П. П. Совершенствование конституционно-правовых основ функционирования Русской православной церкви и гражданского общества // *Философия права*. 2012. № 4 (53). С. 51–57; Овчинников А. И., Фоминская М. Д. Религиозная безопасность России и права в ее обеспечении // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2014. № 3. С. 98–101; Фадеев В. И. О духовно-нравственных основах народного представительства в России // *Конституционное и муниципальное право*. 2014. № 3. С. 11–16.

²¹⁵ См.: Конституционно-правовая политика современной России: идеи, приоритеты, ценности, направления: монография / под ред. П. П. Баранова, А. И. Овчинникова. М., 2018.

правителей, но и о “добродетелях” граждан, так или иначе участвующих в политическом процессе»²¹⁶.

В этом плане идея симфонии властей выступает базовым «юридическим архетипом» в организации и эволюции отечественных государственно-правовых учений, основополагающей идейно-концептуальной матрицей в формировании доктринальных и программных положений, связанных с организацией и совершенствованием государственной власти²¹⁷. Причем, как будет показано ниже, это архетипическое основание отечественного правосознания является базовым элементом и для развития современных государственно-правовых учений.

Следует отметить, что сегодня в повседневной государственно-правовой практике достаточно часто вовсе не учитываются или остаются без должного внимания устойчивые для определенного сообщества, нации, правополитического пространства «духовно-моральными факторы», не только задействованные в становлении и развитии социально-культурных феноменов (права, государства, порядка, экономических отношений и т. п.), но и обеспечивающие их устойчивое воспроизводство и стабильность.

Естественно, что для правоведения, в котором доминирующей стратегией познания является формально-юридический подход, институционально-нормативный ракурс рассмотрения происходящих государственно-правовых процессов и структурно-функциональная ориентированность в правовом моделировании развития общественных

²¹⁶ Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2011. С. 372.

²¹⁷ В современной консервативно-правовой мысли предпринимаются фундаментальные попытки комплексного описания осевых (архетипических) элементов отечественной политико-правовой мыследеятельности (как практики развития национально-правового мышления, так и публично-властной организации, развития собственно юридической практики и техники). См.: Лаза В. Д. Архетипическое в православии: история и современность. Пятигорск, 2013; Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Манастырный А. В., Тюрин М. Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д, 2009.

отношений, указанный тезис выглядит, мягко говоря, весьма абстрактным и далеким от объективной данности.

Тем не менее для поддержки высказанного тезиса можно привести два примера, при этом первый из них связан с современной исследовательской практикой и ее общей ориентированностью на познание духовно-нравственной проблематики, а второй – с конкретной нормативно-правовой институционализацией, то есть практикой формально-юридического закрепления тех или иных правовых институтов и спецификой их нормирования общественных отношений.

В первом случае необходимо указать на общую направленность в современной гуманитарной науке в целом. Прежде всего, следует обратить внимание на западноевропейский дискурс, задающий тон отечественным исследовательским практикам. Анализ наиболее авторитетных исследований последних лет показывает, что для западноевропейской науки духовно-моральные, правокультурные и иные факторы стали играть важное значение в описании того, как вообще возможно сообщество, устойчивость публично-властных взаимосвязей, преемственное воспроизводство воображаемого единства и национальной целостности.

Следует отметить, что данная проблематика, конечно, играла весомую роль в различных теоретических и концептуальных построениях, доктринально-программных положениях. Однако в течение более чем полувека общим либеральным вектором в государственно-правовых учениях обосновывался «конец истории» (Ф. Фукуяма) и торжество индивидуальности, ее прав и свобод над авторитарными традиционными системами сплочения (Ф.А. фон Хайек). Как справедливо считает современный исследователь Б. Як, «либеральные воззрения на историю предполагают, что землю должны унаследовать все более и более космополитические индивиды, сменив авторитарных патриархов и религиозных моралистов». Однако сегодня стало очевидным, что от таких воззрений мало толку, «когда надо иметь дело с

лояльностью к сообществу, которая не перестала одушевлять наше нравственное существование»²¹⁸.

В этом аспекте в последнее время повышенный интерес исследователей привлекают к себе так называемые «мягкие переменные», или «неуловимые факторы культуры», обуславливающие общее национально-культурное единство, устойчивость государственно-правовой эволюции. Как, например, указывают Б. Миштали и Ш. Муфф, сегодня все больше видно недостатков в либерально-демократической модели организации институтов власти, права, порядка. Если раньше считалось, что демократические институты и принципы правового государства стояли «выше всяких дискуссий и обсуждений»²¹⁹, то сегодня «возникло всеобщее убеждение в том, что основы общественной кооперации, солидарности и консенсуса подверглись эрозии и что существует проблема поиска альтернатив для них»²²⁰.

Отсюда утверждается, что глубинные духовно-нравственные, моральные и иные культурные факторы выступают в качестве «двойственных структур» (Э. Гидденс), которые снимают дихотомию «стабильность – динамика», «традиции – модернизм», обеспечивая гармонию и устойчивость государственно-правовой эволюции. Так, видный исследователь в области теоретической социологии П. Штомпка указывает, что религиозно-нравственные ценности «представляют резерв для действия», основания для политико-правовой мотивации. Из этого резерва люди принимают ценности, устанавливающие цели, нормы. Они нужны, чтобы «определить средства для действия; символы, чтобы снабдить ее значением; коды, чтобы выразить ее содержание; рамки, чтобы упорядочить отдельные элементы; ритуалы, чтобы обеспечить им непрерывность и результат. Короче говоря, культура придает деятельности аксиологическую, нормативную и

²¹⁸ Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М., 2017. С. 21–22, 24.

²¹⁹ Муфф Ш. Демократия в многополярном мире [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/02_2009/3.pdf (дата обращения: 15.05.2017).

²²⁰ Misztal B. Trust in modern societies. Cambridge, 1996. P. 3–4.

познавательную ориентацию»; в свою очередь, современная деятельность, современное прочтение и воплощение духовно-моральных стандартов, культурных практик «является основным фактором, определяющим возникновение новой культуры (или ее эволюционное развитие. – Г.Н.) или ее морфогенез»²²¹.

Во втором случае необходимо обратить внимание на то, что идея симфонии явно или не явно воспроизводится как в современных отечественных государственно-правовых учениях, так и на уровне официальной нормативно-правовой организации публично-властного взаимодействия.

Следует еще раз подчеркнуть, что идея симфонии в отечественном правосознании, современных государственно-правовых и религиозно-нравственных учениях воспринимается в качестве широкого концепта, не сводящегося исключительно к византийской модели государственно-церковных отношений. Именно это обстоятельство и позволяет рассматривать симфонию в качестве идейно-концептуальной и доктринальной основы развития консервативных государственно-правовых учений.

Например, еще Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в своих публичных выступлениях и интервью неоднократно отмечал, что идея симфонии властей в русском правосознании значительно глубже и шире конкретно-исторической византийской модели и связана с идеями соборности, нравственного служения, публично-властного взаимодействия и т. п. Так, в одном из интервью он указывал, что «о симфонии в византийско-древнерусском смысле сегодня говорить не приходится. Однако это не значит, что Церковь и государство не должны искать согласия, партнерства,

²²¹ Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2012. С. 43.

то есть опять же “симфонии” в новых условиях. Нахождение согласия – нелегкий труд, но у Церкви есть желание и воля идти по этому пути»²²².

При этом можно привести другой характерный пример. Так, в современных консервативных доктринах и учениях идея симфонии является ключевой в обосновании организации публично-властной систем в доктринально-правовых учениях и социальных доктринах, моделирующих развитие российского общества в XXI веке и проч.²²³ Причем в настоящее время с учетом глобальных трендов и цивилизационных рисков идея симфонии выступает организующим концептом не только для внутригосударственных учений, но и в международно-правовом генезисе российской цивилизации.

В этом плане можно обратить внимание на авторитетную исследовательскую платформу русского консервативного сообщества «Изборский клуб», в рамках которой выходят фундаментальные монографические исследования, проводятся общероссийские и международные круглые столы, дискуссионные заседания. В рамках последней разработана и предложена для общественного обсуждения «Доктрина русского мира». Так, в ее содержании идея симфонии интерпретируется и в контексте глобального мироустройства, а также в аспекте внутригосударственной организации публично-властного взаимодействия. Например, доказывается, что симфоничность «Русского мира» – это не только доктринальная основа государственно-правового развития, но и значимая интеграционная политико-правовая и социально-культурная практика сближения народов. В данном случае обосновывается, что у Российского государства из поколения в поколение воспроизводится позитивный «опыт строительства справедливых и мирных межнациональных

²²² Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. В поисках симфонии (интервью) // Русский Дом. 2004. № 6.

²²³ Этот аспект будет более подробно раскрыт ниже, в соответствующей части диссертационного исследования, посвященной современным консервативным государственно-правовым учениям.

отношений, многополярного и многоукладного бытия... Симфоничность и солидарность являются сквозными ценностями Русского мира... В этом состоит призвание России и Русского мира, и это свое призвание к отстаиванию модели солидарности мы могли бы предложить остальному миру в противовес «модели общества перманентного конфликта»²²⁴. Схожие идеи о симфоничности государственно-властных, церковных и гражданских институтов российского общества и соборной демократической организации представлены также в современном идейно-консервативном проекте «Государственная доктрина России»²²⁵ и других консервативных доктринах²²⁶.

Исследования доктринально-правовых и нормативно-правовых оснований современной практики постсоветского государства, а также проблемных вопросов гармонизации взаимодействия светской и духовой власти являются не только актуальными, но и востребованными с точки зрения обеспечения национальной безопасности Российского государства и устойчивого социально-правового развития отечественной общественной системы.

Воплощение политико-правовой идеи симфонии властей означает не реставрацию византийской модели или кардинальное изменение правовых, политических и социально-экономических основ современной государственно-правовой организации российского общества, а применение данной идеи в качестве метаюридического и духовно-нравственного оснований для формирования доктринально-правовой базы развития государственно-церковных отношений в XXI веке. Взаимодействие церкви и

²²⁴ Доктрина Русского мира / авт. кол.: В. Аверьянов, С. Баранов, А. Гапоненко и др. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/10269/> (дата обращения: 25.05.2017).

²²⁵ См.: Государственная доктрина России [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/?p=6571> (дата обращения: 25.05.2017).

²²⁶ См.: Михалков Н. С. Право и Правда. Манифест Просвещенного Консерватизма. М., 2010 [Электронный ресурс]. URL: www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest/html (дата обращения: 14.05.2012); Русская доктрина (Сергиевский проект) / под ред. А. Б. Кобякова, В. В. Аверьянова. М., 2008; Проект Россия. Четвертая книга. Большая идея. М., 2010.

государства направлено на решение острых социальных проблем, стоящих сегодня перед российским обществом. Такова сегодня позиция государства и церкви. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на встрече с Президентом Российской Федерации собственную позицию по данному вопросу определил следующим образом: «сознаем необходимость, чтобы дух симфонии направлял наши мысли и дела в построении модели церковно-государственных отношений... Поэтому дух симфонии, но не буква, должны реализовывать себя в рамках того законодательного поля и на основе тех конституционных положений, которые существуют. Это открывает замечательную перспективу развития церковно-государственных отношений таким образом, чтобы ни государство, ни Церковь, не вмешиваясь в дела друг друга, уважали взаимно позицию друг друга по этим внутренним делам и одновременно выстраивали широкую систему взаимодействия, диалога и сотрудничества. Это и происходит сегодня в России»²²⁷.

Развитие современных политико-правовых оснований взаимодействия государства и церкви необходимо, с нашей точки зрения, проанализировать через современную систему национальных доктрин Российской Федерации, а также идеи и принципы социальной концепции Русской православной церкви. Анализ соотношения последних позволит выявить сущность и характер современного прочтения идеи симфонии властей, влияние последней на деятельность РПЦ и развития публично-властной организации российского общества, а также сформулировать доктринальные основы, принципы и направления государственно-церковного взаимодействия в современный период.

В Основах социальной концепции РПЦ идее симфонии властей, а также проблематике государственно-церковных отношений уделено достаточно внимания. Кроме специального раздела, посвященного церкви и

²²⁷ Патриарх Кирилл напомнил Президенту о симфонии властей (В Кремле состоялся прием в честь архиереев – участников Поместного Собора Русской православной церкви) [Электронный ресурс]. URL: <https://rusk.ru/newsdata.php?idar=730102> (дата обращения: 12.12.2017).

государству, в различных частях текста также сделан акцент на их взаимодействии при решении острых социальных проблем и предотвращении современных угроз. В целом в концепции можно выделить основные принципы государственно-церковных отношений, необходимые условия и направления взаимодействия государства и церкви в XXI веке. Каждый из этих блоков требует более содержательного рассмотрения. Если обобщить ключевые положения концепции, то можно выделить пять центральных идейно-концептуальных положений, которые представляют основные направления развития государственно-церковных отношений в современном обществе.

Во-первых, государство в Концепции трактуется не как «богоустановленная реальность» (что характерно именно для светской государственно-правовой организации), а как институциональная основа организации общественной жизнедеятельности и свободного волеизъявления граждан. В этом институциональном измерении церковь взаимодействует с государством в вопросах совершенствования мирских институтов и структур, способствует развитию и благоустройству жизни людей, морали и нравственности: «земное государство должно быть понимаемо не как изначально богоустановленная реальность, но как предоставление Богом людям возможности устроить свою общественную жизнь исходя из их свободного волеизъявления...»²²⁸.

Во-вторых, главной нравственной обязанностью государства, а также значимым направлением взаимодействия государства и церкви является обеспечение безопасности общества и личности, их духовной и социальной защиты, обеспечения социальной стабильности и устойчивого развития государственно-правовой целостности: «Государство как необходимый элемент жизни в испорченном грехом мире, где личность и общество

²²⁸ Здесь и далее цит. по: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/iii/> (дата обращения: 12.10.2017).

нуждаются в ограждении от опасных проявлений греха... Священное Писание призывает власть имущих использовать силу государства для ограничения зла и поддержки добра, в чем и видится нравственный смысл существования государства (Рим. 13. 3–4). Исходя из вышесказанного анархия – отсутствие надлежащего устройства государства и общества, а равно призывы к ней и попытка ее установления противоречат христианскому миропониманию...»²²⁹.

Современные виды неоанархизма, космополитизма, неолиберализма и другие идейно-концептуальные и доктринальные направления, обосновывающие «инновационные» формы публично-властной организации общества, сводящие к минимуму роль государства либо вообще нивелирующие значимость данного политико-правового института в будущем, являются неестественными для христианского мировоззрения и неприемлемыми для православного правосознания.

В-третьих, в государственно-церковных отношениях ключевыми моментами выступают нравственное измерение и социальный контроль за деятельностью публичной власти, ограничение ее деятельности духовно-нравственными стандартами и ценностно-религиозными нормативами, поскольку государство может иметь тенденцию к превращению в самодовлеющий институт. Верующие не должны следовать абсолютизму власти, а должны признавать ее земной, временный, не вечный статус.

В-четвертых, основополагающий принцип взаимодействия государства и церкви предполагает разграничение в их направленности: церкви – на совершенствование духовной жизнедеятельности общества и духовное возрождение, развитие общества²³⁰, а государства – на совершенствование

²²⁹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви...

²³⁰ Так, в рамках Поместного собора 1990 года отмечалось, что без одухотворения самого общества, правосознания граждан и внешних институциональных форм, деятельности государства вся общественная организация вырождается «в ложь и лицемерие», обессиливает любую государственно-правовую форму, делегитимирует публично-властную деятельность. Поэтому «на протяжении тысячелетней истории Русская Православная Церковь воспитывала верующих в духе патриотизма и миролюбия.

внешней формы благоустройства жизни личности и общества²³¹. Совместная «забота» государства и церкви о внутренней и внешней форме создает «синергетический эффект», который приводит к «совершению земного обустройства» человека, обеспечению его свободы и прав личности, духовному росту и пр.

В-пятых, продолжая вышесказанное, следует подчеркнуть, что государственно-церковные отношения начинаются прежде всего с различия, а не единения. Вместе с тем понятие «единение» не вполне уместно для описания взаимодействия государства и церкви, поскольку они имеют совершенно разную природу и направленность. Таким образом, симфония властей (или их совместное взаимодействие) возможна только в ограниченных сферах жизнедеятельности общества. При этом сам принцип светскости в трактовке РЦП означает не радикальное вытеснение религиозного из всех сфер жизнедеятельности общества, а, наоборот, секуляризацию сфер компетенции церкви и власти, принцип взаимного невмешательства в дела друг друга.

В рамках обсуждения условий государственно-церковных отношений в Основах социальной концепции РПЦ также акцентируется внимание на разных природах двух властей – светской и духовной, невмешательстве одной в дела другой, а также неучастии церкви в тех сферах деятельности государства, в которых оно недопустимо в силу канонических условий. В то же время в концепции выделяются области «сотрудничества церкви и

Патриотизм проявляется в бережном отношении к историческому наследию Отечества, в деятельной гражданственности, включающей сопричастность радостям и испытаниям своего народа, в ревностном и добросовестном труде, в попечении о нравственном состоянии общества, в заботе о сохранении природы». Основные документы Поместного Собора 1990 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document/525407/> (дата обращения: 27.12.2017).

²³¹ Поэтому церковь обращает внимание не на систему власти и властной организации государства, а на содержание «сердец своих членов» и защищает принцип «непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин...» (Основные документы Поместного Собора 1990 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document/525407/> (дата обращения: 27.12.2017).

государства», наиболее актуальные и востребованные на современном историческом этапе развития России. К таковым относятся:

- миротворческая деятельность на международном, региональном, внутригосударственном уровнях, а также миротворчество в межэтническом, гражданском процессе, оказание помощи в сотрудничестве между людьми, народами и государствами;

- защита нравственных ценностей, образования и просвещения на их основе, воспитание молодежи, а также совместное развитие системы социальных программ и инициатив, связанных с милосердием, благотворительностью, меценатством, социальной защитой и пр.;

- совместная деятельность по защите и охране памятников истории и культуры с органами государственной власти, защита семейных ценностей, попечение об осужденных, в иных сферах, связанных с развитием гуманитарной науки, здравоохранения, экологии, культуры и творческой деятельности, поддержкой традиционных институтов (семьи, материнства, детства).

В Основах социальной концепции РПЦ подробно обсуждаются и направления взаимодействия церкви с различными ветвями власти. Так, во взаимоотношениях с законодательной ветвью власти эта деятельность направлена на «совершенствование общегосударственного и местного права, имеющего отношение к жизни церкви, «церковно-государственному соработничеству» и сферам «общественной обеспокоенности церкви». В рамках взаимодействия с исполнительной ветвью власти сотрудничество осуществляется в русле выработки и принятия управленческих решений, имеющих отношение к жизни церкви, «церковно-государственному соработничеству» и сферам «общественной обеспокоенности церкви», для чего на соответствующем уровне поддерживается контакт с центральными и местными органами исполнительной власти, в том числе ответственными за решение практических вопросов жизни и деятельности религиозных

объединений и надзор за соблюдением ими законодательства (органами юстиции, прокуратуры, внутренних дел и т. п.).

В области диалога с системой правосудия в Основах социальной концепции РПЦ устанавливается принцип, согласно которому церковь не вмешивается в непосредственное осуществление функций и полномочий судебной властью, ограничиваясь лишь деятельностью по представлению в случае необходимости своих интересов в суде. В соответствии с принципом разграничения светской и духовной властной деятельности возникающие внутрицерковные споры «не должны выноситься на светский суд (Антиох. 12)», тогда как «межконфессиональные конфликты, а также конфликты с раскольниками, не затрагивающие вопросов вероучения, могут выноситься в светский суд (Карф. 59)». В целом «во избежание смешения церковных и государственных дел и для того, чтобы церковная власть не приобретала мирского характера, каноны возбраняют клирикам брать на себя участие в делах государственного управления».

При этом можно проследить влияние идеала симфонии властей также на доктринально-правовом уровне современной России. Например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации неоднократно подчеркивается необходимость как разграничения сфер деятельности, так и консолидации совместных усилий, совместной деятельности всех органов государственной власти, публично-властных институтов местного самоуправления и иных институтов гражданского общества (в том числе религиозных организаций) «по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» (п. 3)²³².

В п. 6 Стратегии национальной безопасности определяется, что национальные интересы – это система согласованных, гармонизированных

²³² Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 14.05.2012).

интересов личности – общества – государства, а в п. 11 указывается на необходимость возрождения традиционных духовно-нравственных основ, консолидации гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, обеспечивающих единство культур многонационального народа и т. д.

На конституционно-правовом уровне можно проследить процесс институционализации устойчивых доминант национального юридического мышления²³³. Это, в частности, касается и института главы государства, который выведен из классической системы разделения властей и во многом трактуется национальным правовым сознанием в контексте консервативных государственно-правовых учений как отдельный «верховный» уровень управления наряду с действующими «управительными ветвями власти» (исполнительной, законодательной, судебной)²³⁴.

Как отмечали русские консерваторы, правовой институт главы государства имеет свои национально-культурные традиции, которые были сформированы в рамках государственно-правовой идеологии Московского царства, а сам институт верховного главы государства концептуально опирался на национальную теорию симфонии властей. При этом можно увидеть устойчивую преемственность роли и значения верховного властителя, теоретически описанную в рамках модели симфонии властей, и политико-правового статуса главы государства в различные периоды государственно-правовой эволюции российского общества.

Именно поэтому традиция эволюции верховного правителя в России, его статус, роль и значение не вписываются в западноевропейскую концепцию разделения властей. При этом следует указать на наличие общих оценок и

²³³ См. об этом более подробно: Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д, 2002.

²³⁴ Данная трактовка разделения «верховой» и «управительной» власти, а также их соотношения представлена в трудах русских консерваторов. См.: Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2000; Катков М. Н. Империя и крамола. М., 2007; Любецкий И. И. Верховная власть в государстве. Н. Новгород, 1917; Тихомиров Л. А. Верховная власть и Основные законы 1906 года. М., 1909.

схожих моделей государственного властвования в трудах дореволюционных, и советских и постсоветских юристов. При этом во всех государственно-правовых доктринах верховная власть в том или ином контексте выражала идею единения высшего властного начала, реализуя две основные практики:

– во-первых, обеспечения единства и гармоничности взаимодействия различных властных органов и учреждений. При этом в консервативных государственно-правовых учениях основной акцент делался не на разделении и четком функциональном разграничении (данный аспект являлся важным, но не ведущим), а на совместном «соработничестве» в осуществлении общенациональных целей и задач. Этот принцип был ключевым еще в византийской идее симфонии властей. Так, принцип «соработничества» (изначально отражающий взаимодействие двух верховных властей по державному развитию России, предполагающий не только взаимопомощь, взаимоподдержку, но и взаимоконтроль, взаимонаставничество и т. д.)²³⁵;

– во-вторых, единения общества и верховной власти вокруг фигуры верховного правителя. Практика также была изначально сформирована в рамках общей византийской идеи симфонии властей, отражающей религиозную и духовно-нравственную связь монарха и народа (о чем упоминалось выше).

В отечественной консервативной государственно-правовой мысли верховная и управительная власть в этом плане всегда различались. Первая всегда выступала в качестве координационной, правообразующей, учредительной и чрезвычайной власти²³⁶. Между тем организационно-

²³⁵ См.: Белов С. О симфонии властей в русском державном домостроительстве [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/09/14/o_simfonii_vlastej_v_russkom_derzhavnom_domostroitel_stve/ (дата обращения: 20.05.2017).

²³⁶ Так, П. Е. Казанский предлагает следующую правовую интерпретацию данного положения: «Государю Императору принадлежит, во-первых, власть правообразующая (путем указов и законов в формальном смысле слова), а в том числе, с одной стороны – учредительная, а с другой – крайняя и чрезвычайная. Во-вторых, Ему же принадлежит право решений относительно всех главных явлений государственной жизни, как, например, война и мир, замещение главных государственных должностей и пр., которые правом наперед регламентированы быть не могут». Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 342.

правовая, административно-правовая, правоприменительная и другие функции государственного управления реализовывались органами государственной власти, разделенными по функциональным направлениям и полномочиям. Это разграничение, как отмечали консерваторы, строилось, с одной стороны, на вертикальном публично-властном разделении, то есть представляло государственно-правовую организацию на территории, а с другой – по горизонтали, то есть представляло публично-властное разделение по функциональному признаку, или разделение единой власти на законодательную, судебную и правительственную²³⁷.

Следует обратить внимание еще на то обстоятельство, что в рамках конституционно-правовой науки и практики обосновывается необходимость содержательного развития теории разделения властей. Отмечается, что созданная два века назад теория для адекватного отражения современной государственно-правовой реальности должна быть пересмотрена, например, в аспекте расширения ветвей власти (предлагается выделение отдельных, относительно самостоятельных ветвей – глава государства, контрольно-надзорная ветвь власти – прокуратура и др.), а также дополнения концепции разделения властей и принципа сдержек и противовесов конституционно-правовым принципам взаимодействия ветвей власти при осуществлении общих функций государственной власти и реализации общенациональных приоритетов правовой политики.

При этом также обосновывается новое прочтение принципа субсидиарности, который предполагает не только структурно-функциональное разграничение каждой ветви власти, но и симфоничность в

²³⁷ Например, известный конституционалист В. А. Черепанов сетует на то, что в современной конституционно-правовой науке особое внимание «уделяется разграничению прав, обязанностей и ответственности каждого уровня власти, а не их сотрудничеству и взаимодействию при решении общих вопросов». Черепанов В. А. Теория российского федерализма. М., 2005.

решении общегосударственных задач, где каждая ветвь власти осуществляет режим взаимной поддержки²³⁸.

Кроме того, в качестве конституционно-правовой традиции в постсоветском государстве сложилась практика преемственной передачи верховной власти, которая органично развивалась и была характерна предшествующим этапам государственно-правовой эволюции. В новейшей истории постсоветского государственного строительства, несмотря на либерально-демократическую ориентированность действующей Конституции Российской Федерации, власть главы государства, хотя формально и передавалась через выборные демократические процедуры, но в действительности передача эта имела традиционный формат властного преемства.

Необходимо обратить внимание на одну примечательную особенность, которую отмечают многие современные консерваторы. Так, рейтинг общественной поддержки первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина в конце 1999 года составлял менее 5–7 %. Отсюда логично предположить, что рекомендуемая общественности фигура приемника должна была опираться, если следовать классической демократической форме рациональной легитимации власти, на этот процент поддержки.

Однако практика преемственной передачи власти (учреждение новой верховной власти) вписалась в устойчивые традиции смены верховной власти, и за нового Президента Российской Федерации В.В. Путина проголосовало более 70 % избирателей, при том, что, как показали социологические опросы, с его политической программой ознакомились менее 10 % избирателей²³⁹.

В целом следует отметить, что в конституционно-правовом опыте современных государств существует и реализуется две типические модели

²³⁸ См.: Чиркин В. Е. Новые подходы к теории современного государства и федерализма // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 70.

²³⁹ См.: Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю., Овчинников А. И. Национально-культурные основы российской государственности и правовой политики. Владивосток, 2015.

государственного устройства: кооперативная (симфоническая) и дуалистическая (разделительная). В первом случае речь идет о политико-правовых принципах «соработничества», или взаимодействия (солидаристский принцип публично-властного взаимодействия), для достижения общенациональных целей и задач, а также формирования правовых режимов совместной деятельности различных уровней и ветвей при реализации государственной власти.

В рамках второй модели отстаиваются детальное распределение предметов ведения, прав и ответственности в процессе реализации государственной власти и формально-процедурные правовые режимы согласования различных властно-политических интересов. В постсоветской истории государственного строительства доминировала первая модель, а в настоящее время активизировалась деятельность, связанная с доктринально-правовой разработкой институционально-правового оформления второй модели, построенной на принципах симфоничности и солидаризма, что в целом соответствует национальному государственно-правовому опыту.

В современных условиях принцип симфонии властей, как указывалось выше, предполагает наличие «синтетической модели» как в публично-властной организации общества, так и в государственно-церковных отношениях. Данный принцип предполагает, с одной стороны, четкое разграничение сфер деятельности и невмешательство в деятельность духовной и светской власти, государственной и гражданской сфер деятельности в рамках общего правопорядка и конституционного строя, а с другой – гармонизацию различных сфер деятельности, содействие и совместное решение острых социальных проблем, духовное и культурное развитие личности и общественной системы в целом.

Однако в настоящее время существуют совершенно разные и противоречивые доктринально-правовые разработки данного институционально-правового оформления симфонической модели организации публичной власти в современном Российском государстве.

Анализу этих доктрин, концепций и подходов, доминирующих в постсоветском государственно-правовом дискурсе, посвящена следующая часть диссертационного исследования.

Еще раз следует подчеркнуть, что многие институты власти, их назначение, роль в общественном правосознании в значительной мере воспроизводят традиционную модель властных отношений (как показано на примере разделения властей и понимания института главы государства), которая была сформирована под воздействием византийской идеи симфонии властей.

В этом плане доктрину симфонии властей можно рассматривать в качестве идейно-концептуальных рамок преемственного развития отечественной государственно-правовой мысли. Как следует из приведенных примеров, классическая теория разделения властей, в которой акцентируется внимание на автономности, относительной самостоятельности и независимости ветвей государственной власти, воспринимается и трактуется современным доктринально-правовым мышлением в ином мировоззренческом контексте. При этом в современных государственно-правовых учениях упор делается на согласованности и публично-властном сотрудничестве в достижении общенациональных целей и задач, духовном и культурном обновлении российского общества.

Важно отметить, что идея симфонии властей привнесла в государственно-правовую организацию не только определенную модель построения государственно-церковных отношений, но и принцип гармонического сочетания интересов, распределения ответственности. Очевидно, что этот принцип оказал существенное воздействие на развитие публично-властных отношений в обществе и по-разному институционализировался в тех или иных конкретно-исторических условиях.

Доктрину симфонии властей следует рассматривать в качестве идеала, образца, общей формы организации, поскольку конкретно-историческое содержание и практическое выражение данной модели значительно

отличаются от исходного образца. В целом это было характерно для процесса институционализации идеи симфоничности и ее развития в рамках истории отечественного государства и права. Ю.Е. Кондаков в обсуждаемом аспекте отмечает, что «доктрина “симфонии властей” является идеалом, на основании которого строила свои отношения с государством Восточная Православная Церковь... В трудах учителей церкви теория “симфонии властей” была всесторонне развита. Указывалось, что подобное устройство человеческого общества копирует образ небесного управления, сотрудничество церковной и государственной властей напоминает сосуществование в человеке души и тела. Подразумевалось, что церковь и государство, взаимодействуют, реализуются в разных сферах. Церковь освещает государственную власть, внушая действовать в христианском духе, государство служит охранителем православной веры и заботится о ее распространении»²⁴⁰.

В этой связи следует привести позицию Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, который неоднократно озвучивал в публичном пространстве отношение к идее симфонии властей: «В новых условиях мы сознаем невозможность осуществления этого идеала (византийской симфонии властей. – *Н.Г.*), который родился в I тысячелетии, но с другой стороны, мы, как Церковь, сознаем необходимость, чтобы дух симфонии направлял наши мысли и дела в построении модели церковно-государственных отношений»²⁴¹.

В современной государственно-правовой организации общества ведущими основами развития, продолжает свою мысль Патриарх, являются конституционно-правовые принципы, поэтому сегодня важна и значима не конфронтация, а дух симфонии властей: «не буква, должны реализовывать себя в рамках того законодательного поля и на основе тех конституционных

²⁴⁰ Кондаков Ю. Е. «Русская симфония» – четыре века испытания на прочность (государственная власть и церковные реформы в России XVI–XIX веков). СПб., 2006. С. 6.

²⁴¹ Патриарх о Церкви и государстве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsad.ru/articles/patriarh-o-cerkvi-i-gosudarstve-vosem-citat> (дата обращения: 12.12.2017).

положений, которые существуют... ни государство, ни Церковь, не вмешиваясь в дела друг друга, уважают взаимно позицию друг друга по этим внутренним делам и одновременно выстраивают широкую систему взаимодействия, диалога и сотрудничества»²⁴².

Следовательно, принцип гармонического сочетания интересов и распределения ответственности, заложенный в дух симфонии властей, является важнейшим в духовно-светских властеотношениях: «Государство заботится о земном, Церковь заботится о небесном. Невозможно представить небо без земли и землю без неба. И земля, и небо образуют гармонию божественного бытия, божественного творения. Дай Бог, чтобы сочетание небесного и земного, усилия церковные и усилия государственные были направлены на духовное и материальное процветание людей»²⁴³.

Значимым для современной постсоветской динамики является и пример влияния идеи симфонии властей на существующие межнациональные и межэтнические проблемы в России. Например, Патриархом Московским и всея Руси Кириллом предложена новая доктрина межнационального согласия, которую он обозначил как «симфонию этносов»²⁴⁴. Она призвана заместить весьма противоречивую западноевропейскую доктрину мультикультурализма и универалистскую концепцию политкорректности.

В содержании данной доктрины также обосновывается принцип гармоничного сочетания интересов различных наций и этносов при признании ведущей (государствообразующей) роли русского общества. Так, Патриарх отмечает: «Игнорирование интересов русских людей, вытеснение русского вопроса из публичной сферы ведут к лавинообразному росту маргинальных и агрессивных проявлений. Очень опасной может быть

²⁴² Там же.

²⁴³ Патриарх о Церкви и государстве...

²⁴⁴ Состоялся XVII Всемирный русский народный Собор (ВРНС), который в этом году посвящен теме «Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа» [Электронный ресурс]. URL: http://www.obozrevatel.ru/temy-dnya/temydnaya_30070.html (дата обращения: 27.12.2017).

перспектива отчуждения русских, и прежде всего русской молодежи, от государства, госструктур, руководства бизнесом». В то же время Российское государство мыслится в доктрине не столько национальным, сколько «суперсоюзом», или симфоническим союзом наций и этносов, проживающих в симфоническом единстве. Поэтому традиционно, по заключению Патриарха, Россия являлась «страной-цивилизацией», которая предлагает миру «опыт строительства справедливых и мирных межнациональных отношений». В Российском государстве ни на одном этапе государственно-правовой эволюции не было «народов-господ и народов-рабов». Отсюда доктрина симфония этносов, по убеждению главы Русской православной церкви, придает стране-цивилизации, к которой относится Российская Федерация, «неповторимый облик» и «невозможна без участия в ней русских»²⁴⁵.

Принцип симфоничности в современных государственно-правовых доктринах и учениях не сводится исключительно к воспроизводству конкретно-исторических основ взаимодействия государства и церкви. Это узкое, догматическое и историко-правовое толкование идеи симфонии властей. Так, К. Шмитт справедливо подчеркивает, что детальное воссоздание прошлого уничтожает само прошлое, в данном случае – позитивность государственно-правового опыта: «Реставрация – это специфический метод уничтожения и разрушение реставрируемого»²⁴⁶. Как отмечалось выше, строжайшим, основополагающим идейно-смысловым ядром доктрины симфоничности являются гармонизация и уравнивание различных начал публично-властной системы: духовных, этических, институциональных, светских, религиозных и пр. Причем каждое из этих начал не воспринимается в качестве основополагающего, а только совместно,

²⁴⁵ Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа...

²⁴⁶ Schmitt C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. Berlin, 1991. S. 185.

«содействуя», ведет к гармоничной публично-властной организации общества.

§ 2. Идея симфонии властей в современном отечественном консерватизме: проблемы и противоречия государственного-правового развития

Идея симфонии властей выступает устойчивым национально-культурным идеалом (ценностно-нормативным основанием) и идейно-концептуальной (доктринально-правовой) основой, представляя собой значимый элемент отечественного правосознания. В качестве такого элемента идея симфонии властей участвует как в развитии политико-правовых учений, так и доктрин государственного строительства на различных этапах эволюции российского общества. В одних случаях влияние идеи симфоничности как идеала в публично-властной организации на правосознание, политическую культуру и государственно-правовую практику осознается и учитывается, а в других – происходит на уровне архетипов правовой культуры и юридического мышления, и распространяется на формулируемые доктринально-программные положения на уровне скрытого, часто не осознаваемого, властно-правового дискурса²⁴⁷.

В данной части исследования нас прежде всего интересуют случаи, когда идея симфонии властей воспринимается, понимается, оценивается и учитывается в качестве ценностно-нормативного и идейно-концептуального основания современных программных положений, ориентированных на совершенствование и оптимизацию отечественной государственно-правовой организации. Следует отметить, что это характерно для консервативных

²⁴⁷ См., например: Аверьянов В. В. Традиция и динамический консерватизм. М., 2012; Библийская философия права и власти / А. Величко, протоиерей Т. Фетисов. М., 2016; Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме: монография. Ростов н/Д, 2003; Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Манастырный А. В., Тюрин М. Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д, 2009.

(иногда речь идет о неоконсервативных) политических и правовых учений, доктринальных программ развития современного Российского государства.

В то же время, анализируя и классифицируя современные консервативные государственно-правовые учения, так или иначе необходимо обращаться к тем политико-правовым доктринам и подходам, в которых идеи симфоничности, или гармоничности взаимодействия светской и духовной власти²⁴⁸,

а также конвергенции различных ценностно-нормативных регуляторов²⁴⁹ являются ведущей проблематикой исследования.

Следует отметить, что в современном динамическом государственно-правовом процессе реализации тех или иных доктринально-программных положений происходит вынужденное обращение к социокультурной среде (в которой, собственно, они и должны воплощаться), а также к устойчивым образам, идеям, ценностям, различным социальным механизмам воспроизводства органичных моделей организации и структурирования общественных отношений. Это означает, что любая (даже радикально ориентируемая) политико-правовая доктрина в том или ином аспекте имеет дело с консерватизмом и опирается на устойчивые, воспроизводящиеся на каждом этапе государственно-правовой эволюции идейно-концептуальные и ценностно-нормативные основания.

В этом плане справедливым представляется суждение М.Н. Комовой о том, что в таком ракурсе даже, например, острый конфликт «между консерватизмом и либерализмом несколько “смягчается”, причем до их фактического взаимодействия в национальном государственно-правовом пространстве. Так, человек, придерживающийся либеральных взглядов, с этой точки зрения может занимать прямо противоположную позицию, то есть ставя либеральные взгляды, либеральные идеи на первое место, он

²⁴⁸ См.: Васильев А. А. История русской консервативной правовой мысли (VII–XX вв.). Барнаул, 2011.

²⁴⁹ См.: Мальцев А. В. Социальные основания права. М., 2011.

может закрепить их в определенной системе, только используя те консервативные политические и правовые идеи, которые существуют в данном обществе, выступают результатом его исторического развития, эволюции политико-правовых, социально-экономических институтов и духовно-нравственных (ментальных) структур»²⁵⁰.

Таким образом, консерватизм необходимо рассматривать как особое мировоззрение, порождающее консервативный стиль государственного и правового мышления, целью которого является формирование концепции политико-правового традиционализма, реконструкция ценностных оснований национальной правовой культуры.

Современные консервативные учения, программные положения, идеологические предпочтения обосновывают важность механизмов преемственности, сохранения традиционных идейно-концептуальных форм публично-властной организации (например, идеи симфонии властей) и социально-правового (конвергенции нормативно-правового, духовно-нравственного кодирования общественного взаимодействия) опосредования общественных отношений. Именно последнее в системной взаимосвязи обеспечивает, с позиции консервативных учений, устойчивость и политико-правовую идентификацию общества, единство прошлого, настоящего и устойчивое движение в будущее, а также воспроизводство на каждом этапе государственно-правовой эволюции общественной солидарности и социальной справедливости. Неслучайно исследователи сегодня достаточно часто апеллируют к позиции Н.А. Бердяева, который отмечал, что «консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым. Консерватизм имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя корнями, он верит в существование нетленной и неистребимой глубины»²⁵¹.

²⁵⁰ Комова Н. Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях XVIII–XX века: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2012. С. 276.

²⁵¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства // Русское зарубежье. Власть и право. Л., 1991. С. 91.

Важно подчеркнуть, что вышеуказанные характеристики консерватизма выступают в качестве типформирующих²⁵², в то время как содержание конкретных консервативных учений может изменяться и меняться в контексте тех или иных социально-экономических, политических и в целом конкретно-исторических условий, стоящих перед обществом проблем и цивилизационных вызовов. В консервативной программе обосновывается, что ни правовые институты, ни политические структуры, ни социально-экономическая деятельность не могут и не должны отрываться от культурных оснований, которые определяют их действие, назначение и роль в обществе. Более того, утверждается, что все эти институты, структуры и практики взаимодействия должны оцениваться (в аспекте эффективности, адекватности, устойчивости и пр.) с точки зрения целей и норм социально-культурной среды и имеющегося государственно-правового опыта нации²⁵³.

В этом плане идея симфоничности выступает тем идеальным образом и моделью, которые служат основанием не только для государственного строительства, но и для оценки системы публично-властной организации, легитимации отдельных органов власти, социально и юридически значимых действий, а также общей идейно-концептуальной матрицей осмысления и трактовки роли и значения государственно-церковных отношений в современном обществе. При этом в современных комплексных и фундаментальных исследованиях, посвященных развитию Российского государства, восприятию публично-властной организации массовым

²⁵² См. о типформирующих признаках консервативного мышления: Мамычев А. Ю. Государственная власть в политическом процессе современной России: теоретико-методологический аспект политической и социокультурной трансформации: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. С. 346–384.

²⁵³ Социологические исследования последних двадцати лет фиксируют преемственно воспроизводящееся отношение к государству, праву, власти, отражая практически неизменный пласт национального правосознания. Так, в настоящее время «в качестве ведущих парадигм массового общественного запроса сформировалась триада — благосостояние, порядок, социальная справедливость. Эта триада занимает ведущие позиции во всех электоральных группах и остается практически неизменной». Граждане новой России: как себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004): аналитический доклад. РАН ИКСИ. М., 2004. С. 122.

правосознанием, отмечается, что «поскольку образы власти складываются под воздействием традиций национальной политической культуры, тех архетипов, которые длительное время существуют в массовом сознании, то имеет смысл обратить внимание не только на образы существующей власти, но и на образы идеальной власти»²⁵⁴.

Таким образом, можно высказать следующее утверждение: в рамках современных консервативных государственно-правовых учений политико-правовые институты не имеют самостоятельной ценности в правосознании граждан, а легитимируются только в связке с базовыми социально-культурными и духовно-нравственными ценностями, для воплощения которых они и должны создаваться²⁵⁵.

В этом плане в современных консервативных учениях и доктринах обосновывается, что, как бы ни были масштабны и кардинальны реформационные процессы в государственно-правовой организации общества, влекущие за собой формирование новых институтов и институциональных комплексов (Г.Дж. Берман), «новоиспеченные» государственно-правовые режимы либо адаптируют традиционное обычное право, либо интегрируют этнокультуры в свое содержание, принципиально не меняя характер национального правосознания, властно-правового и обычно-правового взаимодействия.

Нивелирование национально-культурных идеалов организации публично-властного взаимодействия и институционально-нормативные заимствования без должной их правокультурной адаптации вызывают «имитационный эффект» на всех уровнях государственно-правовой организации общества. В этом плане представляются значимыми результаты социологических исследований, проведенных Левада-центром. Как показывают полученные данные, сегодня в российском обществе

²⁵⁴ Образы российской власти: от Ельцина до Путина / под ред. Е. Б. Шестопа. М., 2009. С. 13.

²⁵⁵ См.: Граждане новой России: как себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004)... С. 120.

имитируются и либерально-демократические реформы, и плюралистичность политической системы, и воплощение западноевропейских норм и стандартов демократизации, уважения к избирательным процедурам и пр.²⁵⁶

В то же время российские консерваторы не без оснований утверждают о том, что имитационные демократические эффекты в последнее время стали «затухать» в общественной практике, уступая место традиционным социокультурным и ценностно-нормативным моделям публично-властного взаимодействия. Это прежде всего относится к налаживанию взаимодействия государства и церкви, влиянию духовно-нравственных стандартов на деятельность отдельных органов и их должностных лиц.

Экспертные оценки и аналитические данные, отражающие характер и специфику развития российского общества, фиксируют воспроизводство базовых, стержневых элементов, устойчиво воспроизводящихся в национальном правосознании²⁵⁷. Именно эти устойчивые характеристики национальной правовой культуры и выступают ключевой проблематикой в современных консервативных государственно-правовых учениях:

- во-первых, отечественное право не осмысливается автономно от действующих в обществе иных устойчивых социально-нормативных регуляторов (обычного права, морали, национальных и этнокультурных традиций, религиозных норм и духовно-нравственных стандартов);
- во-вторых, государство в правосознании современных россиян – это не только конкретный властно-управленческий институт, а прежде всего

²⁵⁶ См.: Левада Ю. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российской трансформации // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1. С. 8–12; Власть и политика: институциональный вызов XXI века. Политическая наука: ежегодник – 2012. РАПН. М., 2012; Лапкин В. В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений: научная монография. М., 2012.

²⁵⁷ См.: Горшков М. К. Граждане новой России: к вопросу об устойчивости и изменчивости общественного менталитета: тезисы доклада на семинаре РАН. М., 2005; Попова О. В. Консервативные ценности в стереотипах политического сознания // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сборник статей. СПб., 2004. Вып. 1; Шестопал Е. Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Политические исследования. 2011. № 2.

определенный и целостный политико-правовой и национально-культурный образ жизни, отсюда главные задачи государства представляются в сохранении суверенности «русской цивилизации», а также совершенствовании социальной организации, симфонического взаимодействия между различными элементами общественной системы, что обеспечивается духовно-нравственными стандартами и ценностно-религиозными императивами;

– в-третьих, устойчивая идеократическая и ценностно-нормативная ориентация отечественного правосознания, которое проявляется в стремлении через различные политико-правовые учения и государственно-правовую практику сохранить базовые ценности и представления российского общества, обеспечивающие его единство и устойчивость в историческом развитии. Кроме того, это воспроизводство режима легитимации правовых и политических институтов, результатов юридической деятельности, отдельных органов и должностных лиц посредством соответствия высоким духовно-нравственным стандартам. Отсюда ориентация всех доктринально-программных положений современных государственно-правовых учений на определение и формулирование ценностно-нормативных оснований государства, его целей, задач и национально-культурных приоритетов развития.

Как указывалось выше, данные характеристики являются основополагающими «теоретико-практическими сюжетами» или, «центральными идеями», в современных консервативных государственно-правовых учениях, направленных на формулирование программных положений, связанных с совершенствованием и оптимизацией публично-властного взаимодействия в обществе. С определенной долей условности можно выделить шесть основных видов: православно-консервативные, традиционалистические, культур-цивилизационные, неоевразийские, гибридные (смешанные), постконсервативные (фрагментарные) и революционные консервативные государственно-правовые учения.

Следует отметить, что в указанных консервативных государственно-правовых учениях достаточно сложно определить конкретные типологические признаки, позволяющие четко отличить их друг от друга. Скорее, последние можно сгруппировать исходя из критерия общности «проживаемой и переживаемой ситуации» (формулировка, предложенная М.В. Ремизовым), а также ключевых принципов реорганизации государственно-правового пространства современной России.

Во-первых, эти традиционалистические консервативные учения ориентированы на восстановление традиционной православной мировоззренческой государственно-правовой парадигмы развития, которая строится на органичных (симфоничных) государственно-церковных отношениях, а также взаимном служении общим ценностно-нормативным основаниям российского общества. В данных учениях, как правило, в качестве ключевых легитимирующих оснований и доктринальной основы принимаются базовые принципы организации государственно-правовых отношений, свойственных монархической организации московского периода. При этом отстаивается ведущая роль в государственно-правовом развитии институтов церкви и государства, важное значение их тесного взаимодействия в обеспечении духовной, культурной и национальной безопасности.

Данная позиция обосновывается прежде всего тем, что православная религия и деятельность православной церкви имеет культуuroобразующий и государствообразующий характер. Церковь никогда не оставалась безучастной в вопросах, касающихся духовно-нравственного состояния российского общества и политической элиты. Вообще, традиционным консервативным государственно-правовым учениям характерны регрессивные доктринальные положения, согласно которым идеал политико-правовой и социальной организации с течением времени разрушается, и требуются значительные усилия или судьбоносные события для его восстановления. Так, этап формирования московской государственности в этих учениях понимается как

особый период судьбоносного выбора России, установившего на будущее особый уклад церковно-государственных отношений, политики и права, которые преемственно воспроизводятся различными поколениями.

Данный православный (принцип симфонии властей) властно-правовой архетип определяет уклад и конфигурацию в тех или иных периодах эволюции отечественной юридико-политической организации²⁵⁸.

При этом нельзя не упомянуть и о том, что симфонический консервативный архетип²⁵⁹ выступает также типформирующим элементом в отечественных государственно-правовых учениях, опосредующим характер и направленность развития публично-властных отношений (в системе личность – общество – государство или в аспекте отношений государство – церковь).

В.И. Спиридонов весьма справедливо отмечает, что «лейтмотивом этого выбора становится государство и государственная власть как главное действующее лицо и “мейнстрим” российского развития. Именно поэтому необходимо сконцентрировать исследовательский интерес в первую очередь на рассмотрении ведущих характеристик российской государственности как сложились в эпоху Московского царства и как они воспринимались в то время. Ибо именно эти значимые черты получили дальнейшее развитие и имели различные следствия для формирования специфически российского цивилизационного кода»²⁶⁰.

Обозначенные выше обстоятельства позволяют утверждать о том, что принцип симфонии властей (шире – идеи симфоничности в публично-

²⁵⁸ См. об этом более подробно: Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Манастирный А. В., Тюрин М. Е. Юридические архетипы в правовой политике России... С. 32–33.

²⁵⁹ Следует отметить, что в этом ракурсе достаточно сложно и аналитически невозможно отделить правокультурный генезис и эволюцию политико-правовой организации общества от религиозно-нравственного развития массового правосознания. Всякое выхолащивание культурных, религиозных и нравственных доминант ведет к упрощению и схематизации государственно-правового развития.

²⁶⁰ Спиридонова В. И. Московское царство как прообраз политических стратегий Российского государства // Политическая стратегия Российского государства как философская проблема / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В. Н. Шевченко. М., 2011. С. 89.

властном взаимодействии и служении) выступает в качестве основополагающего «национально-культурного кода» государственно-правовой трансформации, существенно влияющего (степень такого влияния, как отмечалось выше, в той или иной эпохе является разной) на специфику правового сознания и определяющего в том числе консервативный стиль юридического мышления и государствоведческого мировоззрения. Необходимо подчеркнуть, что в современных государственно-правовых учениях при обосновании последнего речь идет не о теократической государственности, а именно о национально-культурном прочтении принципа светскости как взаимного служения общим основаниям организации и духовно-культурного воспроизводства российского общества.

В рамках общей традиционалистской направленности консервативных учений развиваются различные государственно-правовые проекты и доктрины публично-властной организации российского общества. В их содержании обосновываются ключевые принципы организации и трансформации (позаппанной эволюции правовой системы, государственной организации, общественной системы, базирующейся на православных догматах, национально-культурных ценностях, традиционных духовно-нравственных стандартах, этнокультурном правосознании и обычаях) современной политико-правовой организации.

Так, одним из наиболее известных учений этого плана является «Просвещенный консерватизм». Его основные положения были сформулированы и опубликованы в работе Н.С. Михалкова «Право и правда. Манифест просвещенного консерватизма». В данном учении обосновывается необходимость:

- 1) возврата идеи симфонии в государственно-церковных отношениях;

2) воссоздания образа власти и сильного государства, служащего народу и отвечающего (принцип служения) за социально-экономическое, политическое, правовое, духовно-нравственное состояние народа;

3) воссоздания в современных условиях сословной организации общества и базирующегося на последней (как это обосновывается в политико-правовом учении Л.А. Тихомирова) всесословного и всенародного представительства.

Особую миссию в указанном учении несут, соответственно, церковные и государственные институты и структуры. При этом обосновывается, что все значимые социальные проекты и важнейшие реформы (политические, правовые, экономические, военные и пр.), направленные на совершенствование и развитие российского правового пространства и оптимизацию публично-властного взаимодействия, а также различных сфер народной жизнедеятельности, успешно реализовывались только тогда, когда они осуществлялись под руководством верховной власти. Эффективность и успешность последней главным образом связаны с гармонизацией (властной симфонией) государственного интереса, социальных потребностей и церковных духовно-нравственных стандартов²⁶¹.

В этом плане данное консервативное направление базируется на традиционной симфонической парадигме организации публично-властных отношений в обществе, которая требует симфонического взаимодействия верховной власти и церковных институтов, а также формирования просвещенной и «совестливой» (просвещенная) политической элиты, в задачи которых входит управление разнообразными социальными процессами в соответствии с нравственно обоснованным законом. В свою очередь, нравственными и правовой обязанностями граждан является

²⁶¹ См.: Михалков Н. С. Право и правда. Манифест просвещенного консерватизма. М., 2010 [Электронный ресурс]. URL: www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest/html (дата обращения: 14.07.2012).

требование полной поддержки властных институций, выработка таких личностных качеств как достойное подчинение авторитетной силе, строить взаимодействие друг с другом и различными общественными институциями, основанными на принципах «чести, признания долга, почитания ранга»²⁶².

Сторонники политико-правового учения «просвещенного консерватизма» предлагают помимо классических ветвей власти – законодательной, судебной и исполнительной – признать институт верховной власти, так как данный образ власти исторически адекватен, понятен и близок²⁶³.

В этом консервативно-правовом учении обосновывается, что согласно конституционно-правовой норме верховный правитель (Президент Российской Федерации) выступает ведущим политико-правовым институтом, главная функциональная обязанность которого заключается в обеспечении консолидации различных властных институций, действующих в обществе (светских и духовных), выступая «верховой объединительной властью». Кроме того, вторая важная функциональная обязанность данного конституционно-правового института состоит в осуществлении координирующей деятельности трех ветвей государственной власти (п. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации), а также в определении ключевых приоритетов и направлений внутренней и внешней политики государства (п. 3 ст. 80). Все эти представления и принципы, изложенные в действующей Конституции РФ, были достаточно подробно разработаны в отечественной дореволюционной юридической традиции²⁶⁴.

²⁶² Михалков Н. С. Право и правда. Манифест просвещенного консерватизма.

²⁶³ Причем, как отмечается, «в настоящее время он (прототип верховной власти. – Г.Н.) конституционно закреплён и представлен в должности Президента России» (Михалков Н. С. Право и Правда. Манифест Просвещенного Консерватизма...).

²⁶⁴ Схожая трактовка современного политического устройства встречается и в других современных традиционалистических монархических доктринах. См., например: Леонтьев М., Невзоров А. и др. Крепость «Россия». М., 2008; Русская доктрина (Сергиевский проект) / под ред. А. Б. Кобякова, В. В. Аверьянова. М., 2008.

В целом такая консервативно-правовая установка является устойчивой в истории отечественных политических и правовых учений, она преемственно воспроизводится даже в условиях кардинального реформирования и процессов либеральной модернизации (начала и конца XX века). В этой связи можно упомянуть о том, что отечественные дореволюционные правоведы выдвинули целую систему аргументации, согласно которой классические ветви власти (законодательная, исполнительная, судебная) носят «индивидуализированный характер». Данный принцип (разделения властей) требует «дополнительной системы» для устойчивого функционирования, он связан, как это ни парадоксально, с принципом (выраженным в том или ином государстве по-разному) симфонического единства. Иными словами, разделение властей должно основываться на конституционно-правовых механизмах гармонии функционирования всей системы государственной власти. Эту гармонию обеспечивает именно «верховная управительная власть» (термин, предложенный Л.А. Тихомировым). В свою очередь, симфоническое взаимодействие государства (прежде всего, «верховой управительной власти») и православной церкви создает не только публично-правовые, но и духовно-нравственные принципы и формы государственно-правового развития. Такое симфоническое взаимодействие обеспечивает также единство исторических и нравственных (или психологических, как у Л.И. Петражицкого и М.Н. Коркунова) принципов функционирования государственных институтов. Именно при таких политико-правовых условиях правовой строй, как отмечал видный дореволюционный юрист Н.А. Захаров, должен получить «правильное прогрессивное развитие», а система государственной власти – устойчивость и гармоничную связь с нуждами и потребностями общества и его традициями²⁶⁵.

²⁶⁵ См.: Захаров Н. А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 296.

Во-вторых, православная консервативно-правовая доктрина представляет собой систему учений, последовательно обосновывающих идею симфонии властей, взаимодействие церкви и государства, общества и личности в контексте служения христианским ценностно-нормативным основаниям российского общества и его национально-культурным основам²⁶⁶.

Следует отметить, что в православной консервативной доктрине обосновывается стратегия формирования новой модели симфонии властей, опирающейся на богословские и действующие светские правовые тексты, адекватной современным реалиям светской государственно-правовой организации. В этом аспекте методологически важно, по справедливому замечанию

А.М. Величко, что православная консервативная доктрина базируется на религиозных и правовых основаниях, отражает различную природу двух властей: «государство как форма устройства Богом человеческого общежития, наполнялась и дополнялась различным богословским и правовым содержанием в сменяющие друг друга исторические эпохи, служа инструментом Промысла Божия о спасении человека в конкретных исторических обстоятельствах»²⁶⁷.

²⁶⁶ Следует подчеркнуть, что здесь речь не идет о полной реставрации симфонической организации в публично-властной организации, которая была характерна византийской имперской системе и средневековой монархической государственности на Руси. Так, Патриарх Московский и всея Руси Алексей II данный факт разъяснял следующим образом: «... о симфонии в византийско-древнерусском смысле сегодня говорить не приходится. Однако это не значит, что Церковь и государство не должны искать согласия, партнерства, то есть, опять же, “симфонии”, в новых условиях. Нахождение согласия – нелегкий труд, но у Церкви есть желание и воля идти по этому пути». Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. В поисках симфонии (интервью) // Русский Дом. 2004. № 6.

²⁶⁷ Библейская философия права и власти / А. Величко, протоиерей Т. Фетисов. М., 2016. С. 53.

Важное значение при этом имеют Основы социальной концепции РПЦ²⁶⁸, которая обосновывает режим «церковно-государственного соработничества», отвечающего новым условиям развития государства, церкви, общества, личности. Известный церковный публицист диакон Андрей Кураев по этому поводу пишет, что «нынешняя модель (светская модель симфонии властей. – Г.Н.) отношений Церкви и государства сохранится надолго. Это модель нейтралитета... Для Православия – это впервые: Церковь, существующая в светском обществе. Только в этих условиях возможен диалог. Ведь когда Церковь и государство составляли единое целое, тогда не было места для диалога. Между левой рукой и правой рукой никакого диалога быть не может. Сегодня мы разделены (церковь и государства в светской модели государственно-правовой организации. – Г.Н.). А значит, должны узнать друг друга. Социальная концепция и есть наш рассказ светскому обществу о том, какими мы хотим видеть наши отношения»²⁶⁹.

Итак, в данном концептуальном и духовно-нравственном документе проводится исторический экскурс и осуществляется краткий анализ различных моделей симфонии властей, а также отмечается, что попытки выработать эффективный режим «государственно-церковного соработничества» начинались с идеалов византийской государственности, здесь: «принципы церковно-государственных отношений нашли свое выражение в канонах и государственных законах империи, отразились в святоотеческих писаниях»²⁷⁰. При этом суть данного государственно-правового режима состоит в формировании практик взаимной поддержки и взаимопомощи церкви и государства, а также взаимной ответственности друг

²⁶⁸ См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/> (дата обращения: 26.05.2017).

²⁶⁹ Кураев А. Ответы молодым. Саратов, 2005. С. 224–225.

²⁷⁰ См.: Кураев А. Ответы молодым... С. 224–225.

перед другом, перед Богом и обществом: «без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой...»²⁷¹.

Концепция формирует и описание модели церковно-государственных отношений, в котором должен учитываться предшествующий опыт развития и специфика современного периода, однако с сохранением общей социальной платформы служения – вечного спасения людей (обязанности церкви) и их земного благополучия (обязанности государства). При этом следует еще раз подчеркнуть, что принцип светскости устанавливает лишь разделение сфер властной компетенции и социально-властного воздействия на общественные процессы (светские и духовные), а также предполагает невмешательство государства и церкви во внутренние дела друг друга, что не отменяет, а, напротив, предполагает их сотрудничество и взаимодействие.

Кроме того, в основополагающем документе РПЦ, посвященном социальной концепции также определяются как общие параметры, так и основные направления развития режима «церковно-государственного соработничества» для современного периода²⁷².

В-третьих, эти культур-цивилизационные учения и доктрины закладывают в основу государственно-правового устройства, организации государственно-церковных отношений и геополитической доктрины развития современного Российского государства принцип симфоничности, который традиционно воспроизводится в качестве национально-культурного архетипа и цивилизационной модели развития.

В данных учениях и доктринах обосновывается ведущая роль российского социокультурного пространства в сохранении и распространении ценностно-нормативных и мировоззренческих основ восточно-христианской цивилизации²⁷³. Прежде всего, это модель

²⁷¹ Там же. С. 226

²⁷² См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви...

²⁷³ В этом заключается, по мнению Н. Я. Данилевского, одна из ведущих ролей того или иного культурно-исторического типа: «Народы каждого культурно-исторического типа не вообще трудятся; результаты их остаются собственностью всех других народов,

симфонической организации публично-властных отношений (определяющая не только характер государственно-церковных отношений, но также задающая духовные стандарты, нравственные ориентиры в публично-властном взаимодействии) и симфонии в общественной жизнедеятельности (выше обсуждалась модель симфонии этносов, которая выступает альтернативой универсалистской модели мультикультурности), а также соборная модель гражданского согласия и мира (выступающая альтернативой индивидуалистической западноевропейской модели). Последняя основана на «согласовании личного со всей совокупностью моментов, составляющих традицию сверхличного ряда. В соборности оригинальная индивидуальность поднимается на ступень духовного своеобразия, раскрывающего в себе сверхиндивидуальное, универсальное содержание, правду, более высокую и всеобъемлющую, чем ее отдельная самобытность. В такой самобытной индивидуальности раскрывается путь к глубинной сущности всякой иной индивидуальности, возникает база подлинного взаимопонимания личностей. Соборность есть не совокупность личностей, а сверхоригинальность личности, раскрытие сверхличного в личном и через личное начало»²⁷⁴.

Примером такой доктрины служит серия текстов, публикаций и официальных выступлений представителей «византийского клуба»²⁷⁵. Последний является международным проектом, объединяющим парламентариев, политологов, международников, историков, авторитетных религиозных деятелей и лидеров общественного мнения, цель деятельности которого заключается в отстаивании и укреплении в современном мире

достигших цивилизационного периода своего развития... Необходимость в перемене направления (в новом предмете деятельности) для того, чтобы прогресс мог продолжаться, составляет внутреннюю причину того, почему необходимо появление на историческом поприще новых народов с иным психическим строем – народов, составляющих самобытный культурно-исторический тип». Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 128.

²⁷⁴ Аверьянов В. В. Традиция и динамический консерватизм. М., 2012. С. 569.

²⁷⁵ См.: Международный византийский клуб [Электронный ресурс]. URL: <https://byzantclub.world/> (дата обращения: 27.12.2017).

ценностей восточно-христианской цивилизации: «Глава нашего государства стал единственным мировым лидером, который реально встал на защиту христиан. А возрождение великих русских святынь, – таких, как Морской собор в Кронштадте, Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, возрождение тысяч русских храмов, создание сотен новых епархий позволили Патриарху Кириллу придать Русской церкви статус бесспорного лидера мирового православия. Посещение и совместная молитва главы Российского государства и предстоятеля РПЦ вносит в уже сложившееся единство власти и Церкви мистическое измерение»²⁷⁶.

По заключению одного из координаторов этого проекта политолога С. Макарова, в настоящее время «Россия не на словах, а на деле демонстрирует преемственность византийской идеи «симфонии власти и Церкви... сегодня у всего христианского мира общие вызовы – это и “расхристианизация” целых государств, гонения на христиан не только в горячих точках планеты, но и в странах Европы, расцвет сект самого разного толка и, прежде всего, радикального. И объединение усилий Церкви и власти, всего христианского мира является необходимым условием для того, чтобы его ценности не ушли из нашей жизни». В этом плане Российское государство представляет на международной арене определенную синергию «двуначалия светской и духовной власти». Как отмечает руководитель департамента стран СНГ Института политических исследований А. Бычков, «сегодня эта модель государственного устройства – как некая космическая капсула, в которой великая древняя цивилизация передает свое послание современной России... как единственного церковно-политического образования, сохранившего в себе цивилизационную восточно-христианскую идентичность»²⁷⁷.

²⁷⁶ Афонская «симфония» Патриарха Кирилла и Владимира Путина // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/2016/05/28/afonskaya-simfoniya-patriarkha-kirilla-i-vladimira-putina.html> (дата обращения: 28.12.2017).

²⁷⁷ Афонская «симфония» Патриарха Кирилла и Владимира Путина...

Неоевразийские консервативные учения переосмысливают взгляды классического евразийства. Основой неоевразийской философии государства и права следует признать уверенность в «самобытности пути российской цивилизации, не имеющей аналогов ни на Западе, ни на Востоке. Эта самобытность берется как высшая ценность, которую необходимо всячески укреплять и защищать»²⁷⁸.

В рамках данного вида консерватизма в качестве ведущих государственно-правовых принципов развития выделяются:

- во-первых, общенациональное стремление к возрождению основополагающего значения российского народа²⁷⁹, мессианской роли государства и его институтов, важности православной веры и духовно-нравственных стандартов в юридико-политической деятельности;

- во-вторых, создание условий для развития и сбережения православного русского мира, а также уникальности этнокультур, проживающих на евразийском пространстве в условиях культурной глобализации;

- в-третьих, отражение в действующем законодательстве и в государственно-правовой практике классического принципа для консервативных учений – это формирование элитарного слоя общества, построенного на строгом отборе граждан на основе их личных нравственных и деловых качеств, патриотизма и аскетизма;

²⁷⁸ Дугин А. Г. Проект «Евразия». М., 2004. С. 216.

²⁷⁹ Следует обратить внимание на тот факт, что это не уникальная тенденция современного российского общества. Можно сказать, что это устойчивая направленность всех традиционных цивилизаций. Например, Си Цзиньпин на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая провозгласил начало «новой эры», «эпохи Фу син», которая знаменует собой новую модель социально-экономического и государственно-правового развития. Это направленность на «великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху» и неустанную борьбу «за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации», о фундаментальной роли КНР в развитии современного мира, международно-правового порядка. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 20.01.2018).

– в-четвертых, осуществление социальной политики государства, обеспечивающей солидарность и взаимоподдержку, сохранение, поддержка и развитие социально-ориентированных институтов (образования, пенсионного обеспечения, социальной помощи малоимущим, здравоохранения и пр.);

– в-пятых, в неоевразийском геополитическом и геояurigическом мышлении отбрасывается ключевой концепт для западноевропейского мышления – «государство-нация», который замещается понятием «государство-цивилизация», призванным отразить более устойчивые и обширные континентальные пространства²⁸⁰, характеризующиеся достаточно сложной системой культурных, этнополитических, религиозных, социально-экономических и прочих автономий (это своеобразный ответ на западноевропейскую теорию федерализма);

– в-шестых, в рамках правовой политики государства основной акцент делается на духовно-нравственных приоритетах, образовании и воспитании²⁸¹.

В евразийском правовом мышлении центральным смысловым ядром выступает убеждение в том, что каждый «настоящий» гражданин должен знать не только историю своей страны, но и быть глубоко верующим человеком²⁸².

В-четвертых, гибридные (смешанные) консервативные государственно-правовые учения связаны с формированием гибридного политико-правового

²⁸⁰ В данном положении развиваются идеи Н. Я. Данилевского о формировании единого славянского суперсоюзного государства на евразийском пространстве.

²⁸¹ Полноценные граждане в евразийском правовом мышлении – это те, у которых сформировано правильное правосознание (содержание которого определяется в полном соответствии с концепцией правового сознания дореволюционного русского юриста И. А. Ильина), патриотическое отношение к национальной культуре и ее феноменам (государству, праву, власти и т. п.), духовно-нравственные стандарты личности, солидаристское отношение к обществу, обладание развитым религиозно-правовым мышлением и т. д.

²⁸² Так, «евразийцы считают, то последовательные патриоты и настоящие полноценные граждане нашего Отечества должны исповедовать одну из традиционных религий. Евразийское движение – движение традиционалистов, верующих людей или (по меньшей мере) тех, кто находится на пути к традиции...» (Дугин А. Г. Проект «Евразия»... С. 248).

мировоззрения, сочетающего в себе идеи и главные принципы современных и устойчивых социокультурных ценностей, традиционных представлений и национально-культурных идеалов. К таким учениям можно отнести государственно-правовые проекты, создаваемые на стыке официальной властной идеологии и консервативных ценностно-нормативных установок. Как правило, это происходит с целью соединения модернизационных установок и устойчивых национально-культурных доминант развития российского общества.

Например, сегодня в рамках официальной государственно-правовой доктрины не только предпринимаются попытки сочетания, но и гармонизации целого сектора идей, ценностей, установок и пр. Так, в качестве ценностно-нормативных оснований развития государства, общества, правовой системы, с одной стороны, выступает свобода, равенство, справедливость, прогресс и инновации, а с другой – системное обращение к прошлому как ключевому фактору и источнику будущих национальных достижений. Кроме того, обосновывается необходимость создания государства с современными прорывными идеями и ценностями инновационного развития, православной верой, сохранением нравственных стандартов, защитой человеческого достоинства, патриотизмом и достаточно условно – совмещения разновекторных оснований в правовой политике государства: ориентация на индивидуалистическую культуру и духовно-нравственные стандарты, новые и традиционные формы публично-властного взаимодействия.

В то же время гармонизация (или, как отмечают консерваторы, «симфония идей и программ развития») традиционных и современных ценностно-нормативных оснований, по нашему убеждению, выглядит достаточно адекватной и приемлемой, в полной мере характеризующей современное правосознание российских граждан, их ценностно-нормативные

предпочтения и социальные ожидания. Такая правовая политика гармонизации консервативного и модернизационного развития позволяет, с одной стороны, поддерживать межпоколенческую связь и сохранить механизм эволюционного правокультурного развития, а с другой – обеспечивать соответствие отечественного государственно-правового пространства международно-правовым стандартам²⁸³. К ним относится «синтетическая модель» консервативного стиля государственно-правового мышления, интегрирующего инновации и устойчивые духовно-нравственные доминанты развития российского общества. Вышесказанное подтверждают и данные социологических исследований, согласно которым в правосознании российских граждан доминируют как либерально-индивидуалистические (38 % респондентов), так и авторитарно-коммунитаристские (37 %) политико-правовые ценности. Кроме того, более 18 % опрошенных фиксируют смешанные политические и правовые взгляды и идеи, то есть сочетающие в себе как правые, так и левые политические установки²⁸⁴.

Необходимо иметь в виду, что на постсоветском пространстве отсутствует единство, происходит поиск идеологических оснований, на который оказывают существенное влияние политическая конъюнктура и мировые политические процессы. Так, в официальной консервативной программе выделяется четыре основных доктринально-программных положения:

1) обеспечение силы и стабильности государственно-правовой организации. При этом сила государства трактуется в инструментальном

²⁸³ См., например, о соединении в современном правовом сознании модерновых и консервативных идей, представлений, ценностей и их влиянии на понимание и оценку государственно-правовых явлений и процессов: Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М., Курильски-Ожвэн Ш. Образ и опыт права: правовая социализация в изменяющейся России. М., 2008; Тихонова Н. Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность. 2001. № 3; Шеренги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. СПб., 2002.

²⁸⁴ См. об этом более подробно: Шестопап Е. Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами... С. 20.

смысле, а не в смысле социальной справедливости, правопорядка и режима законности, устойчивой эволюции отечественного государственно-правового пространства;

2) модель «суверенной демократии», в основном ориентированная не на внутривнутриполитические процессы, а на международную политику государства. Консервативные программы обосновывают независимость политики Российского государства, суверенность духовно-нравственного уклада, самостоятельную позицию на международной арене;

3) программа «социального консерватизма», обосновывающая современные ключевые ценности развития Российского государства и общества, роль православной церкви и иных традиционных религий в трансформации общественной системы в XXI веке;

4) охранительный консерватизм. Общая направленность данных консервативных государственно-правовых учений заключается в том, что в них «идейно-концептуальным основанием» для теоретических и доктринально-программных положений выступают базовые (неизменные) ценности и доминирующие национально-культурные идеалы. При этом все, что угрожает или противоречит таким базовым ценностям и принципам государственно-правового развития, полностью и решительно отвергается.

Следует также подчеркнуть, что отличительной характеристикой указанных консервативных учений является то, что всегда обосновывалась логическая и идейная взаимосвязь между различными официальными версиями программ государственно-правового развития. Так, в публичной риторике и в официальных текстах (программных статьях, доктринах, официальных заявлениях и т. п.) четко прослеживается логическая связь между последовательной сменой одной официальной консервативной доктрины на другую, а в ряде случаев вообще обосновывается синтетический подход к этой доктринально-программной эволюции (совмещение традиционных и инновационных идей, консервативных и модернизационных ценностей) к государственно-правовому развитию современной России. Подобный стиль

официальных консервативных программ, по справедливому замечанию В.Н. Лескина, направлен на выработку нового, адекватного прошлому, современному состоянию и будущим задачам, а также на достижение гармонии как между разнообразными интересами свободной личности, так и между интересами государства²⁸⁵.

В-пятых, эта постконсервативная (фрагментарная) государственно-правовая ориентация представляет собой именно консервативную ориентированность в государственно-правовом мышлении, а не строгое учение, поскольку она ближе по своей структуре и системе аргументирования к социальной технологии, то есть является «технологическим вариантом» общенациональной стратегии государственно-правового развития. При этом существенная и отличительная черта последнего заключается в том, что данная консервативная ориентация создается в качестве «смыслового коктейля», который сочетает разнообразные элементы старых верований, традиционных ценностей, религиозно-культурных доминант общества и новейших идеологических конструкций²⁸⁶.

Другими словами, это умело «сшитое» (из различных идей, концептов, доктринальных положений и пр.) и фрагментарное неоконсервативное учение, обосновывающее специфический доктринально-программный проект государственно-правовой трансформации российского общества в XXI веке. Данный проект со всей очевидностью базируется как на традиционной ценностно-нормативной основе (правокультурной и государствоведческой традиций), так и на современных мировоззренческих доминантах, ценностях и потребностях. При этом технология фрагментации позволяет легко адаптировать предлагаемые государственно-правовые программы к всевозможным политическим конъюнктурам, мировоззренческим

²⁸⁵ См.: Лескин В. Н. Консерватизм как иммунная система современности // Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива: материалы научного семинара. М., 2010. Вып. 3. С. 76.

²⁸⁶ Россия: мониторинг, анализ, прогноз. М.: НИИСС. 1996. № 5 [Электронный ресурс]. URL: www.vybory.ru/sociology/issled.php3?id_1half1996_sozdanie.html (дата обращения: 17.07.2012).

установкам, социальным предпочтениям, которые действуют в современном российском обществе, а также «гармонизировать» с глобальной трансформацией международных трендов развития и внутривнутриполитическими проблемами, потребностями.

Постконсервативный стиль государственно-правового мышления представлен здесь в качестве мозаичного и контекстуального подхода к организации публично-властного взаимодействия между всеми значимыми субъектами правовой жизни общества (государством, церковью, институтами гражданского общества, личности). По справедливому замечанию Т.П. Вязовика, постконсерватизм является рационально-технологическим конструктором, так как он создается (складывается, или «сшивается») из различных концепций и идеологических доктрин, содержащих разные ценностно-нормативные системы²⁸⁷.

Примером этого доктринально-программного неоконсервативного проекта может служить серия публикаций под общим названием «Проект Россия». Данное современное консервативное учение, разрабатываемое целым коллективом авторов, имеет преимущественно анонимный характер²⁸⁸. Общая идейно-концептуальная линия здесь связывается с жизненной необходимостью для российского общества формирования особой идеационно-ориентированой социальной организации и реализации проекта «идеократической государственно-правовой организации».

Отличие идеационности (термин, предложенный П.А. Сорокиным) в социальных отношениях и государственно-правовой организации состоит в том, что последние основаны на традиционалистическом мировоззрении и консервативных духовно-нравственных убеждениях, в которых властно-иерархическое построение конструируется от духовного к мирскому, а

²⁸⁷ См.: Вязовик Т. П. Попытки консервативного синтеза в постсоветском идейном пространстве // Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. М., 2011. С. 87.

²⁸⁸ См.: Проект Россия. Первая книга. М., 2005; Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М., 2007; Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. М., 2009; Проект Россия. Четвертая книга. Большая идея. М., 2010.

ценностно-нормативная иерархия устремлена не к обыденной (повседневной) практике, а к сверхчувственному, метаюридическому основанию общественной организации. В свою очередь, идеационное государственно-правовое мышление характеризуется преобладанием идеациональной этики, которая постулирует пренебрежительное отношение к любым повседневным социально-нормативным регуляторам, земным политическим идеалам, мирским ценностям, материальным благам и т. п.²⁸⁹

Здесь доминирующей формой легитимации политических и правовых институтов, результатов юридической деятельности и других социально значимых действий и управленческих решений является теократический режим. Сплав православной ценностно-нормативной системы и рационально-сконструированной политической идеологии образует совершенно новый феномен – религиозно-идеологический субстрат²⁹⁰.

Кроме того, этот новый «религиозно-идеологический субстрат» предполагает симфоническую форму государственно-правовой и социально-духовной организации. Данная форма стремится сформировать универсальную христианско-консервативную «неотеократическую» публично-властную организацию, при которой верховная власть и отдельные органы публичной власти согласовывают и гармонизируют цели и направления своей деятельности с церковью и универсальными духовно-нравственными нормами и стандартами жизнедеятельности. При такой политической и правовой организации общества «не будет довлеть власть, влезавшая в принятие решений, исходя из политических, а не духовных

²⁸⁹ См. более подробно об этом: Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 334–335.

²⁹⁰ Создатели постконсервативного проекта позиционируют себя именно в качестве авторов принципиально нового консервативного учения, которое не продолжает и не развивает какие-либо предшествующие версии консерватизма: «Мы предлагаем новое на мировоззренческом уровне. Это не усовершенствование потребительской системы и не строительство нового мира. Это ковчег, в котором спасется тот, кто захочет, перед неминуемым крахом современности». Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. М., 2009. С. 20.

соображений... на этом Соборе будут руководствоваться только вопросами веры, и ничем больше. Это будет Собор уровня первых христиан»²⁹¹.

Из традиционалистских консервативных государственно-правовых учений постконсерватизм присваивает традиционную идею сословной организации всего общества. Это обосновывается тем, что только духовно, интеллектуально и нравственно подготовленный политический элитарный класс может двигать историю, а остальные – лишь «овцы», которые следуют за пастырем²⁹². В связи с этим утверждается, что область высоких государственных идей и общественных идеалов развития – это не компетенция большинства населения, а обязанность весьма узкого круга меньшинства. В постконсерватизме негативно оценивается православный принцип социально-правового служения.

Данный принцип, по заключению авторов проекта, выражается преимущественно в форме инстинктов правосознания, то есть не наполнен конкретным содержанием, но направляет развитие государственно-правового мышления в определенное русло. Поэтому он по своей сути является вариантом пустого и бесполезного в жизни конкретного общества. В то же время, по мнению приверженцев постконсерватизма, идейные основания указанного принципа не лишены практического смысла, поскольку могут быть применимы для построения универсальной (а далее, возможно, и глобальной) консервативно-христианской публично-властной организации (опирающейся на идею симфонии светской и духовной власти), то есть большинство людей, институтов (политических, юридических, культурных и т. п.) должно служить идейно подготовленному меньшинству.

Из иных консервативных государственно-правовых учений заимствуется идея об особом предназначении русского народа, его

²⁹¹ Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие... С. 236.

²⁹² Данное утверждение выражается в достаточно яркой и емкой формулировке: «элита способна умереть за свои убеждения. Масса – нет. Ее максимум – инстинкты» (Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие... С. 240).

мессианском характере и ведущей роли православной церкви²⁹³. В постконсерватизме укореняется мысль о том, что сегодня лишь русская нация и православная церковь сохраняют «огонек духовности» и веру в сверхчеловеческие ценностно-нормативные основы общественной организации.

В этом смысле русская история и русский народ выступают «оптимальным человеческим материалом», пригодным в плане строительства принципиально нового (в отличие от западной модели потребительского капитализма) христианско-консервативного проекта, новой модели публично-властной организации, основанной на симфоничном взаимодействии государственной власти и церкви, теонормативном опосредовании общественного взаимодействия и неосословной организации общества.

В-шестых, это революционная консервативная государственно-правовая ориентация, которая является результатом консервативного государственно-правового мышления²⁹⁴, поскольку он выступает своеобразной «национально-культурной реакцией» российского правосознания на процессы радикальной либерализации и западноевропейской демократической ломки отечественной политико-правовой организации²⁹⁵. При этом в данной консервативной государственно-правовой ориентации не предлагается конкретных

²⁹³ Следующим образом формулируют эту мессианскую идею анонимные авторы: «каждому делу соответствует один народ и менее – другой», «каждой идеи служит только одна универсальная религиозная основа».

²⁹⁴ Более подробно о сущности, значении и содержании «консервативной революции» см.: Ремизов М. Опыт консервативной критики. М., 2002; Он же. Консервативная мысль в поисках «арены истории» // Логос. 2002. № 5–6; Он же. Опыт типологии консерватизма // Логос. 2005. № 5 (50).

²⁹⁵ Справедливо в этом плане отмечает Б. Межуев, что «мировоззрение в духе “консервативной революции” направлено не столько против метафизических “врагов”, сколько против либерального кредо, в котором отсутствует политическая субъективность и мобилизационный пафос». Из этого происходит современная «неудовлетворенность миром, в котором все исходят из неких абстрактных правовых норм и в котором нет места политическому субъекту, способному взять на себя ответственность за принятое решение» (Межуев Б. Американский фундаментализм и русская «консервативная революция» // Логос. 2003. № 1 (36). С. 106).

доктринально-программных положений трансформации современного Российского государства и совершенствования публично-правовых отношений в системе личность – общество – государство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая исследование, мы приходим к ряду различных выводов и умозаключений. Прежде всего, хотелось бы отметить, что обвинения Византии в цезарепапизме являются беспочвенными: он более органичен западноевропейскому мировоззрению. Западноевропейская правовая мысль в эпоху Средневековья вначале обосновывала единство, а после Реформации подвергла аналитическому разделению церковь и государство. Государство с помощью протестантов легитимизировало свой авторитет в отношениях с Римом, а взамен предоставило им свое покровительство. Некоторые исследователи находят теоретические предпосылки цезарепапизма в трудах Н.А. Захарова, К.П. Победоносцева, Л.А. Тихомирова, однако эти «находки» представляются следствием определенной интенциональности, предзаданности политического и правового мышления. С точки зрения права в Российской империи был реализован принцип симфонии, а не цезарепапизма – в юридических документах концепция симфонии властей характеризуется признанием канонов церкви частью законодательства.

В своем идеальном варианте идея симфонии властей – идея сотрудничества и взаимной поддержки без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой в общем деле спасения во Христе. Без общей цели невозможно вести речь о симфонии властей. Происходит эта идея из Византии. Имперская власть мыслилась священной еще в дохристианские времена, однако ее основа – идея служения, космополитическая идея глобальной государственности. Благодаря христианству имперская идея получила духовно-нравственное обоснование.

Для обеспечения единства империи, сосредоточившей в своих границах различные народы, необходимой являлась идея единого нравственного

основания, обеспечивающего легитимность власти: христианство стало основой для построения нового государства, новой империи, в которой сакральный и правовой статус империи был единым, нераздельным, симфоническим. Особенностью Восточной римской империи выступало то, что государство и церковь мыслились как тело и душа (Эпанагога). Однако на Западе в трудах блаженного Августина они рассматривались как два противоположных царства.

Идея симфонии властей Юстиниана Великого явилась результатом воцерковления государства. Нельзя отождествлять отношения священства и царства с отношениями церкви и государства. В Византии не проводилось разделения между царской и духовной властью, но оно имело место между властью царства и священства. Между тем царь воспринимался как первосвященник.

Анализ влияния идеи симфонии властей на право и правосудие, правопонимание и правовую культуру также позволил нам сделать ряд важных выводов. Принцип симфонии государственной и церковной власти получил свое закрепление в Дигестах Юстиниана несколько позднее, чем он фактически стал действовать. Впервые его действие проявилось в правотворческих инициативах императора Константина Великого, который еще в первой половине IV столетия начал преобразование классических стандартов государства и права Древнего Рима под влиянием новой государственной религии Рима – христианства. Благодаря христианству под страхом смертной казни запрещалось делать доносы, не разрешалось ставить клейма на лица преступников; использовать распятие как вид смертной казни, отдавание в гладиаторы или на съедение диким зверям.

Система римского права получала Божественное благословение. Это же благословение распространилось и на Римское государство, которое с момента признания христианства государственной религией стало беспокоиться не только о безопасности и стабильности власти, но и о спасении подданных. Император выступал защитником истинной веры, «удерживающим» от последних времен царем. Римское право также должно

было обеспечивать торжество христианства на земле. Это требовало присутствия в его нормах христианского нравственного идеала и законодательной защиты основных истин христианской веры. И если церковь могла существовать и без государственной поддержки, то государство без христианского идеала власти и закона превращалось в хищника. Право, базирующееся на нравственных ценностях, приобретало особую силу, важную для государства нравственную легитимность, а церковные догмы – юридическую защиту.

Право получило в этот период свою идею, смысл и цель. Теперь его задачей было установление Божественной справедливости во всей Римской империи, которая должна была объединить в лоне церкви все народы земли. Право и закон стали восприниматься как органическая часть Божественного мироустройства, орудие Божие, средство установления Божественной справедливости и порядка. Высшее предназначение права видится в исполнении Божественного промысла о человеке и человечестве в домостроительстве Вселенской церкви Христа.

В функции царской власти входили и задачи разрешения конфликтов между законами и справедливостью. Царь следил, чтобы законы принимались без нарушения принципов Божественной справедливости. Антиохийский патриарх Феодор IV Вальсамон и Болгарский архиепископ Димитрий Хоматин (XIII в.) полагали, что царь не подлежит ни законам, ни правилам, то есть находится выше них. Церковные, или епископские, суды функционировали для решения споров между священнослужителями, христианами, а также рассмотрения вопросов, связанных с православной верой, богослужебными делами. В случае возникновения вероисповедных и моральных споров церковной юрисдикции подлежали все миряне, включая императора.

Рецепция идеи симфонии властей происходила в России под влиянием исторических преданий о царской власти Византии, а также под давлением прозелитизма латинской церкви: и церковь, и государство были едины в

стремлении защитить основы веры. При этом идея симфонии властей из плоскости церковно-государственных, царско-священнических отношений в силу самобытности отечественной культуры была перенесена на весь государственный строй, что требовало теоретического обоснования в политико-правовых трактатах, сочинениях и документах необходимости государственно-правовой реализации принципа соборной симфоничности в жизни общества от рядового обывателя до монарха. Юридическим отражением идеи симфонии властей в правовых взглядах русских мыслителей послужила категория «правообязанность». Именно правообязанностями являлись полномочия русских князей.

В сочинении митрополита Илариона идея симфонии власти, церкви и государства получила свое отражение через образ Святой Троицы. Своеобразным ее преломлением в трактате мыслителя можно считать принцип единства права и нравственности. В политико-территориальном аспекте государственность России строилась на принципе единства (симфонии) земли русской, пространственно-временной и организационно-правовой симфонической целостности публичной власти.

Благодаря идее симфонии властей и под ее воздействием основой государственности России стала выступать идея государственного служения и духовно-нравственного самоограничения во имя Бога, церкви, Отечества. Принципы легитимации власти строились на ниве ее духовно-нравственного служения Богу и церкви.

Принцип симфонии властей, государства, церкви был полжен в основу «живой» неписаной конституции Московского государства, а религиозно-нравственные заповеди определили пределы функционирования верховной власти.

У Даниила Заточника принцип симфонии распространился и на совет думцев с великим князем, управлявшим государством. Важнейшим методологическим принципом понимания истории русской государственно-правовой мысли и истории государства и права необходимо считать единство

религиозных и политико-правовых понятий, идей, ценностей в формировании отечественной правовой культуры.

Именно идея симфонии властей спасала от гибели Русь. В Смутное время именно церковь во главе с патриархом Ермогеном сохранила верность идее симфонии властей и спасла государство. Система монастырей позволила объединить Русскую землю территориально.

В России идея симфонии стала восприниматься шире, чем идея симфонии властей, она зарождала принцип служения, а также принцип империи. В целом византийская идея симфонии властей выступила для отечественного правосознания не привнесенным, не чужеродным элементом, а идейно-организующей основой развития государственной идеологии в средневековой Руси.

Идея симфонии властей выступила базовым «юридическим архетипом» в организации и эволюции отечественных государственно-правовых учений, основополагающей идейно-концептуальной матрицей в формировании доктринальных и программных положений, связанных с организацией и совершенствованием государственной власти, несмотря на то, что «совоплощение» церкви и государства происходило не ровно и не безболезненно. Кардинальные изменения в государственно-правовой организации приводили и к весьма острым конфликтам, например, выражавшимся во внутрицерковной политико-правовой полемике нестяжателей и иосифлян, «политическом диспуте» Ивана Грозного и А.М. Курбского. Представители и первой, и второй позиции не видели как полного слияния государства и церкви, так и отстранения духовенства от государственной жизни, а также реализации западной модели папоцезаризма или цезарепапизма.

Проблематика симфоничности Божественной первоформы и публично-властной организации (светских исходных планов организации) стала ведущей в развитии средневековой политико-правовой мысли. В Средневековье это было общей идейно-концептуальной основой различных политических и

правовых учений. В свою очередь, видовым развитием данной общей идейной и нормативной основы являлся принцип симфонии властей, гармонизировавший взаимодействие и взаимопомощь светской и духовной власти в реализации изначального Божественного плана, первоформы.

Церковь осуществляла теонормативный контроль за деятельностью светской власти, легитимировала (или делегитимировала) властно-управленческую деятельность, конкретное публично-властное решение или их результат. В то же время светская власть участвовала в регламентации церковной жизни, утверждала и подкрепляла (или отменяла) те или иные церковные каноны, положения канонического права.

В этом плане взаимодействие, сотрудничество, «функциональное разделение», взаимное уравнивание и контроль за деятельностью друг друга связывались общей идеей взаимного служения двух верховных властей. На это, в принципе, указывает и сам термин «симфония», или согласие (от греч. – *symphonia*, *sym* – вместе, *phonia* – звук, то есть созвучие). Иными словами, каждая власть действует по-своему, имеет свой арсенал форм и способов реализации Божественной первоформы, то есть звучит по-разному в публичной организации, каждая по своей природе, по своему назначению и замыслу, но одновременно, вместе, осуществляя общий режим служения.

При этом следует отметить одну важную деталь, которую практически не принимают во внимание исследователи правовых учений и идеологии Московского государства: принцип симфонии распространялся не только на организацию государственно-церковных отношений или шире – публичной власти, но и на функционирование каждого из данных институтов внутри них (государство и церковь). Это предполагало, с одной стороны, существование идеи симфоничного христианского служения Богу через надлежащее исполнение своих государственных и (или) церковных обязанностей, а с другой – симфоничности светских и религиозно-

нравственных «служивых обязанностей» каждой власти в реализации своих публично-властных функций.

Сегодня с уверенностью можно утверждать, что принцип симфоничности не только стал фундаментальным основанием формирования и развития государственной идеологии Московского государства, а также идеократической легитимации публично-властных решений и действий высших органов государственной власти, но и на многие годы выступил устойчивым социокультурным вектором развития отечественного правосознания и государственного строительства.

Доктрина «Москва – Третий Рим» сформировала имперский государственно-правовой архетип как общую форму и контекст внешней и внутренней политики государства, который в различные эпохи имел разное содержательное наполнение, сохраняя общую стержневую идейно-концептуальную основу миссионерства государства. Эта идея представляла собой результат геополитического осмысления симфонии церкви и государства в контексте христианского имперского универсализма.

С позиции идеи симфоничности следует подходить и к известной дискуссии, развернувшейся на страницах национальной государственно-правовой и религиозной литературы между иосифлянами и заволжанцами (нестяжателями). Если рассматривать стяжательско-нестяжательский спор именно в этом аспекте, то собственно политического конфликта или сущностных противоречий в обосновании векторов государственного строительства не возникало.

Нил Сорский и Иосиф Волоцкий впервые в политико-правовой мысли обосновывали режим взаимодействия и различия в государственно-церковных отношениях, духовно-нравственные и светские стандарты управленческой деятельности монарха, а также возможности критического отношения как к личности последнего, так и к формам, способам и целям его деятельности.

Н.А. Бердяев обосновывал прямые сопоставления между идеями симфоничности, духовности и светскости, истиной и законом (в духе киевского митрополита Илариона) с коммунистической этикой, «Кодексом строителя коммунизма» с христианской ценностно-нормативной системой. После эпохи Петра I идея симфонии властей выступила базовым «юридическим архетипом» в формировании и эволюции отечественных государственно-правовых учений, основополагающей идейно-концептуальной матрицей в построении доктринальных и программных положений, связанных с организацией и совершенствованием государственной власти. Именно ей обязана своим возникновением знаменитая формула «Православие. Самодержавие. Народность».

Идея симфонии в отечественном правосознании, современных государственно-правовых и религиозно-нравственных учениях воспринимается в качестве широкого концепта, не сводящегося исключительно к византийской модели государственно-церковных отношений. Именно это обстоятельство и позволяет рассматривать симфонию в качестве идейно-концептуальной и доктринальной основы развития консервативных государственно-правовых учений. Идея симфонии властей в русском правосознании значительно глубже и шире конкретно-исторической византийской модели и связана с идеями соборности, нравственного служения, публично-властного взаимодействия. Если в Византии она была лишь одним из элементов сложившегося ансамбля политических, правовых и религиозных ценностей, то для России она являлась государствообразующей.

В этом плане можно обратить внимание на авторитетную исследовательскую платформу русского консервативного сообщества «Изборский клуб», в рамках которой выходят в свет фундаментальные монографические издания, проводятся общероссийские и международные круглые столы, дискуссионные заседания. В рамках данной платформы разработана и вынесена на общественное обсуждение доктрина Русского

мира, в содержании которой идея симфонии интерпретируется и в контексте глобального мироустройства, и в аспекте внутригосударственной организации публично-властного взаимодействия.

Русские консерваторы неоднократно подчеркивали тот факт, что правовой институт главы государства имеет свои национально-культурные традиции, которые были сформированы государственно-правовой идеологией Московского царства, а сам институт верховного главы государства концептуально опирался на национальную теорию симфонии властей. Можно проследить устойчивую преемственность роли и значения верховного властителя, теоретически описанную в рамках модели симфонии властей, и политико-правового статуса главы государства в различные периоды государственно-правовой эволюции российского общества.

Идея симфонии властей привнесла в государственно-правовую организацию России не только определенную модель построения государственно-церковных отношений, но и принцип гармонического сочетания интересов, распределения ответственности. Она выступает в качестве устойчивого национально-культурного идеала (ценностно-нормативного основания) и идейно-концептуальной (доктринально-правовой) основы, являясь значимым элементом отечественного правосознания.

В рамках современных консервативных государственно-правовых учений политико-правовые институты рассматриваются как не имеющие самостоятельной ценности в правосознании граждан, а легитимируются только в связке с базовыми социально-культурными и духовно-нравственными ценностями, для воплощения которых они и должны создаваться

Ориентация консервативных доктринально-программных положений современных государственно-правовых учений опирается на определение и формулирование ценностно-нормативных оснований государства, его целей,

задач и национально-культурных приоритетов развития. По нашему мнению, эти тенденции являются результатом архетипа симфонии властей.

С определенной долей условности современные консервативные государственно-правовые учения, в которых фигурирует тема симфонии властей, можно разделить на шесть основных групп: традиционалистические, православно-консервативные, культур-цивилизационные, неоевразийские, гибридные (смешанные), постконсервативные (фрагментарные) и революционные консервативные государственно-правовые учения.

Принципиальная отличительная черта традиционных государственно-правовых учений заключается в том, что политическая и правовая организация должна базироваться на совокупности объективно существующих религиозных и духовно-нравственных ценностей, а также исторических факторов (национально-культурных доминантах развития), которые интерпретируются с помощью системы православных идеалов и идей.

В этом традиционном контексте государство и церковь призваны симфонически служить этим общим основаниям, сложившимся в ходе внутренней, духовной жизни общества, поскольку «право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и ради духа», – отмечал И.А. Ильин. Следование (симфоническое служение) данным общим основаниям российской цивилизационной модели и выступает ключевой обязанностью государства и церкви.

Необходимо подчеркнуть, что в современных государственно-правовых учениях при обосновании последнего речь идет не о теократической государственности, а национально-культурном прочтении принципа светскости как взаимного служения общим основаниям организации и духовно-культурного воспроизводства российского общества.

По мнению отечественных дореволюционных правоведов, все три ветви власти, которые составляют основу жизнедеятельности любого государства, носят «индивидуальный характер», но их устойчивое

функционирование возможно только в рамках симфонического единства, то есть должно базироваться на гармонии различных властей. Эту гармонию обеспечивает именно «верховная управительная власть» (термин, предложенный Л.А. Тихомировым).

Идея симфонии ветвей власти требует отдельного изучения не только в контексте политической реальности, но и в русле проблем, связанных с взаимоотношениями личности и общества, гражданского общества и государства, титульных наций и этнических групп.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru> (дата обращения: 20.05.2017).

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.05.2017).

3. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в послед. ред. и изм., внесенными от 01.06.2017 № 104-ФЗ, с изм., внесенными постановлениями Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П, от 12.04.2002 № 9-П) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.05.2017).

4. Федеральный закон Российской Федерации № 178-ФЗ от 17.07.1999 «О государственной социальной помощи» (в ред. от 19.12.2016 № 454-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.05.2017).

5. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.05.2012).

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.05.2017).

Литература

7. Аверьянов В. В. Традиция и динамический консерватизм. М.: Центральный издательский дом, 2012. 696 с.

8. Алексеев А. В. К вопросу о положении Православной Церкви в Российском государстве к началу XX века // История государства и права. 2008. № 3. – С.18-20.

9. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.

10. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково Поле, 2016. 160 с.

11. Андреев Д. Ф., Бордюгов Г. А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. М.; СПб.: Фонд Ф.Науманна, 2004. 435 с.

12. Андреева Л. А. Религия и власть в России: религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М.: Ладомир, 2001. 253 с.

13. Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М.: Ладомир, 2007 304 с.

14. Андриянов В. Н. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей // Вестник ТГУ. 2009. № 2. С.73-78.

15. Арановский К. В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право // Правоведение. 2003. № 6. С.185-183.

16. Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М., Курильски-Ожвэн Ш. Образ и опыт права: правовая социализация в изменяющейся России. М.: Весь мир, 2008. – 208 с.

17. Асмус В. Церковные полномочия византийских императоров // Православная государственность: 12 писем об империи. СПб.: Издательство юридического института, 2003. 304 с.
18. Афанасьев Н. Церковь Духа Святого. Рига: Балто-Славянское общество культурного развития и сотрудничества, 1994.– 278 с.
19. Афонская «симфония» Патриарха Кирилла и Владимира Путина // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/2016/05/28/afonskaya-simfoniya-patriarkha-kirilla-i-vladimira-putina.html> (дата обращения: 28.12.2017).
20. Баранов П. П. Совершенствование конституционно-правовых основ функционирования Русской православной церкви и гражданского общества // Философия права. 2012. № 4 (53). – С.51-57.
21. Баранов П. П., Горшколепов А. А. Верховная власть как идеалопологающий элемент государственности // Философия права. 2002. № 1. – С.21-27.
22. Бачинин В. Общественные грехи византизма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1934>
23. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., Юридический центр Пресс, 2006. 1081 с.
24. Белов С. О симфонии властей в русском державном домостроительстве [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/09/14/o_simfonii_vlastej_v_russkom_derzhavnom_domostroitel_stve/ (дата обращения: 20.05.2017).
25. Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Казань, Типо-лит. Имп. ун-та, 1903. 356 с.
26. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. Наука, 1990. 224 с.
27. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М. Канон, 2000. 343 с.
28. Бердяев Н. А. Философия неравенства // Русское зарубежье. Власть и право. Л.: Лениздат, 1991. 234 с.

29. Библейская философия права и власти / Алексей Величко, протоиерей Тимофей Фетисов. М.: Вече, 2016. 192 с.
30. Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Российская школа сравнительного права: традиции и инновации // Ученые записки: сборник научных трудов юридического факультета РГУ. Ростов н/Д, 2002. Вып. 4. С.12-20.
31. Боханов А. Самодержавие – русская форма монархического авторитаризма // Русская народная линия [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/03/01/samoderzhavie_russkaya_forma_monarhicheskogo_avtoritarizma (дата обращения: 09.01. 2018).
32. Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. М.: Дмитрий Буланин, 2015. 560 с.
33. Васильев А. А. История русской консервативной правовой мысли (VII–XX вв.). Барнаул: Издательская группа Си-Пресс, 2011. 272 с.
34. Велиев И. В. Место прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации [Электронный ресурс] // Современное право. 2005. № 10. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Место-прокуратуры-в-системе-органов-государственной-власти-Российской-Федерации> (дата обращения: 24.05.2017).
35. Величко А. М. Византийская симфония. М.: Вече, 2013. 388 с.
36. Величко А. М. Идея права в Византии // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 1. С.15-24.
37. Величко А. М. История византийских императоров: в 5 т. М. Издательство ФИВ, 2009. Т. 1. 566 с.
38. Величко А. М. Священная империя и святой император (из истории византийских политических идей): сборник статей. М.: Юрлитинформ, 2012. - 344 с.
39. Величко А. М. Церковь и император в византийской и русской истории (историко-правовые очерки). СПб.: Юридический институт, 2006. 217 с.

40. Величко А.М. Политико-правовые очерки по истории Византийской Империи. М.: «ФондИВ», 2008. 237 с.
41. Величко А. М. Церковь и император: церковная власть византийских и русских императоров (историко-правовые очерки): научное издание. СПб.: Юридический институт, 2004. 335 с.
42. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 677 с.
43. Власть и политика: институциональный вызов XXI века. Политическая наука: ежегодник – 2012. РАПН. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 123 с.
44. Водопьянова М. В. Борьба светских и церковных судов за юрисдикцию в XVII веке // Адвокат. 2015. № 11. С.15-19.
45. Волоцкий Иосиф, преп. Просветитель. М.: Искусство, 1994. – 260 с.
46. Вязовик Т. П. Попытки консервативного синтеза в постсоветском идейном пространстве // Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. М.: Омега, 2011. 234 с.
47. Глобализация и государственное единство России / Б. С. Эбзеев, Р. А. Айбазов, С. Л. Краснорядцев; отв. ред. Б. С. Эбзеев. М.: Формула права, 2006. 308 с.
48. Горшков М. К. Граждане новой России: к вопросу об устойчивости и изменчивости общенационального менталитета // Россия: тенденции и перспективы развития: тезисы доклада на семинаре РАН. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 68–69.
49. Государственная доктрина России [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/?p=6571> (дата обращения: 25.05.2017).
50. Государственная политика и управление: в 2 ч. / под ред. Л. В. Сморгунова. Ч. 2: Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления. М.: РОССПЭН 2007. 495 с.

51. Грабар А. Н. Император в византийском искусстве. М.: Ладомир, 2000. 328 с.
52. Грек М. Сочинения. Казань: Тип. Губерн. правления, 1862. Ч. 3. 296 с.
53. Грибовский В. М. Народ и власть в Византийском государстве. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1897. 439 с.
54. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М.: Проспект, 2002. 544 с.
55. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Глаголь, 1995. 552 с.
56. Дементьева В. В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *Imperium* // Вестник древней истории. 2005. № 4. С. 46–75.
57. Дигесты Юстиниана. М.: Наука, 1984. 456 с.
58. Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке: пер. с франц. СПб.: Тип. Альтшулера, 1908. 687 с.
59. Доктрина Русского мира / авт. кол.: В. Аверьянов, С. Баранов, А. Гапоненко и др. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/10269/> (дата обращения: 25.05.2017).
60. Домников С. Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейя, 2002. 672 с.
61. Дугин А. Г. Проект «Евразия». М.: ЭКСМО, Яуза, 2004. 512 с.
62. Дунаев Н. А. Правомочие и его виды // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Париж: Изд-во евразийцев, 1931. С. 255–281 .
63. Егоров С. А. История отечественного государства и права. IX – первая половина XIX века. Опыт проблемного изложения. Ярославль: ЯрГУ, 2000. 336 с.
64. Елизаров А. Б. Роль и место прокурорского надзора в триаде властей // История государства и права. 2003. № 6. С. 24–27.

65. Ефимовских В. Л. Священство и царство: к вопросу о модели государственно-церковных отношений в московский период // Вестник Пермского университета. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2013. № 1 (19). С. 38–46.
66. Загурский Л. Н. Элементарный учебник римского права. Общая часть. Харьков: Тип. И. М. Варшавчика, 1897. Вып. 1. 624 с.
67. Захаров Н. А. Система русской государственной власти. М.: Изд-во журн. «Москва», 2002. 400 с.
68. Золотухина Н. М. Особенности средневековой политической и правовой мысли в России // Философия права в России: история и современность: материалы философско-правовых чтений памяти В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. М.: Норма, 2009. 320 с.
69. Иванов С. Второй Рим глазами Третьего: Эволюция образа Византии в российском общественном сознании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/04/14/vizant>
70. Иеринг Р. Дух римского права // Избранные труды: в 2 т. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2006. Т. 2. 547 с.
71. Иларион. Слово о Законе и Благодати. М.: Столица, Скрипторий, 1994. 146 с.
72. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М.: АСТ, 2003. 365 с.
73. Исаев И. А. «Симфония властей»: взаимодействие власти и авторитета // История государства и права. 2012. № 1. С. 116–125.
74. Исаев И. А. «Симфония властей»: взаимодействие власти и авторитета // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы IV межвузовской научной конференции, посвященной 400-летию со дня преставления священномученика Ермогена Патриарха Московского и всея Руси. М.: Изд-во РГТЭУ, 2012. С. 116–125.
75. Исаев И. А. Иррациональное в рациональном: приход «современного» права // История государства и права. 2013. № 16. С. 2–9.

76. Исаев И. А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние: монография. М.: Проспект, 2013. 176 с.
77. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России. М.: Юристъ, 2003. 415 с.
78. История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. М.: Зерцало, 2006. 568 с.
79. Каграманов Ю. Безответная Византия // Континент. 2008. № 2 (136). С. 217–221.
80. Кадырбаев А. Византийское и золотоордынское наследие в судьбе Российской и Османской империй: сходство и различия // Татарский мир. 2004. № 19 [Электронный ресурс]. URL: [http:// www. tatworld. ru/ article. shtml?article=630&heading=0§ion=0](http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=630&heading=0§ion=0)
81. Каждан А. П. Два дня из жизни Константинополя. СПб.: Алетейя, Государственный Эрмитаж, 2002. 320 с.
82. Казанский П. Е. Власть всероссийского императора. М.: ФондИВ, 2007. 600 с.
83. Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. 542 с.
84. Катков М. Н. Империя и крамола. М.: ФондИВ, 2007. 432 с.
85. Кецба Б. И. Влияние христианства на законодательство Византийской империи // История государства и права. 2015. № 15. С. 3–9.
86. Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. СПб.: Тип. Григория Трусова, 1859. Кн. 6, гл. 9. 108 с.
87. Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект Пресс, 1996. 368 с.
88. Ключевский В. О. Русская история: в 3 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 1. 774 с.
89. Князький И. О. Тиберий: третий Цезарь, второй Август... СПб.: Алетейя, 2012. 368 с.
90. Ковязина Ю. Основы возникновения и существования надзорной власти в России // Законность. 2002. № 1. С. 2–8.

91. Козлов А. Ф. Прокурорский надзор в Российской Федерации. Общая часть: учебное пособие. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. акад., 1994. 95 с.
92. Комова Н. Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях XVIII–XX веков: дис. д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2012. 345 с.
93. Кондаков Ю. Е. «Русская симфония» – четыре века испытания на прочность (государственная власть и церковные реформы в России XVI–XIX веков). СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. 218 с.
94. Конституционное право / под общ. ред. П. П. Баранова, А. Ю. Мамычева. М.: КНОРУС, 2017. 409 с.
95. Конституционно-правовая политика современной России: идеи, приоритеты, ценности, направления: монография / под ред. П. П. Баранова, А. И. Овчинникова. М.: РИОР, 2018. 248 с.
96. Крижанич Ю. Политика. М.: Новый Свет, 1997. 527 с.
97. Кулаковский Ю. А. История Византии: в 3 т. СПб.: Алетейя, 2003. Т. 2. 402 с.
98. Кураев А. Ответы молодым. Саратов: Изд-во Саратов. епархии, 2005. 100 с.
99. Лаза В. Д. Архетипическое в православии: история и современность. Пятигорск: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2013. 234 с.
100. Лапкин В. В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений: научная монография. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 140 с.
101. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
102. Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб.: Алетейя, 1998. 383 с.
103. Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.

104. Лебедев А. П. Церковно-исторические повествования из давних времен христианской Церкви. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. 285 с.
105. Леонов С. В. К вопросу о влиянии Византии на русскую историю // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 6. С. 67–76.
106. Леонтьев К. Избранное. М.: Рарогъ, Московский рабочий, 1993. 397 с.
107. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: Аст, Хранитель. 2007. 571 с.
108. Лескин В. Н. Консерватизм как иммунная система современности // Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива: материалы научного семинара. М., 2010. М.: Научный эксперт, 2010. Вып. 3. 104 с.
109. Липунцов Ю. П. Электронное государство. Ч. 1: Модели и архитектура. М.: ТЕИС, 2010. 274 с.
110. Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII веках. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 230 с.
111. Липшиц Е. Э. Византийское право в период между Эклогой и Прохироном (Частная Распространенная Эклога) / Е. Э. Липшиц. Л.: Наука, 1974. Т. 36. С. 45–73.
112. Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии IX–XI веков / под ред. В. И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1981. 246 с.
113. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма, 2011. 383 с.
114. Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Государственная власть: парадигма, методология, типология: монография: в 2 ч. М.: Юрлитинформ, 2013. 400 с.
115. Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права. М., 2015. 3-е изд. М.: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2015. 242 с.

116. Любецкий И. И. Верховная власть в государстве. Н. Новгород: Единение, 1917. 24 с.
117. Магазинер Я. М. Лекции по государственному праву (Общее государственное право). Пг.: 18-я гос. тип., 1919. 234 с.
118. Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. 254 с.
119. Максимович К. А. Право и церковь (Византийская империя) // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2004. Т. 8. С. 181–192.
120. Малый А. Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. 2001. № 3. С. 94–99.
121. Мальцев А. В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 800 с.
122. Мамычев А. Ю. Государственная власть в политическом процессе современной России: теоретико-методологический аспект политической и социокультурной трансформации: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. 443 с.
123. Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю., Овчинников А. И. Национально-культурные основы российской государственности и правовой политики. Владивосток: ВГУЭС, 2015. 241 с.
124. Мартышин О. В. Конституция Российской Федерации 1993 года как памятник эпохи // Государство и право. 2004. № 4. С. 13–16.
125. Медведев И. П. Византийское право на заключительном этапе своего развития // Культура Византии XIII – первая половина XV века. М.: Наука, 1991. С. 298.
126. Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания // Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб.: Царское дело, 2004. 494 с.
127. Михалков Н. С. Право и Правда. Манифест Просвещенного Консерватизма. М., 2010 [Электронный ресурс]. URL: www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest/html (дата обращения: 14.05.2012).

128. Моление Даниила Заточника / пер. Д. С. Лихачева [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%97/zatochnik-daniil/molenie-daniila-zatochnika/2> (дата обращения: 27.12.2017).
129. Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. 448 с.
130. Муфф Ш. Демократия в многополярном мире [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/02_2009/3.pdf (дата обращения: 15.05.2017).
131. Нарочницкая Н. А. Русский код развития. М.: Книжный мир, 2013. 352 с.
132. Нерсисянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристъ, 1996. 160 с.
133. Никодим, епископ Далматинский. Православное церковное право. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1897. 726 с.
134. Нила Сорского Предания и Устав. М., 1972.
135. Новиков О. А. Византийская концепция «симфонии властей». Историко-политический аспект // Право и политика. 2007. № 7. С. 115–122.
136. Новиков О. А. Институт Вселенских судей в Византии во второй половине XIV–XV веке // История государства и права. 2008. № 16. С. 34–35.
137. О социальной концепции русского православия / под общ. ред. М. П. Мчедлова. М.: Республика, 2002. 398 с.
138. Образы российской власти от Ельцина до Путина / под ред. Е. Б. Шестоपाल. М.: РОССПЭН, 2009. 415 с.
139. Овчинников А. И. Герменевтическая философия права: сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава и адъюнктов кафедры государственно-правовых и политико-философских дисциплин Ростовского юридического института МВД России. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2005. С. 5–33.
140. Овчинников А. И. Миланский эдикт и его роль в формировании ценностей современного права // Философия права. 2013. № 3 (58). С. 16–19.

141. Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 288 с.
142. Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Мамычева Д. И. и др. Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики Российского государства: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. 190 с.
143. Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Манастырный А. В., Тюрин М. Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. С. 28–29.
144. Овчинников А. И., Фоминская М. Д. Религиозная безопасность России и права в ее обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 7–15.
145. Омельченко О. А. История политических и правовых учений. М.: ЭКСМО, 2006. 576 с.
165. Основные документы Поместного Собора 1990 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document/525407/> (дата обращения: 27.12.2017).
147. Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс]. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/> (дата обращения: 26.05. 2017).
148. Павлов А. С. Курс церковного права. СПб.: Лань, 2002. 384 с.
149. Памфил Евсевий. Жизнь блаженного василевса Константина. М.: М.: Labarum, 1998. 350 с.
150. Памфил Евсевий. Церковная история. М.: Изд. отд. Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1993. 446 с.
151. Панеях Э. Л. Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs закон применяемый // Политическая наука. 2003. № 1. С. 33–52.
152. Патриарх Кирилл напомнил Президенту о симфонии властей

(В Кремле состоялся прием в честь архиереев – участников Поместного собора Русской православной церкви) [Электронный ресурс]. URL: <https://rusk.ru/newsdata.php?idar=730102> (дата обращения: 12.12.2017).

153. Патриарх Кирилл: о «симфонии этносов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.obozrevatel.ru/temy-dnya/temy-dnya_30070.html (дата обращения: 12.12.2017).

154. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. В поисках симфонии (интервью) // Русский Дом. 2004. № 6 [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/06/14/v_poiskah_simfonii/

155. Патриарх о церкви и государстве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsad.ru/articles/patriarh-o-cerkvi-i-gosudarstve-vosem-cita> (дата обращения: 26.12.2017).

156. Перевезенцев С. В. Смысл русской истории. Сер.: Тайны Земли Русской. М.: Вече, 2004. 491 с.

157. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Госюриздат, 1956. 131 с.

158. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.

159. Пивоваров Ю. С. Два века русской мысли. М.: ИНИОН РАН, 2006. 474 с.

160. Пивоваров Ю. С. Русская политическая традиция. М.: ИНИОН РАН, 2006. 256 с.

161. Пивоваров Ю. С. Россия: государство, легитимность, конституция // Политические институты России и Франции: традиции и современность: Сборник научных трудов / отв. ред. Д. В. Ефременко, Н. Ю. Лапина. М.: ИНИОН РАН, 2014. 256 с.

162. Повесть временных лет. Оригинал [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://heathen.su/library/pvl.html> (дата обращения: 21.12.2017).

163. Полянцева А. В. «Симфония властей» в Византии и России как преемницы Византийской империи // Научный журнал Кубанского

государственного аграрного университета. 2016. № 118 (04) [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/04/pdf/99.pdf>

164. Попова О. В. Консервативные ценности в стереотипах политического сознания // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сборник статей. СПб.: Изд-во СПб.ГУ, 2004. Вып. 1. С. 201–217.

165. Послание Старца Филофея [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elisarovo.ru/ru/lm/Шrim/messages> (дата обращения: 01.04. 2016).

166. Поучение Владимира Мономаха и его письмо к Олегу Черниговскому [Электронный ресурс]. URL: <http://zaumnik.ru/drevnerusskaja-literatura/pouchenie-vladimira-monomakha-i-ego-pis'mo-olegu-chernigovskomu.html> (дата обращения: 24.12.2017).

167. Правила Святых Вселенских Соборов. М.: Паломникъ: Сибирская благовонница, 2000. 736 с.

168. Проект Россия. Первая книга. М., 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://smart-torrent.org/viewtopic.php?t=62223>

169. Проект Россия. Третья книга: Третье тысячелетие. М., 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://smart-torrent.org/viewtopic.php?t=62223>

170. Проект Россия. Четвертая книга: Большая идея. М., 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://smart-torrent.org/viewtopic.php?t=62223>

171. Прокопович Ф. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 503 с.

172. Прокопович Ф. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и ком.

И. В. Курукин; Ин-т общественной мысли. М.: РОССПЭН, 2010. 623 с.

173. Протоиерей Валентин Асмус. Церковные полномочия византийских императоров // Православная государственность: 12 писем об Империи: сборник статей / под ред. А. М. Величко, М. Б. Смолина. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2003. 302 с.

174. Пушкарев Л. Н. Менталитет русского общества на рубеже XVI–XVII веков // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М.: ИРИ РАН, 2003. С. 11–22.
175. Ремизов М. Опыт консервативной критики. М.: Прагматика культуры, 2002. 112 с.
176. Ремизов М. Консервативная мысль в поисках «арены истории» // Логос. 2002. № 5–6. С. 79–103.
177. Ремизов М. Опыт типологии консерватизма // Логос. 2005. № 5 (50). С. 147–164.
178. Розин В. М. Юридическое мышление. Алматы: ВШП «Әділет», 2000. 294 с.
179. Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи: в 2 т. СПб.: Наука, 2000. Т. 1. 416 с.
180. Русская доктрина (Сергиевский проект) / под ред. А. Б. Кобякова, В. В. Аверьянова. М.: Яуза, 2008. 864 с.
181. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971. 296 с.
182. Салтыкова С. А. Реализация православного идеала «симфонии» церкви и царства: византийская и русская исторические формы церковно-государственных отношений // История государства и права. 2009. № 20. С. 10–11.
183. Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Калигула. СПб.: Азбука, 2016. Кн. 20. 480 с.
184. Сергеевич В. И. Русские юридические древности: в 3 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. Т. 2. 336 с.
185. Серов В. В. «Миграционная политика» в Византии [Электронный ресурс]. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2766>
186. Сильвестрова Е. В. *Lex generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X веков н. э. М.: Индрик, 2007. 246 с.

187. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 281 с.
188. Симон Г. Мертвый хватает живого // Цивилизации. М., 1997. С. 115–135.
189. Скабаланович Н. А. Византийское государство и Церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: в 2 т. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. Т. 2. 864 с.
190. Скобина Е. А., Хренников В. Д. Прокуратура Российской Федерации как четвертая ветвь власти // Молодой ученый. 2017. № 8. С. 246–248.
191. Соколов И. И. Вселенские судьи в Византии // Сочинения. Казань, 1894. 536 с.
192. Соколов И. И. Лекции по истории греко-восточной Церкви. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. Т. 1. 384 с.
193. Соловьев В. Византизм и Россия // Спор о справедливости. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1991. 864 с.
194. Соловьев А. Византийский стиль. Культура власти российской элиты // Дружба народов. 2000. № 7. С. 150–163.
195. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. 738 с.
196. Солоневич И. Народная монархия. М.: Эксмо, 2003. 607 с.
197. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 1054 с.
198. Состоялся XVII Всемирный русский народный Собор (ВРНС), который в этом году посвящен теме «Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа» [Электронный ресурс]. URL: http://www.obozrevatel.ru/temy-dnya/temy-dnya_30070.html (дата обращения: 27.12.2017).

199. Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества: монография. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 187 с.
200. Спасский А. А. Германцы, их быт и союзы: лекции по истории западноевропейского Средневековья. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 282 с.
201. Спиридонова В. И. Московское царство как прообраз политических стратегий Российского государства // Политическая стратегия Российского государства как философская проблема / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В. Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2011. 238 с.
202. Старовойтова Г. Россия, которую мы обретаем // Деловые люди. 1997. 1 января [Электронный ресурс]. URL: <http://starovoitova.ru/rus/main.php?i=4&s=202>
203. Стеллецкий В. И. Слово о полку Игореве: древнерусский текст и переводы / сост., подгот. текста и вступ. ст. В. И. Стеллецкий; коммент. В. И. Стелецкий. М.: Советская Россия, 1981. 286 с.
204. Суворов Н. С. Курс церковного права. Ярославль: Типо-литогр. Г. Фальк, 1890. Т. 2. 515 с.
205. Суворов Н. С. О юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. 299 с.
206. Суворов Н. С. Учебник церковного права. М.: А. А. Карцев, 1913. 535 с.
207. Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Вилисов М. В. и др. Нравственное государство. От теории к проекту / под общ. ред. С. С. Сулакшина. М.: Наука и политика, 2015. 424 с.
208. Тарнас С. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. 444 с.
209. Тихомиров Л. А. Верховная власть и Основные законы 1906 года. М.: Тип. В. М. Саблина, 1909. 13 с.
210. Тихомиров Л. А. Россия и демократия. М.: ФондИВ, 2007. 461 с.

211. Тихонова Н. Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 30–40.
212. Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли X–XVIII веков. М.: Зерцало, 2003. 256 с.
213. Тростников В. О симфонии властей [Электронный ресурс]. URL: <https://public.wikireading.ru/153863> (дата обращения: 27.12.2017).
214. Трубецкой Н. С. Европа и человечество: Русский мир: сборник. СПб.: Terra Fantastica, 2003. 864 с.
215. Туркулец С. Е. Вера как духовная ценность в религиозном и правовом сознании // *Ценностный дискурс в науках и теологии* / отв. ред. И. Т. Касавин и др. М.: ИФРАН, 2009. С. 330–350.
216. Успенский Б. А. Очерки по истории русской церкви. М., 1998.
217. Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (византийская модель и ее русское осмысление). М.: Языки русской культуры, 1998. 676 с.
218. Успенский Ф. И. Богословское и философское движение в Византии в XI и XII веках // *Журнал Министерства народного просвещения* СПб., 1891 [Электронный ресурс]. URL: [https:// runivers.ru/lib/ book7643/ 458440/](https://runivers.ru/lib/book7643/458440/)
219. Фадеев В. И. О духовно-нравственных основах народного представительства в России // *Конституционное и муниципальное право*. 2014. № 3. С. 11–16.
220. Хабермас Ю. Вовлечение другого // *Очерки политической теории* / пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. В. Скляднева. 2-е изд., стер. СПб.: Наука, 2008. 415 с.
221. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь Мир, 2008. 192 с.
222. Хвостов В. М. Общая теория права. СПб.: Изд-во Н. П. Карбасников, 1914. 160 с.

223. Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации. М.: Наука, 2005. 125 с.
224. Хомяков А. С. Философские и богословские произведения. М.: Книжный клуб «Книговек», 2013. 591 с.
225. Цицерон. Диалоги. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир»: Наука, 1994. 222 с.
226. Цыпин В., протоиерей. Симфония Церкви и государства // Православная государственность: 12 писем об Империи: сборник статей / под ред. А. М. Величко, М. Б. Смолина. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2003. 301 с.
227. Цыпин Вл., протоиерей. Курс церковного права: учебное пособие. Клин: Христианская жизнь, 2002. 703 с.
228. Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml
229. Черепанов В. А. Теория российского федерализма. М.: МЗ-ПРЕСС, 2005. 320 с.
230. Чиркин В. Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4. С. 10–18.
231. Чиркин В. Е. Конституция: российская модель. М.: Юрист, 2002. 158 с.
232. Чиркин В. Е. Новые подходы к теории современного государства и федерализма // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 66–72.
233. Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государственоведения. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. 152 с.
234. Шеренги Ф. Э. Социология права: прикладные исследования. СПб.: Алетейя, 2002. 447 с.
235. Шестопад Е. Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Политические исследования. 2011. № 2. С. 7–24.
236. Шмеман А., протоиерей. Исторический путь Православия. Нью-Йорк, 1954 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/istoriya_drevney_cerkvi/istoricheskiy_put_pravosl (дата обращения: 10.01.2018).

237. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.
238. Щюц А. Методология социальных наук // Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С.7–52.
239. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийского книга епарха. Рязань: Александрия, 2006. 592 с.
240. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с.
241. Dagron G. Lawful Society and Legitimate Power // Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelfth Centuries. Washington, 1994.
241. Dagron G. Lawful Society and Legitimate Power // Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelfth Centuries. Washington, 1994. P. 27–51.
242. Fountain J. Building the Virtual State. Information Technology and Institutional Change. Washington: Brookings Institution Press, 2001. 251 p.
243. Hall S. Cultural Studies and Theoretical Legacies // Cultural Studies. N. Y.: Routledge, 1992. P. 277–294.
244. Hannerz U. When Culture is Everywhere // Ethnos. 1993. T. 58. P. 95 – 111.
245. Hoppe R. Cultures of Public Policy Problems // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice. 2002. № 4. P. 305–326.
246. Misztal B. Trust in modern societies. Cambridge: Polity Press, 2012. 296 p.
247. Schmitt C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. Berlin: Duncker A. Humblot, 1991. 364 s.
248. Dimiter Angelov. Imperial ideology and political thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge: University Press, 2007. 453 p.
249. Ihor Ševčenko. Byzantium and the Slavs in letters and culture. Harvard: Ukrainian Research Institute, 1990. 740 p.
250. Three political voices from the age of Justinian: Agapetus, Advice to the emperor; Dialogue on political science; Paul the Silentiary, Description of Hagia

Sophia / Translated by Peter Neville Bell. Liverpool: Liverpool University Press,
2009. 249 p.